

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 86

Сборник статей

Томск
Издательство Томского государственного университета
2020

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, профессор С.А. Елисеев,
д-р юрид. наук, доцент *А.С. Князьков*,
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прозументов*,
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. О.И. Андреева, С.А. Елисеев, А.С. Князьков, Л.М. Прозументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – Ч. 86. – 228 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-94621-950-1 (отд. кн.)

В сборник включены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 30 января – 1 февраля 2020 г.).

Статьи данного издания посвящены актуальным вопросам уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, а также актуальным вопросам теории и практики расследования преступлений криминалистическими средствами. Авторами исследуются теоретические проблемы, вопросы практики деятельности законодательных, исполнительных, правоохранительных и судебных органов, вносятся предложения по повышению эффективности правового регулирования предупреждения преступности и предупредительной деятельности органов уголовной юстиции.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов уголовной юстиции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2
ISBN 978-5-94621-950-1 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2020

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

А.В. Шеслер

ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Большая часть исследователей усматривает значение Конституции РФ для уголовного законодательства в том, что она является источником уголовного права (О.Н. Бибик, И.Я. Козаченко, В.П. Коняхин, А.В. Наумов и др.). Свою позицию исследователи обосновывают либо влиянием конкретных норм Конституции РФ на уголовно-правовые отношения, либо высшей юридической силой Конституции РФ по сравнению с другими законами и необходимостью соответствия последних Конституции РФ, закреплением в ней иерархии охраняемых уголовным законом ценностей. В этой связи отметим, что признание за Конституцией РФ значения источника уголовного права означало бы принижение ее роли до уровня отраслевого законодательства. Первая группа приведенных исследователями аргументов свидетельствует о существовании российской правовой системы, в которой образующие ее отрасли законодательства находятся в тесной взаимосвязи и имеют различное значение для правового регулирования. Значение уголовного законодательства состоит в основном в выполнении функции охраны тех общественных отношений, которые регулируются иными отраслями законодательства, в том числе конституционным. Нормативно-правовые акты иной отраслевой принадлежности не могут быть источниками уголовного права в собственном смысле слова потому, что в них не определяется преступность и наказуемость деяния, не формулируются признаки конкретных составов преступлений, не указываются виды и размеры наказаний за их совершение, а также связанные с этими явлениями положения. Если признавать источником уголовно-

го права все нормативно-правовые акты, влияющие на уголовно-правовые отношения, то можно сделать вывод о том, что уголовное право не имеет своих источников, так как образующие ее нормы содержатся в нормативно-правовых актах иной отраслевой принадлежности.

Вторая группа аргументов лишь подтверждает закрепленное в ч. 2 ст. 1 УК РФ положение, в соответствии с которым уголовное законодательство основывается на Конституции РФ. Из этого положения некоторые авторы делают правильный вывод о том, что нормы Конституции РФ не являются источником уголовного права, а служат основой для входящих в последнее правовых предписаний (Н.И. Пикуров, А.И. Чучаев и др.).

Это означает, что Конституция РФ является нормативно-правовой базой, на которой формируется уголовное законодательство. Во-первых, Конституция РФ является высшей правовой декларацией, определяющей важнейшие объекты правовой охраны (в главе 1 – основы конституционного строя; в главе 2 – права и свободы человека и гражданина). Эти объекты положены в основу определения основных объектов уголовно-правовой охраны (ч. 1 ст. 2 УК РФ), а также приоритетов уголовно-правовой охраны, отраженных в очередности разделов Особенной части УК РФ (раздел VII «Преступления против личности», раздел VIII «Преступления в сфере экономики» и т.д.). Такие приоритеты выстроены в соответствии с приоритетами либеральной системы ценностей: личность, общество, государство. В обратном порядке выстраивалась система приоритетов уголовно-правовой охраны в УК РСФСР 1960 г.: первые две главы УК РСФСР предусматривали наказуемость за государственные преступления и преступления против социалистической собственности, затем шла глава о преступлениях против личности, правах и свободах граждан и т.д. Это было обусловлено тем, что Конституция РСФСР 1978 г. закрепляла иную иерархию правовых ценностей в последовательности: государство, общество, личность (раздел I «Основы общественного строя и политики СССР», раздел II «Государство и личность» и др.).

Во-вторых, в соответствии со ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, в том числе и уголовных законов (например, норм главы 19 УК РФ). Это положение определяет основные направления в уголовно-правовой политике.

В-третьих, в Конституции РФ закрепляются общеправовые принципы, которые в УК РФ находят специфическое отраслевое проявление. Так, принцип законности закреплен в ст. 54 Конституции РФ и находит отраслевое проявление в ст. 3 УК РФ в виде указания на то, что преступность и наказуемость деяния предусматриваются только уголовным законом. Принцип равенства граждан перед законом, в общей форме закрепленный в ст. 19 Конституции РФ, в соответствии со ст. 4 УК РФ означает одинаковые основания уголовной ответственности для всех физических лиц. Принцип справедливости, отраженный в Конституции РФ (ст. 50, 52, 54 УК), предполагает как возмездные, так и компенсационные меры. Однако отраслевое проявление этого принципа в ст. 6 УК РФ подчеркивает в основном возмездный характер уголовного наказания, а также необходимость его дифференциации и индивидуализации. Принцип гуманизма в Конституции РФ означает создание достойных условий для жизни человека (ст. 7), гарантирование право на жизнь (ст. 20). В уголовном законе отраслевое проявление этого принципа отражает два аспекта гуманизма: безопасность человека и гуманное отношение к преступнику (ст. 7 УК РФ).

В-четвертых, в Конституции РФ определена компетенция высших органов государственной власти в сфере уголовно-правовой политики: в п. «о» ст. 71 уголовное законодательство отнесено к ведению Российской Федерации; в п. «в» ст. 89 закреплено право Президента РФ осуществлять помилование; в п. «ж» ч. 1 ст. 103 к ведению Государственной Думы отнесено объявление амнистии; в ст. 126 закреплено право Верховного Суда РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики.

В-пятых, в Конституции РФ содержатся общие правовые положения, которые воспроизводятся в уголовном законодательстве с учетом его специфики (например, об обратной силе закона и о несении юридической ответственности только за то деяние, которое признавалось правонарушением в момент его совершения в ст. 9, 10 УК РФ).

О.В. Ермакова

ТЕОРИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Любое преступление характеризуется своей уникальностью не только относительно места и времени совершения, но и особенностями выполняемых виновным действий, наступивших последствий, используемых средств и орудий. В связи с этим вполне справедливо утверждение о том, что двух одинаковых преступлений существовать не может.

Многообразие преступных проявлений, необходимость их группировки в единой форме предопределили создание такой теории, которая позволяла бы построить модели, образцы реально существующих деяний. С этой целью в советское время в научном сообществе широкую разработку получила категория «состав преступления», заимствованная из германской школы уголовного права.

Состав преступления, по своей сути, выступает прообразом существующего в общественной жизни деяния. В свою очередь, его содержание представляет собой совокупность объективных (внешних) и субъективных (внутренних) признаков¹. Очевидна зависимость между признаками состава преступления и характеристикой совершаемого общественно опасного деяния. В частности, реальное деяние посягает на определенные общественные отношения, проявляется в виде действия (бездействия), приводит к наступлению преступных последствий, совершается конкретным субъектом, с определенным отношением лица как к самому деянию, так и к наступившим последствиям. Каждому из представленных свойств деяния соответствует признак состава преступления.

Несмотря на то, что понятие «состав преступления» является достаточно разработанным, существует множество вопросов его понимания. Например, до настоящего времени окончательно не опреде-

¹ Преступление и состав преступления как основополагающие категории уголовного права: учеб. пособие / О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, О.Н. Штаб, Л.Я. Тарасова, О.А. Шатилова, Д.А. Маракулин, В.В. Мальченкова, А.М. Репьева. Барнаул, 2019. С. 24.

лено соотношение преступления и состава преступления, содержание отдельных элементов и признаков состава преступления (в особенности объекта преступления) как законодателем, так и наукой уголовного права. Наряду с существующими проблемами уяснения состава преступления фактически не разработана теория его создания.

Полагаем, что процесс формирования состава преступления, осуществляемый законодателем, наиболее целесообразно, в соответствии с лексическим значением, именовать моделированием, означающим не только построение, но и анализ моделей реально существующих объектов¹. Содержание теории моделирования должно представлять собой совокупность этапов по созданию модели общественно опасного деяния. При этом само по себе решение законодателя объявить то или иное деяние преступным находится за рамками теории, поскольку оно принимается до начала создания модели такого деяния. Формирование состава должно начинаться с определения места его расположения в уголовном законе и заканчиваться его включением в статью Особенной части.

Руководство при принятии норм уголовного закона единой теорией моделирования позволит унифицировать закрепляемые конструкции, исключить противоречия между различными составами. Однако ожидаемая эффективность будет иметь место только в том случае, когда решены вопросы понимания самого состава преступления, а также элементов и признаков, его образующих.

З.Д. Ермекова

ВИНА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В теории уголовного права существуют три основные уголовно-правовые концепции вины:

- 1) теория опасного состояния;
- 2) оценочная теория;
- 3) психологическая теория.

Сторонниками теории опасного состояния были Э.Я. Немировский и Н.Н. Полянский, которые понимали вину не как психиче-

¹ Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2000. С. 147.

ское отношение к совершенному преступлению, а как совокупность заложенных в преступнике психических факторов, породивших его отрицательное правовое или социальное осуждение¹. Согласно данным утверждениям, если лицо имеет непогашенную и неснятую судимость, то, значит, оно безусловно для общества представляет опасность и тем самым лицо виновно в совершенном им деянии. На наш взгляд, данное высказывание является абсурдным.

Теперь необходимо рассмотреть мнения авторов, являющиеся сторонниками оценочной теории вины. Так, Б.С. Утевский утверждал, что «проблема вины – это проблема морально-политической оценки судом»². В свою очередь В.Г. Макашвили дает следующее определение понятию вины: «...вина есть порицаемое, осуждаемое социалистическим обществом психическое отношение лица к совершенному им общественно-опасному поступку»³. Белорусский автор С.Е. Данилюк, критикуя психологическую теорию вины, отмечает, что «вина – это, безусловно, категория социально-правовая (а не чисто психологическая, когнитивная), поэтому установление вины (виновности) всегда предполагает не только точное ретроспективное мысленное воспроизведение (воссоздание) судом интеллектуальных, волевых и эмоциональных процессов, происходивших в сознании лица в момент совершения какого-либо деяния, но и вынесение суждения о неправомерности (либо, наоборот, правомерности) его поведения с учетом всех требований уголовного закона»⁴. С.В. Скляр⁵, В.В. Лунеев⁶, являясь сторонниками психологического понимания вины, отмечали, что оценка вины зависит от лица, представляющего правосудие, тем самым на сегодняшний день понятие вины отчасти оценочное.

Такое положение, на наш взгляд, представляется не справедливым, так как вина в совершении преступления (как умысел, так и

¹ Уголовное право. История юридической науки. М., 1978. С. 78.

² Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 10.

³ Макашвили В.Г. Вина и сознание противоправности // Методические материалы Всесоюзного юридического заочного института. 1948. № 2. С. 92.

⁴ Данилюк С.Е. Конституционный принцип презумпции невиновности и уголовно-правовые проблемы вины. С. 45–47.

⁵ Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 36.

⁶ Лунеев В.В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 12.

неосторожность) объективно существует вне сознания судьи, следователя или дознавателя. Являясь правоприменителями, они не оценивают вину, а выясняют ее реальное содержание, тем самым устанавливая истину по уголовному делу. Вина же входит в предмет доказывания при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства.

Психологической теории вины придерживаются такие российские ученые, как А.И. Рарог, Ф.Г. Гилязев, А.В. Наумов, В.А. Нерсесян, А.А. Пионтковский, В.А. Якушин, А.И. Никитина. Казахские ведущие ученые И.Ш. Борчашвили, И.И. Рогов, Б. Жунусов, Е. Каиржанов, Н.К. Котова и другие в своих работах писали, что вина есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям, выраженное в форме умысла и неосторожности. На наш взгляд, только на основе данного (психологического) подхода уголовная ответственность может действительно строиться на виновности субъекта и являться справедливой.

А.А. Пропостин

ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ: ПРОБЛЕМЫ СОУЧАСТИЯ

Преступления с двумя формами вины фактически являются сложными составными преступлениями, состоящими из двух преступных деяний: умышленного и неосторожного. Практически все исследователи данного вопроса единодушны в том, что соучастие возможно в рамках основного состава преступления. А вот в отношении квалифицирующего признака мнения исследователей разнятся.

В соответствии со ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Исходя из этого, полагаем, что соучастие возможно только в рамках основного состава такого преступления, а в отношении квалифицирующего признака, предполагающего наступление последствий по неосторожности, соучастие возможно только при следующих условиях.

Во-первых, само по себе соучастие предполагает наличие у соучастников общей цели, которую они достигают, совершая преступление. Это должно относиться не только к основному деянию, но и к преступным последствиям, которые образуют соответствующий квалифицирующий признак.

Во-вторых, следует учитывать и принцип вины, закрепленный в ч. 1 ст. 5 УК РФ, согласно которому лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

В-третьих, при квалификации следует исходить из того, что между деянием каждого из соисполнителей и наступившими последствиями должна быть прямая причинно-следственная связь.

Исходя из этого, полагаем, что уголовную ответственность за последствия, наступившие по неосторожности, могут нести соисполнители, но только лишь в том случае, если у всех соисполнителей имеется вина в форме неосторожности к этим последствиям. Например, при причинении тяжкого вреда здоровью человека причинение такого вреда является опасным для жизни человека в момент его причинения. Поэтому каждый из соисполнителей должен и может предвидеть возможность наступления смерти потерпевшего. Однако в ситуации, когда один из соисполнителей такого преступного деяния наносит повреждения, которые не влекут за собой наступление смерти, соучастия быть не может.

Исходя из изложенного, к преступлениям с двумя формами вины неприменима такая форма соучастия, как организованная группа. Несмотря на то, что все участники такой группы несут уголовную ответственность как соисполнители, вопрос привлечения их к уголовной ответственности за причинение последствий по неосторожности должен рассматриваться с учетом принципа вины и наличия причинно-следственной связи.

Таким образом, уголовную ответственность в преступлениях с двумя формами вины могут нести только соисполнители при наличии вины в виде легкомыслия или небрежности применительно к последствиям, а также причинно-следственной связи между своим деянием и наступившими последствиями.

ЗАВЕДОМОСТЬ КАК ПРИЗНАК, ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ ОБОСНОВАННЫЙ РИСК

В соответствии с ч. 3 ст. 41 УК РФ «Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей...»¹, а именно с наступлением существенного вреда для объектов уголовно-правовой охраны.

Исходя из приведенной нормы следует вывод о дифференцирующей роли признака заведомости при уголовно-правовой оценке рискованных действий лица.

Считаем, что признак заведомости, указанный в уголовном законе, сопряженный с наступлением неблагоприятных последствий от действий riskующих лиц, существует также в ситуациях, связанных с осуществлением авиаперевозок. Например, известны факты, когда пилоты воздушных судов, исходя из сложившейся неблагоприятной летной обстановки, принимают решение не рисковать жизнью пассажиров но, к сожалению, не все опытные пилоты принимают именно такое решение.

Так, социальной практике известны некоторые случаи. Например, летом 2019 г. в Нью-Йорке из-за неблагоприятной летной обстановки при наличии тумана, дождя и в связи с этим плохой видимости пилот вертолета принимает решение не рисковать, а совершить экстренную посадку на ближайшее здание. В результате принятого решения пилоту удалось сохранить жизнь пассажирам, правда, ценой собственной.

Таким образом, пилот грамотно, с учетом летного опыта оценив обстановку, принял решение, которое спасло жизнь пассажирам вертолета. Действия пилота полностью соответствуют общим требованиям об обоснованном риске, и при таких обстоятельствах преступность деяния должна исключаться.

В некоторых случаях пилоты по неизвестным причинам принимают заведомо рискованное решение осуществить полет, тем самым подвергают необоснованному риску жизни многих людей.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

Так, например, пилоты вертолета, на котором летел генерал-лейтенант А.И. Лебедь, совершили полет с риском для жизни многих людей.

Исходя из фактуры уголовного дела¹, можно сделать вывод о том, что предполетная навигационная подготовка осуществлена не в полном объеме, в связи с чем сам полет осуществлялся без должного объема необходимой навигационной информации, что в совокупности с метеоусловиями повлекло крушение и гибель людей.

В связи с чем, по нашему мнению, следует, исходя из положений УК РФ, действия пилотов и наступившие последствия оценить следующим образом.

Во-первых, действия пилотов вертолета соответствуют положениям ч. 3 ст. 41 УК РФ. А именно по наличию в них признака заведомости в аспекте угрозы для жизни многих людей.

Во-вторых, при наличии соответствующего признака следует вывод о необоснованности риска, который в соответствии с положениями ст. 61 УК РФ, содержащей неисчерпывающий перечень, должен быть признан судом как обстоятельство, смягчающее наказание.

Т.Г. Каракулов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В настоящее время достаточно остро стоит вопрос правильного назначения наказания при наличии обстоятельств, указывающих на необходимость обязательного смягчения либо усиления наказания за совершенное преступление. Такие обстоятельства, помимо связанных с упрощенными формами рассмотрения дела, указаны в ч. 2 ст. 68 и ч. 1 ст. 62 УК РФ.

Обязательное усиление наказания как минимум до 1/3 максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за преступление, законодатель связывает с наличием рецидива

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 июля 2004 г. № 53-О04-34 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 2. С. 14–16.

преступлений и отсутствием обстоятельств, смягчающих наказание, либо когда суд не считает возможным при их наличии назначить менее строгое наказание нежели то, которое должно быть назначено при рецидиве преступлений по общему правилу, а также когда не установлены и исключительные обстоятельства, существенно уменьшающие общественную опасность содеянного. Часто допускаемые ошибки сводятся к некорректному указанию на соответствующее отягчающее наказание обстоятельство, отсутствию упоминания на применение положений ч. 2 ст. 68 УК РФ, а также неверному определению количества судимостей, образующих рецидив преступлений. Так, нередко случаи признания в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, опасного и особо опасного рецидива преступлений. Это, очевидно, делается без учета того, что перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Эти обстоятельства в приговоре должны быть указаны именно таким образом, как они предусмотрены в уголовном законе, в данном случае – рецидив преступлений – вне зависимости от его вида. Иное означает необоснованное «утяжеление» и без того отягчающего наказание обстоятельства, что недопустимо. Устранение такого нарушения влечет снижение назначенного наказания, так как изменение вида рецидива на менее опасный свидетельствует о более низкой степени общественной опасности личности преступника, что должно учитываться при назначении наказания. Установление вида рецидива необходимо для надлежащего учета личности преступника и определения вида исправительного учреждения, однако сам по себе вид рецидива о каком-либо фиксированном либо относительно определенном усилении наказания свидетельствовать не должен. Установление при пересмотре дела рецидива более опасного усиления наказания не требует, при условии признания судом отягчающим наказания обстоятельством именно рецидива преступлений, так как рецидив в этом случае учитывался, как это предусмотрено п. А ч. 1 ст. 63 УК РФ. Неверное определение количества судимостей, образующих рецидив преступлений, зачастую связано отдельным учетом судимостей по приговорам, окончательное наказание по которым назначено по ч. 5 ст. 69 УК РФ, что образует одну судимость.

Обязательное смягчение наказания связано с применением ч. 1 ст. 62 УК РФ: наличием смягчающих обстоятельств, предусмотренных

п. И и (или) К ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствием отягчающих обстоятельств. Срок наказания при этом не может превышать 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного статьей УК РФ. Исходя из системного толкования ч. 1 ст. 6, ст. 60, ч. 1 ст. 62 УК РФ, мотивировка применения норм права, ограничивающих срок или размер наказания в приговоре, обязательна, что соответствует правовой позиции ВС РФ (п. 35 ППВС РФ от 22.12.2015. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»). Таким образом неуказание судом в приговоре на применение ч. 2 ст. 68 и ч. 1 ст. 62 УК РФ является нарушением уголовного закона, влекущем изменение размера назначенного наказания.

А.Г. Антонов

ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА И ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Институт освобождения от уголовной ответственности имеет большое значение и занимает заметное место в отечественном уголовном законодательстве. Он не только сформировался, но и динамично развивается, являясь реальной альтернативой уголовному наказанию. Ему посвящена не только отдельная глава 11 Общей части УК РФ, но и свыше сорока норм-примечаний в Особенной части. Эти нормы обращены к виновным, общественная опасность которых значительно снижена или вовсе утрачена. И, что немаловажно, они направлены на раскрытие и предупреждение преступлений, а также на нейтрализацию общественной опасности таковых. При этом возникает вопрос о соотношении данного института и принципа гуманизма.

В соответствии со ст. 7 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. На первый взгляд, данный принцип никоим образом с институтом освобождения от уголовной ответственности не связан. Так ли это?

Не вызывает сомнений, что «уголовное законодательство и суды Российской Федерации обеспечивают охрану гуманистических ос-

нов гражданского общества и социального государства в России, приоритетную защиту прав и свобод человека и гражданина»¹. Действительно, уголовный закон сам по себе гуманен. Он призван обеспечить права человека². Однако положение принципа гуманизма об обеспечении безопасности человека, которое ныне имеет место в ст. 7 УК РФ, не является сугубо уголовно-правовым. Оно по характеру имеет отношение еще к ряду отраслей права. Поэтому обеспечение безопасности человека неоправданно расширяет содержание принципа гуманизма, закреплённого в ст. 7 УК РФ.

Принцип гуманизма тесно связан с положением о так называемой экономии репрессий³. Он направлен, прежде всего, на лицо, совершившее преступление. Поэтому к требованиям принципа гуманизма относятся «обеспечение прав человека уголовным законодательством; гуманизация карательной политики государства; ограничение применяемых к преступникам мер лишь минимально необходимыми и достаточными для достижения целей их исправления и превенции; запрет моделирования и применения каких-либо мер воздействия с целью причинения физических или психических страданий; сохранение за лицом, совершившим преступление, неотчуждаемых и гарантированных законом прав»⁴. Под обеспечением прав человека уголовным законодательством мы предлагаем понимать, в данном случае, обеспечение прав лица, совершившего преступление. Это выражается в том, что меры, применяемые к преступникам, должны быть минимально необходимыми и достаточными для их исправления и предупреждения новых преступлений⁵. Ведь сущность принципа гуманизма – недопустимость чрезмерной репрессии.

¹ Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. С. 179.

² Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 145–151.

³ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 154.

⁴ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 145–151.

⁵ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 151.

«Принцип гуманизма в уголовном праве охватывает различные аспекты отношения к преступнику в период назначения наказания, включая различные формы освобождения от него»¹. Охватывает принцип гуманизма и определение возможности освобождения от уголовной ответственности². Нормы об освобождении от уголовной ответственности не только не имеют своей целью причинения каких-либо страданий виновному, они вообще исключают специфическое принудительное уголовно-правовое воздействие на него. То есть внутренний аспект принципа гуманизма – экономное использование карательных средств, нашел свою полную реализацию в исследуемых основаниях. Ведь нет необходимости реализовывать уголовную ответственность, например в отношении лица, утратившего общественную опасность. Поэтому институт освобождения от уголовной ответственности и принцип гуманизма органично сочетаются в уголовном законе, несмотря на то, что в ст. 7 УК РФ упоминаются только наказание и иные меры уголовно-правового характера.

С.С. Уткина

СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

Федеральным законом от 21 октября 2013 г. в ст. 63 УК РФ введена часть 1.1, согласно которой судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, может признать обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ. Здесь можно говорить о некоем возвращении нормы в уго-

¹ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 151.

² См.: Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Учебник. Краснодар, 1999. С. 20. Цит. по: Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. С. 161–162.

ловный закон, так как совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, ранее было закреплено в ст. 39 УК РСФСР 1960 г. как обстоятельство, отягчающее ответственность, с одной лишь разницей, что суду, наоборот, предоставлялось право не признать его таковым в зависимости от характера преступления. Тем самым подобное влияние состояния опьянения на совершенное лицом преступление презюмировалось, и суду не требовалось каждый раз мотивировать это в приговоре. И, напротив, непридание опьянению значения отягчающего обстоятельства требовало обоснования в приговоре.

Возвращение состояния опьянения в число отягчающих наказание обстоятельств было обусловлено значительным числом преступлений, совершенных в таком состоянии.

Учет судом совершения преступления в состоянии опьянения в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, позволяет преодолеть установленный в ч. 1 ст. 62 УК РФ предел назначения наказания в виде двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса, а также назначить наказание в виде лишения свободы осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести (ч. 1 ст. 56 УК РФ).

Между тем в судебной практике применение ч. 1.1 ст. 63 УК РФ вызывает немало сложностей. Суд может учесть данное обстоятельство отягчающим наказание, если оно подтверждено как медицинскими документами, так и показаниями подсудимого, потерпевшего или иными доказательствами. Наличие акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения необязательно.

Поскольку для признания состояния опьянения обстоятельством, отягчающим наказание, законом не предусмотрено каких-либо ограничений, практика свидетельствует о большом разнообразии видов преступлений, при которых судом данное обстоятельство было учтено в таком качестве: это предусмотренные ст. 105, 111, 112, 118, 119, 158, 161, 162, 163, 166, 167, 213, 228.1, 318 УК РФ и др.

При совершении насильственных преступлений лицами, находящимися в состоянии опьянения, признание данного обстоятельства отягчающим наказание обоснованно, поскольку, как правило, состояние опьянения подталкивает лиц к беспричинному и немотивированному совершению таких преступлений. Однако при хищениях

учет состояния опьянения как отягчающего наказание обстоятельства зачастую не обоснован. Равно как и признание отягчающим обстоятельством наркотического опьянения лица при незаконном приобретении, хранении, перевозке наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта. Ведь на совершение деяния, предусмотренного ст. 228 УК РФ, влияет наркозависимость виновного, а не само его нахождение в состоянии наркотического опьянения при совершении преступления.

Анализ судебной практики свидетельствует о слабой аргументации учета совершения преступления в состоянии опьянения в качестве отягчающего наказание обстоятельства. Приговоры в этой части либо ограничены ссылкой на ч. 1.1 ст. 63 УК РФ без приведения мотивов принятого решения, либо формально перечисляют основания, закрепленные указанной нормой, либо сам факт нахождения виновного в момент совершения преступления в состоянии опьянения, установленный в процессе судебного разбирательства, признается как отягчающее обстоятельство.

Как пример правильной мотивировки признания в качестве отягчающего наказание обстоятельства совершения преступления в состоянии опьянения можно привести приговор Северского городского суда Томской области, которым Б. был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. В приговоре при признании данного обстоятельства в качестве отягчающего суд указал, что подсудимый сам себя привел в состояние опьянения, при этом сослался на ряд доказательств (показания потерпевшей, подсудимого, экспертное заключение) и пришел к выводу, что состояние опьянения подсудимого с учетом установленных обстоятельств дела вызвало агрессию, неприязнь и злобу по отношению к потерпевшей, существенно повлияло на поведение подсудимого и способствовало совершению им преступления. Апелляционным определением Томского областного суда приговор в отношении Б. был изменен, действия осужденного переквалифицированы с ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ на п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, вместе с тем при назначении наказания суд апелляционной инстанции признал правильным учет состояния опьянения в качестве отягчающего обстоятельства.

Примером немотивированного учета указанного отягчающего обстоятельства является приговор Томского районного суда Томской области, которым Б. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В при-

говоре, признавая совершение преступления в состоянии опьянения в качестве отягчающего наказание обстоятельства, суд сослался только на то, что Б. в судебном заседании пояснил, что состояние алкогольного опьянения, безусловно, повлияло на характер совершенного преступления. Иных мотивов учета данного обстоятельства судом приведено не было. Апелляционным определением Томского областного суда приговор в отношении Б. был изменен, действия осужденного переквалифицированы с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ, также из приговора исключено указание на наличие отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного ч. 1.1 ст. 63 УК РФ.

А.М. Трухин

ПРОБЛЕМЫ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Ст. 73 и 74 УК РФ, определяющие условное осуждение, находятся в главе 10 УК «Назначение наказания». Отсюда можно сделать вывод, что условное осуждение является особым видом назначения наказания. Существуют также точки зрения, что условное осуждение является особым видом наказания, особым видом отсрочки приговора, самостоятельной формой реализации уголовной ответственности, а также особым видом освобождения от наказания. Полагаем, что последняя точка зрения соответствует действительной правовой природе «условного осуждения».

Если признать «условное осуждение» особым видом освобождения от наказания и поместить его в главу 12 УК «Освобождение от наказания», то станет очевидно, что «условное осуждение» является не особым видом осуждения, назначения наказания, а особым видом освобождения от отбывания наказания, назначенного по правилам, предусмотренным ст. 60 УК РФ. Осуждение не может быть условным. Оно либо есть, либо его нет. Но возможно условное освобождение от отбывания назначенного наказания.

Оснований для условного освобождения от наказания должно быть два. Первое формальное: совершение преступления впервые небольшой или средней тяжести (по аналогии со ст. 75 УК). Второе материальное: деятельное раскаяние в течение испытательного сро-

ка. Испытательный срок для деятельного раскаяния должен по общему правилу соответствовать сроку судимости, который определяется видом и сроком назначенного наказания. Возможность деятельного раскаяния должна определяться видом совершенного преступления, а также возможностями и намерениями осужденного лица.

На лицо, условно освобожденное от наказания на период испытательного срока, могут быть возложены специальные обязанности, обеспечивающие наряду с деятельным раскаянием его исправление без реального отбывания назначенного наказания. При условном освобождении лицо должно освобождаться от отбывания не только основного, но и дополнительного наказания.

В случае по объективным обстоятельствам невозможности полного своевременного деятельного раскаяния суд может продлить для осужденного испытательный срок для полного деятельного раскаяния с созданием ему условий для этого.

В случае деятельного раскаяния на момент окончания испытательного срока или досрочно суд окончательно освобождает лицо от наказания и признает его не осужденным. При этом время досрочного деятельного раскаяния имеет значение для времени прекращения испытательного срока. Признание не осужденным означает, что лицо, деятельно раскаявшееся, полностью освобождается от уголовной ответственности за совершенное преступление.

В случае систематического уклонения осужденного лица от деятельного раскаяния, исполнения специальных, возложенных на него обязанностей, или совершения преступления в течение испытательного срока суд выносит решение об отмене условного освобождения от отбывания наказания и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

Из изложенных выше положений следует, что лицо не может быть условно освобождено от отбывания наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Максимальный вид и срок назначенного судом наказания, при котором возможно условное освобождение осужденного лица от отбывания наказания, – лишение свободы на срок не свыше пяти лет. Отсюда также следует, что все тяжкие и особо тяжкие преступления не могут быть положены в основу условного освобождения от отбывания назначенного наказания. При этом следует иметь в виду положения, предусмотренные ч. 6 ст. 17 УК, согласно которым категория тяжести совер-

шенного преступления определяется не максимумом санкции, предусмотренной за вид преступления, а видом и размером наказания, фактически назначенного судом в пределах санкции. Чрезвычайная сложность и противоречивость законодательной регламентации «условного осуждения» не позволяют однозначно осуществлять судебную практику.

А.В. Васеловская

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

На фоне общего роста заболеваемости населения страны психическими расстройствами расчет количество случаев совершения общественно опасных деяний лицами в состоянии невменяемости, в связи с чем вопросы применения принудительных мер медицинского характера (ПММХ), в том числе вопрос об основании применения указанных мер, приобретают особую актуальность.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) законодателем выделена отдельная статья (ст. 97), поименованная «Основания применения принудительных мер медицинского характера». Анализ содержания указанной статьи не дает четкого представления о том, что именно следует понимать под основанием применения ПММХ: часть 1 устанавливает категории лиц, к которым могут быть применены ПММХ; часть 2 указывает на условия применения указанных мер; часть 3 содержит в себе положение о правовых актах, которыми должен регулироваться порядок исполнения ПММХ; часть 4 предусматривает право суда передать материалы дела в отношении лица, не представляющего опасность по своему психическому состоянию, в орган исполнительной власти в сфере здравоохранения для решения вопроса о лечении данного лица в порядке, предусмотренном законодательством в сфере охраны здоровья граждан. Ни одно из положений названной статьи, кроме самого названия, не содержит в себе прямого упоминания об основании применения ПММХ.

В науке уголовного права вопрос об определении основания применения ПММХ является дискуссионным. Среди наиболее рас-

пространенных могут быть выделены следующие подходы к решению данного вопроса.

1. Основание применения ПММХ включает в себя несколько обстоятельств, совокупность которых является обязательной для назначения ПММХ. К таким обстоятельствам относятся: факт совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ; наличие у этого лица психического расстройства, которое связано с возможностью причинения им существенного вреда; необходимость лечения такого лица.

2. Основанием применения ПММХ является совершение психически больными лицами, указанными в уголовном законе, общественно опасного деяния или преступления.

3. В качестве основания применения ПММХ выступает необходимость лечения лиц, совершивших общественно опасные деяния.

4. Основанием применения принудительного лечения является общественная опасность психически больного лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом.

На наш взгляд, последний из представленных подходов к определению основания применения ПММХ является наиболее обоснованным как с позиции правовой природы указанных мер, как мер безопасности, применяемых для предотвращения опасного состояния психически больного лица, так и с позиции их законодательного регулирования. В частности, об опасности психически больного лица, в отношении которого решается вопрос о применении к нему ПММХ, говорится в ч. 2 и ч. 4 ст. 97 УК РФ.

Таким образом, единственным основанием применения ПММХ выступает общественная опасность личности психически больного лица, состоящая как в возможности совершения им нового деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, так и в опасности для себя.

Иной подход (т.е. признание в качестве основания применения ПММХ факта совершения лицом преступления или общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ) приводит к выводу о том, что ПММХ являются возмездием за совершенное деяние, что прямо противоречит их правовой природе.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА КРАЖУ

Как известно, в структуре преступности традиционно значительную часть занимают преступления против собственности. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы предупреждения этих преступлений.

В современной России заметной формой реализации товаров стали магазины самообслуживания, что повлекло новую разновидность хищений. Нередко из супермаркетов похищаются вещи «под заказ». В сети Интернет можно свободно найти советы о способах хищений из магазинов (с использованием фольгированного пакета, путем срезания магнитов и т.д.). Как показывает практика, отдельные лица совершают хищения в одних и тех же торговых центрах неоднократно. Так, Салимов М.М. после привлечения дважды к ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ совершил кражу из того же торгового центра и был осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ¹.

Виновные в отдельных случаях стараются высчитывать возможный размер ущерба в целях получения лишь административного наказания.

В связи с изложенным встает вопрос о путях, достижения цели предупреждения совершения новых преступлений посредством применения наказания, успешной реализации творческого подхода в деятельности суда, в частности результативности углубления в сферу жизни преступника, выявления свойств личности, влияющих на поведение, определения ценности общественных отношений для субъектов².

Представляется, что действенной мерой, способствующей достижению цели наказания по предупреждению совершения новых преступлений, цели административного наказания по предупреждению совершения новых правонарушений, могли бы стать изменения

¹ Архив 3 судебного участка Центрального судебного района г. Новосибирска, дела № 5-3-1175/2018, 1-3-1134/2018, 1-3-13/2019.

² Филимонов В.Д. Творческое начало в деятельности суда при назначении и изменении уголовного наказания. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 47, 54.

ст. 56 УК РФ и ст. 4.1 КоАП РФ, позволяющие назначать ограничение свободы (например, ограничение посещения конкретных торговых центров) в виде дополнительного вида наказания, возложения дополнительной обязанности (не посещать определенный торговый центр) по аналогии с нормой в ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ. Эффективность таких запретов в предупреждении новых хищений подтверждается примерами зарубежной практики¹. В условиях лишения доступа к торговым центрам правонарушитель и будет лишен возможности совершить новое преступление, и будет терпеть определенные лишения в виде ограничения своих прав по свободному передвижению, что будет способствовать его исправлению, в частности, в виде угрозы повторного применения такого ограничения. Взаимодействие с представителями торговых центров при рассмотрении уголовных дел, а также дел об административных правонарушениях показывает готовность служб безопасности, руководства торговых центров к взаимодействию с органами власти по предупреждению повторных хищений.

С.А. Елисеев

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА В УК РФ

1. В ст. 163 УК РФ вымогательство определено как требование передачи чужого имущества... под угрозой применения насилия... уничтожения или повреждения чужого имущества... распространения сведений... которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких². Нельзя не отметить, что определение действия в составе вымогательства как требования не раскрывает специфики этого преступления, представляющего собой не что иное, как принуждение (понуждение) потерпевшего посредством угроз к поведению, приносящему имущественную выгоду виновному или иному лицу, в пользу которого он

¹ 12 years in jail for shoplifting: how Walmart is helping prosecutors hike up sentences. URL: www.theguardian.com/us-news/2018/may/17/walmart-shoplifting-helping-hike-sentences-court; Американке запретили посещать супермаркеты Wal-Mart // lenta.ru/news/2007/07/26/walmart.

² Сходные формулировки содержались в УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.

действовал. Определив вымогательство как требование передачи чужого имущества, законодатель акцентировал внимание на форме преступного действия (требование, как известно, предполагает категорическое заявление, приказ, ультиматум). Но наука уголовного права, судебная практика давно пришли к выводу, что для состава вымогательства не имеет значения форма, выражения угрозы; она может быть словесной (устной, письменной), выражаться в определенных действиях, выглядеть как просьба. Необходимо только, чтобы угроза вызвала у потерпевшего страх потерять ценное для него благо (имущество, доброе имя, здоровье, жизнь и т.д.), если он не совершит в будущем в пользу виновного или иных лиц действий, приносящих им имущественную выгоду. А для внушения такого страха порою бывает достаточно и одного корректного по форме намека.

Законодатель также дал основание полагать, что требование в составе вымогательства существует как бы помимо угрозы; оно соединено с угрозой как иным действием. Но психическое насилие является системообразующим признаком вымогательства; поэтому законодателю следовало бы точнее выразить это обстоятельство. В определении вымогательства не получила отражения и такая его существенная черта, как направленность на завладение чужим имуществом в будущем. Но именно этим моментом и отличается вымогательство от других преступлений против собственности, в частности от разбоя, совершенного с угрозой применения насилия. Следует указать и на излишнюю казуистичность описания шантажа как средства принуждения потерпевшего к совершению действий, угодных виновному. Не раскрывает УК РФ и цель вымогательства, однако такая «экономия» в обрисовке состава вымогательства не способствует единообразию правоприменения.

2. Определение вымогательства в УК РФ повторяет определение этого преступления в УК РСФСР. В УК РСФСР 1926 г. вымогательство определялось как «требование передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество или совершения каких-либо действий имущественного свойства под страхом насилия над личностью потерпевшего, оглашения о нем позорящих сведений или истребления его имущества» (ст. 174). Таким же было в своей основе определение вымогательства и в УК РСФСР 1960 г. Но в российском законодательстве существовали и иные определения такого рода преступных действий. Деяние, представлявшее собой вымога-

тельство в современном его понимании, Уложением уголовных и исправительных 1845 г. именовалось «угрозами» и предполагало ответственность за угрозы «лишить кого-либо жизни», «причинить кому-либо насильственные действия», «произвести поджог», когда «к тому было присоединено требование выдать или положить в назначаемое для того место сумму денег, или вещь, или письменный акт, или что-либо иное, или же принять на себя какие либо невыгодные обязательства, или отказаться от какого либо законного права...» (ст. 1545, 1546). Уголовное уложение 1903 г., впервые выделившее вымогательство как особый вид завладения чужим имуществом, определяло его как принуждение, совершенное посредством телесного повреждения, насилия над личностью, наказуемой угрозы, с целью доставить себе или другому лицу имущественную выгоду. О вымогательстве как принуждении говорилось и в ст. 193 проекта УК СССР. Этой статьей к вымогательству предполагалось относить принуждение потерпевшего к передаче имущества или прав на имущество, или предоставлении имущественных выгод путем угрозы совершить насилие над личностью, или повредить или истребить имущество¹.

3. Представляется, что российскому законодателю не надо забывать решений прошлых лет. Их учет позволит точнее обрисовать в УК РФ существенные признаки вымогательства, что создаст условия для единообразного применения уголовно-правовой нормы. В УК РФ вымогательство следует определить как принуждение к передаче чужого имущества... в пользу виновного или иных лиц, посредством угрозы применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. В этом определении необходимое выражение получают как характер действия, так и направленность действия на противозаконное завладение чужим имуществом в будущем. Слово «принуждение» характеризует действие не как завладение чужим имуществом, а как противозаконное воздействие на потерпевшего. Раскрывает оно и направленность этого воздействия – вызвать страх у потерпевшего и склонить его тем самым к поведению, приносящему имущественную выгоду виновному или иному лицу, в пользу которого он действовал.

¹ Проект Уголовного кодекса СССР. М., 1939. С. 193.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ?

Несмотря на значительные поправки, внесённые законодателем в течение 2018 г. в главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности, эта глава по-прежнему нуждается в совершенствовании.

В качестве одного из направлений совершенствования следует рассматривать криминализацию нелегальной выдачи всех видов кредитов, в том числе и микрозаймов нелегальными, «чёрными» кредиторами. Необходимость криминализации данного деяния объясняется достаточно широкой его распространённостью – в 2018 г. было выявлено примерно 2 300 таких нелегальных кредиторов, что на 70% больше, чем в 2017 г. На наш взгляд, увеличение количества фактов деятельности «чёрных» кредиторов не является окончательным. Поэтому криминализация рассматриваемого деяния является правомерной. Одновременно в результате криминализации этого деяния окажется устранённым серьёзный законодательный пробел.

Наряду с криминализацией указанного деяния, как направление совершенствования главы 22 УК РФ, следует рассматривать и декриминализацию отдельных деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями, составляющими её. По нашему мнению, следует декриминализировать такое преступление, как «незаконное получение кредита», наказуемое по ст. 176 УК РФ. По своей правовой природе оно представляет собой разновидность мошенничества.

Рассмотренные направления совершенствования главы 22 УК РФ не являются исчерпывающими. Дальнейшее развитие экономики может вызвать появление новых противоправных способов осуществления экономической деятельности, поэтому окажется необходимой криминализация этих способов. В то же время развитие экономики повлечет и постепенное «отмирание» части обозначенных в главе 22 УК РФ запретов, поскольку действующий УК РФ был принят в период зарождения рыночных отношений и большинство из составляющих главу 22 законоположений были сформулированы с учётом реалий именно того периода.

Совершенствование главы 22 Уголовного кодекса РФ не может заключаться либо только в криминализации, либо только в декриминализации деяний. С одной стороны, для устранения законодательных пробелов не исключается криминализация некоторых деяний, посягающих на общественные отношения в сфере экономической деятельности. С другой стороны, возможна и декриминализация ряда деяний, посягающих на указанные общественные отношения. Представляется, что в настоящее время совершенствование главы 22 Уголовного кодекса РФ должно заключаться преимущественно в декриминализации деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена составляющими её нормами.

А.В. Сорокина

К ВОПРОСУ О ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Процесс реформирования уголовного законодательства России за последние десять лет активно идёт по пути либерализации, что в большинстве случаев имеет социально-правовую и криминологическую обусловленность и в основном соответствует таким принципам уголовного права, как принцип гуманизма, справедливости, экономии уголовной репрессии. Однако стоит отметить, что некоторые предпринимаемые в этом направлении действия не отражают потребностей и закономерностей уголовно-правовой политики государства, а иногда и противоречат им.

Так, высокий общественный резонанс получило обсуждение предложений по снижению уголовно-правовых рисков ведения предпринимательской деятельности. Инициаторами изменений Уголовного кодекса по отдельным вопросам выступили Торгово-промышленная палата РФ, Российский союз промышленников и предпринимателей, фонд «Центр стратегических разработок», общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России», российская общественная организация «Деловая Россия» при поддержке Минэкономразвития России.

Примечательно, что в этих предложениях защита прав предпринимателей обеспечивается за счёт декриминализации в числе других и преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159, ст. 160, ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 204.2 УК РФ.

Во-первых, вызывает вопрос отнесение к числу преступлений в сфере предпринимательской деятельности названных деяний. Получается, что осуществление предпринимательской деятельности априори сопряжено с неправомерными действиями, посягающими не только на отношения в сфере экономической деятельности, но и на отношения собственности, а также на отношения, обеспечивающие охрану интересов службы в коммерческих и иных организациях. Кроме того, ни одно из рассматриваемых преступлений не предусматривает в качестве признаков специального субъекта лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность. Большинство из этих преступлений являются общеуголовными.

Мошенничество как преступление имеет длительную историю существования, является достаточно распространённым, посягает на общественные отношения, обеспечивающие законный порядок распределения материальных благ, имеет множество форм и разновидностей, субъект мошенничества обладает высоким интеллектуальным уровнем, который использует при совершении преступления. Всё вышесказанное свидетельствует о повышенной общественной опасности мошенничества и о необходимости противодействия ему уголовно-правовыми средствами. Кроме того, существует возможность применения ст. 76.2 УК РФ.

Отличительной чертой преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, является наличие особого предмета и специального субъекта. Удельный вес присвоения и растраты в структуре преступлений против собственности невысок, но это обусловлено их высокой латентностью. С целью повышения эффективности правоприменения этой нормы следует дать более чёткое определение присвоения и растраты в существующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ либо в самом УК РФ. Если говорить о полной декриминализации присвоения и растраты, значит легализовать не просто недобросовестное, а незаконное осуществление предпринимательской деятельности, что очевидно приведёт к повышению рисков для деловой репутации хозяйствующих субъектов и другим негативным последствиям. Что касается преступления, предусмотренного ч. 1

ст. 165 УК РФ, то снятие уголовно-правового запрета на его совершение представляется так же нецелесообразным.

Декриминализация ч. 1 ст. 204.2 УК РФ представляется необоснованной, поскольку коммерческий подкуп относится к преступлениям коррупционной направленности, и его общественная опасность не может быть связана только с размером предмета подкупа.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что для эффективного применения уголовно-правовых норм любая модернизация уголовного законодательства должна быть социально-кримино-логически обоснованной, сохранять равновесие между охраной интересов личности, общества и государства, с одной стороны, и интересов лиц, ведущих предпринимательскую деятельность – с другой, и не должна нарушать принципов системности и определенности.

С.П. Опацкая

ТРАНСПЛАНТАТЫ (ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА) КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 175 УК РФ

Традиционно под предметом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, понимают имущество, добытое преступным путем, т.е. не принадлежащее приобретателю (сбытчику) на праве собственности или ином законном основании. Согласно ст. 128 ГК РФ, имущество включает в себя любые продукты человеческой деятельности и природы, которые наделяются определенной стоимостной оценкой и превращаются в товар, а также права и имущественные обязанности, появляющиеся по поводу них.

Трансплантаты – это органы и ткани, изымаемые в медицинских целях для дальнейшей пересадки. В соответствии с законом РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» изъятие органов или тканей возможно как у живого, так и умершего лица.

Трансплантат становится объектом права после его отделения от организма, т.е. любые органы и ткани человека с момента их отделения от организма – это объекты материального мира, относящиеся к

категории вещей¹. Вне человеческого организма как единого целого, органы и ткани могут являться вещами как индивидуально-определенными (так как они имеют индивидуальные отличительные признаки (вес, группа крови и т.п.)), так и определенными родовыми признаками (например, 300 граммов натуральных волос).

Следовательно, изъятые из организма (отделенные) органы и ткани все же могут быть объектами права собственности, но только на протяжении ограниченного периода времени: с момента их изъятия из организма человека и до момента вживления в другой организм (либо до момента иного использования).

По мнению Н.М. Коркунова, органы и ткани (в частности, кровь), будучи отделенными от организма, следует признать вещами², а Н.А. Маргацкая добавляет, что такие «вещи» следует признавать ограниченными в обороте³.

М.Н. Малеина допускает возможность отнесения органов и тканей человека к объектам права собственности и, как следствие, их внесение в предмет сделок по передаче имущества в собственность⁴. Т.Ю. Орешкина же полагает, что «с точки зрения нравственности, сложно поставить в один ряд» биоматериалы человека с другими предметами преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, однако части человеческого тела, обособленные от организма человека, обладают статусом вещи, ограниченной в обороте, поскольку они имеют материально-вещественную форму и отделены от человека, следовательно, не исключается возможность квалификации незаконного оборота органов и тканей человека по ст. 175 УК РФ ввиду отсутствия иной статьи, охватывающей данное деяние⁵.

Подводя итог, можно сделать вывод, что трансплантаты, хотя и не являются вещами в общепринятом правовом понимании, но все же

¹ Аполинская Н.В. О статусе биологических объектов в гражданском праве РФ // Сибирский юридический вестник. 2002. № 4.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1897. С. 157.

³ Маргацкая Н.А. Гражданско-правовые вопросы трансплантации и донорства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1980. № 2. С. 84–85.

⁴ Малеина М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11. С. 15.

⁵ Орешкина Т.Ю. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Дискуссионные вопросы // Право и практика. Научные труды Кировского института МГЮА. 2009. № 6.

представляют собой самостоятельные объекты права, ограниченные в обороте, к которым возможно применение правил, предусмотренных для оборота вещей в части, не противоречащей законодательным актам и существу объекта, а следовательно, трансплантаты могут выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ.

И.А. Никитина

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ «ЗАЛОГОВОГО РЕЙДЕРСТВА»

В последние годы рейдерство стало заметным фактором социально-экономической жизни в России. Подробный анализ этой проблемы был изложен в докладе 2009 г. «Незаконный захват собственности с участием банков в ситуации финансового кризиса», подготовленном Национальным антикоррупционным комитетом¹. Однако и сегодня эта проблема не утратила своей актуальности. Так, по мнению (советника Президента РФ) С. Глазьева, «институт банкротства фактически стал инструментом криминальной экономики. Речь идет о том, что топ-менеджеры банков в связке с представителями правоохранительных органов и арбитражными управляющими используют свое положение для того, чтобы подвести компании к банкротству и реализовать заложенное имущество по бросовой цене аффилированным с банком лицам. Уголовные дела по подобного рода схемам практически не возбуждаются»².

Типовые схемы захвата собственности с участием банков предусматривают такой элемент, как просроченная задолженность. Например, компания (заемщик) берет в банке кредит под залог имущества. В качестве дополнительного обеспечения кредитного договора заемщик также заключает договор РЕПО долей, согласно которому дружественной банку организации передаются в собственность

¹ Незаконный захват собственности с участием банков в ситуации финансового кризиса (Москва, март 2009) // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2009. № 2. С. 75–83.

² «Залоговое рейдерство»: банкротство предприятий превратились в криминальный бизнес. URL: <https://newdaynews.ru/moskow/648683.html> (дата обращения: 14.01.2020).

доли компании – заемщика до полного исполнения кредитного договора. Заемщик добросовестно исполняет свои обязательства по кредитному договору, но через некоторое время банк уведомляет его о досрочном расторжении договора без указания оснований. После этого банком и «дружественной» ему организацией реализуется схема по завладению имуществом. В итоге заемщик теряет компанию, обеспечение в виде активов и остается должен банку.

В рассмотренном случае «залогового рейдерства» общественная опасность очевидна, однако привлечь виновных лиц к уголовной ответственности проблематично, потому что сложно дать содеянно-уголовно-правовую оценку.

Если организатором подобного «залогового рейдерства» является банковский работник, обладающий организационно-распорядительными полномочиями, его действия следует квалифицировать по ст. 201 УК РФ. Если контрольный пакет акций банка принадлежит государству, то действия такого сотрудника должны квалифицироваться по ст. 285 УК РФ. Действия банковского работника по указанным статьям охватывают только такие последствия, как возникновение банкротства заемщика. Иные же последствия, прежде всего продажа имущества должника по заниженной стоимости, является результатом действий другого лица – арбитражного управляющего, который вправе распоряжаться имуществом должника в порядке и на условиях, установленных законом о банкротстве. Арбитражный управляющий создает видимость обоснованности нужной организаторам преступления стоимости заложенного имущества должника и продает имущество по заниженной стоимости.

Если в результате совместных действий имущество заемщика было реализовано, тогда действия банковского работника следует квалифицировать по ст. 201 УК РФ или 285 УК РФ и по совокупности по статье УК РФ, по которой привлекают к уголовной ответственности арбитражного управляющего за продажу имущества заемщика по заниженной стоимости, со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Действия арбитражного управляющего также подлежат квалификации по ст. 201 УК РФ. Наибольшую сложность при привлечении банковских работников к уголовной ответственности в «залоговых схемах» представляет труднодоказуемость их преступного умысла.

Схемы по захвату собственности с участием банков существовали и раньше, однако не имели такого массового распространения.

Данное явление, существующее на фоне периодического отзыва лицензий Банком России и приостановки платежей, подрывает доверие к финансовым инструментам и способствует отказу потенциальных клиентов от банковских услуг.

С.А. Ступина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОИЗВОДСТВО, ХРАНЕНИЕ, ПЕРЕВОЗКУ ЛИБО СБЫТ ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ, ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ ИЛИ ОКАЗАНИЕ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

Доля преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, в структуре всей преступности РФ незначительна. Количество преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, как правило, колеблется в рамках одних и тех же величин. Так, по итогам 2018 г. по ст. 238 УК РФ осуждено 3 773 человека (оправдано – 14), в 2017 г. – 4 515 (оправдано – 16), в 2016 – 4 378 (оправдано – 7).

Согласно исследованиям ряда авторов¹, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, составляет 26% от всей сферы, где совершаются преступления, предусмотренные ст. 238 УК РФ. Однако именно в этой сфере имеются наибольшие сложности привлечения к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ, которые определяются рядом причин, в том числе и правового характера.

Своевременны разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 18). Основное, что необходимо установить, так это то, что оказание услуг не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

¹ Щепельков В.Ф., Оленников С.М., Скоробогатко Я.П. Анализ судебной следственной практики применения статьи 238 УК РФ. URL: <https://pravoprим.spbu.ru> (дата обращения: 12.01.2020).

Полагаем, что в свете разъяснений Постановления № 18 в соответствии с положениями УК РФ и КоАП РФ в части установления ответственности за оказание услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов, в объективную сторону рассматриваемого состава преступления не входит причинение по неосторожности легкого вреда здоровью или вреда средней тяжести. Главное для квалификации, чтобы оказываемые услуги представляли реальную опасность причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека.

Речь должна идти о фактической и реальной опасности для жизни и здоровья, а не о предполагаемой. В противном случае налицо распространительное толкование положений диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ и возможное объективное вменение, что явно запрещено ст. 5 УК РФ.

Однако остается открытым вопрос о критериях такой фактической опасности и ее реальности. Некоторые авторы предлагают исходить из того, что опасность для жизни и здоровья представляет нарушение каких-либо нормативных актов, вне зависимости от того, могло ли данное деяние причинить вред. Однако в свете разъяснений Постановления № 18 это не может претендовать на универсальность, поскольку в данном постановлении отмечено, что оказание услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов, без реальной угрозы причинения тяжкого вреда здоровью или смерти, следует относить к признакам объективной стороны соответствующего административного правонарушения.

На наш взгляд, сферу оказания услуг обоснованно вывести в самостоятельный состав преступления, предусмотрев для него уголовно-правовые последствия, определяющие тяжесть наказания. К таковым следует отнести не только причинение смерти по неосторожности, но причинение по неосторожности средней тяжести или тяжкого вреда здоровью.

И.В. Матвеев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОЛЖНОСТНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Одним из главных признаков коррупционных преступлений выступает связь деяния со служебным положением лица. Надо сказать,

что в отношении должностных преступлений существует двойкая трактовка данного признака. Так, в названии ст. 285 УК РФ используется понятие «должностные полномочия», тогда как сама статья в диспозиции указывает на использование именно «служебных» полномочий. В определении коррупции в ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ от 25.12.2008 г. «О противодействии коррупции» не конкретизируется, какими полномочиями должен злоупотреблять субъект (видимо, как служебными, так и должностными). На то, что должностное положение, служебное положение – это разные понятия, указывает избирательное законодательство¹.

Стоит отметить, что понятию должностного или служебного положения много внимания уделялось в советское время. В частности, Б.Ф. Здравомыслов указывал что «по поводу понимания указания закона на использования своего служебного положения имеются две различные точки зрения. Первая из них обосновывает позицию о том, что использование служебного положения – это только такие действия лица, которые совершаются в пределах служебной компетенции в рамках прав и обязанностей, которыми наделено должностное лицо. Это так называемое использование служебного положения в узком смысле. Но существует и широкое понимание “использования должностного положения”, которое включает не только совершение действий в рамках полномочий должностного лица, но и использование предоставленных возможностей, вытекающих из служебного авторитета, из связей с другими должностными лицами. Такая форма реализации должностного злоупотребления не составляет абсолютное большинство уголовных дел, однако встречается в судебной практике (по данным Б.Ф. Здравомыслова, 4,1% от изученных дел)².

В современных уголовно-правовых исследованиях исследователи не раз обращались к вопросу расширения понятия использования должностного (служебного) положения³. Авторы предлагают вклю-

¹ См.: Макарецв А.А. Использование преимуществ должностного или служебного положения в ходе избирательной кампании как форма злоупотребления правами // Административное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 896.

² Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М. : Юрид. лит., 1975. С. 62.

³ См., например: Рясов А.В. Признак «использование служебного положения» и его уголовно-правовая оценка по уголовному законодательству России :

чать в понятие должностного положения не только должностные полномочия, но и авторитет власти или служебное положение. Так, А.В. Рясов предлагает определять служебное положение как «правовой статус лица, осуществляющего профессиональную деятельность, устанавливающийся соответствующими правовыми актами и включающий в себя ограничения, полномочия, служебный этикет, ответственность, порядок разрешения конфликтов и служебных споров»¹. С таким подходом нельзя не согласиться. При квалификации должностного злоупотребления надо учитывать не только использование полномочий как совокупности прав и обязанностей должностного лица, но и те возможности, которые дает должность для совершения преступления коррупционной направленности.

О.А. Беларева

ОБЪЕКТ ХИЩЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Важность исследования объекта преступления определяется значением данного элемента состава преступления. Именно он в значительной мере влияет на характер общественной опасности конкретного преступления. Включение в УК РФ специальных норм о хищении оружия, наркотических средств и иных предметов, оборот которых запрещен или ограничен, следует определять исходя из содержания нарушаемых общественных отношений.

В уголовно-правовой литературе основным объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, признают с небольшими расхождениями в формулировках общественные отношения в сфере обеспечения (защиты, охраны) здоровья населения. Кроме того, в качестве дополнительного или факультативного объекта хищения наркотических средств рассматриваются отношения собственности.

Представляется, что отношения собственности как самостоятельный (дополнительный или факультативный) объект не входят в

автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009; Кузнецов А.А. Использование служебного положения при совершении преступлений в сфере экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.

¹ Рясов А.В. Указ. соч. С. 9.

структуру непосредственного объекта хищения наркотических средств. Признание отношений собственности объектом хищения наркотических средств требовало бы установления зависимости уголовной ответственности и наказания от факта и размера ущерба, причиненного собственнику или законному владельцу наркотических средств. Таких предложений нет ни в науке уголовного права, ни в судебной практике. Более того, в приговорах по делам о хищении наркотических средств не устанавливаются ни факт, ни размер причиненного ущерба, в том числе при изъятии наркотических средств из законного владения. Кроме того, даже в случаях хищения наркотических средств у законных владельцев, последним не всегда причиняется ущерб. Например, при похищении наркотических средств из камеры вещественных доказательств речь нельзя вести о причинении имущественного ущерба: кому он причинен и как определить его размер? Если медицинские препараты, содержащие наркотические средства, предназначенные больному, были приобретены по рецепту и оплачены не самим больным, а его доверенным лицом, а затем похищены последним, можно ли говорить о причинении больному имущественного ущерба?

Признание отношений собственности дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, означает невозможность привлечения к ответственности за хищение наркотических средств в случае их изъятия из незаконного оборота. Однако судебная практика в части квалификации хищений наркотических средств не ставилась и не ставится в зависимость от законности или незаконности источника их изъятия.

Подводя итог, следует сказать, что нет необходимости выделять отношения собственности в качестве отдельного самостоятельного объекта в составе хищения наркотических средств, их стоит рассматривать как элемент сложного объекта – общественных отношений, обеспечивающих охрану здоровья населения в сфере оборота наркотических средств.

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНОСТИ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПРИЗНАКЕ ОСКОРБЛЕНИЯ СОТРУДНИКА ФСИН РОССИИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ИМ ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Законная деятельность представителей власти является одним из важных элементов устойчивости общественных отношений, обеспечения личной и имущественной безопасности участвующих в них лиц. От нормального функционирования институтов государственной власти зависят стабильность и правопорядок в обществе. Оскорбление представителя власти при исполнении им должностных обязанностей является видом посягательства на его законную деятельность. Обязательным признаком оскорбления представителя власти является нанесение его публично, т.е. в учреждении, средствах массовой информации или в присутствии посторонних людей. Современная судебная практика понимает публичность следующим образом. Анализ ряда постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (например, от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»; от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (п. 19) показывает, что понятие публичности определяется с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.¹ То есть в качестве основного признака публичности называется наличие третьих лиц в момент совершения преступления.

Однако на практике органы предварительного расследования, боясь оправдательных приговоров судов, отказывают в возбуждении уголовных дел, ссылаясь на отсутствие публичности (посторонних лиц), или статуса потерпевшего, или самого оскорбления. Так, из

¹ Филиппов П.А. Публичность как обязательный признак оскорбления представителя власти // Уголовное право. 2017. № 6. С. 65–68.

152 материалов, направленных из органов УИС по подследственности в 2017 г., возбуждено только 56 уголовных дел, или 36%, остальные не проходят даже стадию возбуждения уголовного дела, не говоря уже о том, что они не доходят до суда¹.

В качестве примера рассмотрим следующий случай. В сентябре 2015 г. в этапном помещении областной больницы УФСИН России по Тюменской области осужденный В. оскорбил грубой нецензурной бранью дежурного врача учреждения майора внутренней службы Н., которая исполняла свои должностные обязанности. Факт оскорбления был зафиксирован на видеорегистратор, осужденный явился с повинной, однако в возбуждении уголовного дела органами следствия было отказано, поскольку высказанные слова не относятся к оскорбительным, а врач Н. на месте преступления находилась в медицинском халате, а не в форме сотрудника УИС и не воспринималась как представитель власти².

Подобная практика, на наш взгляд, порождает у осужденных чувство безнаказанности, а сотрудники уголовно-исполнительной системы остаются фактически незащищенными Уголовным кодексом РФ.

Поэтому в целях повышения уголовно-правовой защиты сотрудников ФСИН России как представителей власти необходимо принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации отдельного постановления, разъясняющего порядок применения ст. 319 Уголовного кодекса РФ.

¹ Лесников Г.Ю., Омелин В.Н. Особенности уголовной ответственности за оскорбление сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 102–104.

² Волкунович Е.В., Морозов В.И. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за оскорбление сотрудников ФСИН России при исполнении ими своих должностных обязанностей // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 60-летию принятия ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключенными) : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. П.В. Голодова. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2016. С. 7–11.

ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПОНЯТИЕ «УГРОЗА» В РАМКАХ ст. 119 УК РФ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Способ выражения угрозы, исходя из анализа ч. 1 ст. 119 УК РФ, значения для оценки содеянного по этой статье не имеет. Анализируя судебную практику, можно сделать вывод, что чаще всего встречается словесная угроза: «убью», «замочу», «задушу» и т.п. В меньшей степени, но все же, встречаются и другие виды угроз: письменная (текстовая), жестами и др.

Уголовный закон требует, чтобы, помимо наличия самой угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, обязательно были установлены основания опасаться осуществления этой угрозы. Возникают вопросы, каким образом правоохранительные органы, в зависимости от выбранного способа совершения преступления, доказывают наличие оснований опасаться ее осуществления? Какие признаки при этом предъявляются к самой «угрозе»?

Исследование правоприменительной практики позволило выявить следующие признаки угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, позволяющие квалифицировать ее по ст. 119 УК РФ:

1. Реальность. Особенно тщательно правоохранительные органы подходят к установлению признака «реальность» в тех случаях, когда угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью доводится до сведения потерпевшего через третьих лиц или информационно-телекоммуникационные сети, а не лично.

При словесной угрозе (встречается чаще всего на практике), сопровождающейся применением оружия или предмета, используемого в качестве оружия, в материалах дела обязательно отмечают, что потерпевший конкретно видел этот предмет в руках виновного, а не просто предполагал его наличие (слышал шаги, ведущие на кухню, и звон ножа).

Конечно же, в судебной практике встречаются угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью без демонстрации оружия или предмета, используемого в качестве оружия (удушение, надева-

ние пакета на голову, закрытие органов дыхания, опускание головы под воду и т.д.). В подобных случаях правоприменитель возбуждает уголовное дело по ст. 119 УК РФ, если виновный произносит слова, вызывающие у потерпевшего опасение за свою жизнь или здоровье.

Поэтому для квалификации действий как угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью необходимо установить не только субъективную оценку происходящего потерпевшим, но и все иные объективные обстоятельства, доказывающие ее реальное существование¹ (характер взаимоотношений между лицом и потерпевшим, неоднократность угроз, личность угрожающего, место ее высказывания² и др.).

2. Конкретность. Правоприменение идет по пути, что если угроза неопределенная, то она не может подпадать под признаки преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, поскольку для потерпевшего в этом случае не понятно, способны ли действия виновного привести к смерти или к причинению тяжкого вреда здоровью. Например, «хуже будет», «не поздоровиться», «пожалеешь, что на свет появился»³.

Таким образом, правоприменительные органы угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью квалифицируют по ст. 119 УК РФ только в случае, если она отвечает требованиям реальности и конкретности.

¹ Шаганова О.М. Квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы семнадцатой Международ. научно-практ. конф. / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул : БЮИ МВД России, 2019. Ч. 2. С. 36.

² Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие / Ю.А. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др. ; под ред. А.В. Галаховой. М. : Норма, 2014. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Особенности первоначальной квалификации и профилактики преступлений, рассматриваемых участковыми уполномоченными полиции / И.В. Ботвин, О.В. Ермакова, Р.А. Семенюк, О.Н. Штаб, Л.Я. Тарасова, О.А. Шатилова, Т.А. Плаксина, Д.А. Маракунин, В.В. Мальченкова, О.М. Шаганова. Барнаул : БЮИ МВД России, 2015. С. 20.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И (ИЛИ) НЕПРАВОМЕРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНОМНОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

Преступления в сфере проведения геномных исследований и (или) неправомерного использования геномной информации не объединены законодателем в один раздел или главу Уголовного кодекса РФ (УК РФ), а представляет собой совокупность целого ряда преступлений, вызывающих общую озабоченность в связи с конкретной идентичностью деятельности субъекта преступления. В современный период развития геномных исследований существующие в российском законодательстве уголовно-правовые нормы могут регулировать большинство преступлений, связанных с общественно опасным поведением при проведении геномных исследований и (или) использовании геномной информации. Например, «анонимная организация под названием Earnest Project объявила о продаже образцов ДНК мировых лидеров и знаменитостей. Группа утверждает, что ее члены тайно собрали предметы участников Всемирного экономического форума 2018 г. в Давосе (Швейцария) и Чемпионата мира по футболу в России, которые содержат их ДНК»². По своей сути, это незаконное собирание и распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия, подпадающее под признаки ст. 137 УК РФ³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-29-14071.

² См.: URL: <https://cursorinfo.co.il/all-news/na-internet-auksione-v-prodazhe-poyavilis-dnk-znamenitostej/> (дата обращения: 23.02.2020); <https://finance.rambler.ru/other/43689732-v-seti-nachali-prodavat-dnk-izvestnyh-lyudey/> (дата обращения: 23.02.2020).

³ См. Карелин Д.В., Мацепуро Д.М., Селита Ф. Уголовно-правовая охрана генетических данных человека: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-ohrana-geneticheskikh-dannyh-cheloveka-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 23.02.2020).

Общественно опасные деяния, связанные с проведением геномных исследований и (или) использованием геномной информации, могут являться и частным случаем превышения должностных полномочий, если они повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых интересов общества или государства. Например, «в марте 2020 года молодого человека задержали сотрудники Кировского отдела МВД Томска из-за внешнего сходства с подозреваемыми по делу о хищении денег. Его доставили в отдел, где выяснили, что он не причастен к преступлению. Однако полицейские сфотографировали его, сняли биометрические данные и образцы ДНК»¹. Как представляется, этот факт свидетельствует о нарушении требований Федерального закона № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и является частным случаем превышения должностных полномочий, допущенным сотрудниками органов внутренних дел, который при наличии существенности нарушения прав и законных интересов этого гражданина мог бы рассматриваться в качестве преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ.

Проведение геномных исследований и (или) использование геномной информации может сопровождаться и совершением деяний, которые в настоящее время не являются преступными, но запрещены национальным законодательством. Примером является дело профессора Южного научно-технического университета SUSTech Хэ Цзянькуя, который «отредактировал геномы человеческих эмбрионов перед процедурой искусственного оплодотворения, в результате чего на свет появились двое детей с измененной ДНК»². Китайские ученые и правоприменители предлагали разную юридическую оценку содеянного: незаконная медицинская деятельность, фальсификация документов или мошенничество³, но в итоге Хэ Цзянькуй и двое его коллег были признаны виновными в том, что умышленно нарушили порядок проведения медицинских процедур, не являясь при

¹ См.: URL: <https://tayga.info/156454> (дата обращения: 25.06.2020).

² См.: URL: <https://ria.ru/20181130/1533952599.html> (дата обращения: 23.02.2020).

³ См.: Сергеев Д.Н. Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-manipulyatsii-s-genomom-cheloveka-delo-he-tszyankuya> (дата обращения: 23.05.2020).

этом медиками¹. Однозначный ответ на вопрос об уголовно-правовой оценке подобных деяний невозможно дать, руководствуясь и действующим уголовным законодательством России.

Таким образом, геномные технологии представляют собой движущую силу постоянного совершенствования соответствующих законодательных положений, в том числе и уголовного закона, однако для криминализации неправомерного проведения геномных исследований и (или) использования геномной информации должны быть конкретные основания².

А.Л. Агабекян

ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА, В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ СОВЕТА ЕВРОПЫ

«Исполняющие органы» (*implementing authorities*) – именно этот термин используется в международных стандартах, касающихся альтернативных наказаний, для обозначения органов, наделенных полномочиями «принимать решения и нести ответственность за практическое исполнение “общинных” санкций и мер»³. Примечательно, что выражение *implementing authority(ies)* в Токийских правилах вообще не встречается, вместо этого используется термин «компетентный орган» (*competent authority*), а в Европейских правилах 1992 г. используется 34 раза (включая глоссарий), в Правилах Совета Европы о пробации – 1 раз, однако 64 раза упоминается «служба(ы) пробации» (*probation agency(ies)*), в Европейских правилах 2017 г. – 31 раз. Из этого следует сделать вывод о концентрации

¹ См.: URL: <https://yandex.ru/turbo/s/nplus1.ru/news/2019/12/30/He-finish> (дата обращения: 23.02.2020).

² См.: Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovanie-kriminalizatsii-dekriminalizatsii-deyaniy> (дата обращения: 23.02.2020).

³ Указанное определение впервые нашло свое закрепление в Европейских правилах в отношении общинных санкций и мер 1992 г., а затем в Европейских правилах 2017 г.

большого внимания на проблемах, связанных с субъектом реализации альтернативных наказаний.

В зарубежных странах исполняющим органом чаще всего является служба пробации, основные рекомендательные положения о котором предусмотрены в специальных Правилах Совета Европы о пробации 2010 г. Причем ее наименование различается: Отдел пробации (*Division of probation*) в Бельгии, Служба пробации (*Probation service*) в Австрии, Департамент по тюрьме и пробации (*Department of prison and probation*) в Дании, Исправительные службы по реинтеграции и пробации (*Correctional services for reintegration and probation*) во Франции и т.д. Однако есть ряд стран, где отсутствует такой орган (например, Исландия, Босния и Герцеговина). В России наказания без изоляции от общества исполняются преимущественно уголовно-исполнительной инспекцией ФСИН (штраф – судебными приставами-исполнителями, принудительные работы – исправительными центрами). Деятельность таких органов и учреждений регулируется Уголовным, Уголовно-процессуальным кодексами (например, в Австрии, Чехии), реже Уголовно-исполнительными кодексами (в Дании, Франции, России), а также другими законами (например, Закон о защите общества (*Community Protection Act*), и подзаконными актами (циркулярами министерства), в том числе решениями Конституционного суда, декретами.

Анализируя существующую систему органов и учреждений стран Совета Европы, исполняющих альтернативные наказания, приходим к выводу о том, что большинство их находится в ведении Министерства юстиции (82%), являясь при этом частью Администраций тюрем (32%). В этой связи актуальным является вопрос о том, следует ли пробацию сделать частью пенитенциарной системы или же оставить в качестве самостоятельного органа в Минюсте. Как нам представляется, единственно правильной модели нет, ведь каждое государство должно решать этот вопрос индивидуально в зависимости от исторических, социальных, политических и экономических особенностей.

Существующие в государствах Совета Европы службы пробации можно классифицировать на три группы: государственные (абсолютное большинство), частные (Нидерланды) и государственно-частные (Австрия). Первую группу можно также разделить следующим образом: те, которые напрямую подчинены министерствам

(Монако, Черногория); те, которые являются независимыми государственными органами (Швейцария); смешанные (Италия, Греция, Андорра).

Подведомственность этих служб неразрывно связана с организацией деятельности, полномочиями, структурой органов и учреждений, а также с финансированием. Так, большинство служб получают средства из государственного, реже из местного бюджета, а также обеспечиваются за счет частных средств. Деятельность пробации в Европе охватывает широкий спектр услуг, реализуемых на всех стадиях уголовного процесса, тогда как в России уголовно-исполнительная инспекция участвует только на последней, так называемой послесудебной (*post-trial*), стадии.

Таким образом, среднестатистический орган, исполняющий наказания без изоляции от общества, именуется «Службой пробации» (*Probation service*), подчиняется Министерству юстиции, финансируется за счет государственных средств, наделяется на всех стадиях уголовного процесса полномочиями, предусмотренными УК и УПК, а также внутренними ведомственными актами.

Т.Г. Антонов

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ К ОСУЖДЕННЫМ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

За более чем трехлетний период с начала применения принудительных работ в практике выявилось достаточно много проблем. В рамках указанной статьи будут рассмотрены вопросы применения мер принуждения к осужденным к принудительным работам. Их можно разделить на две группы: 1) проблемы применения мер ответственности за нарушение порядка и условий отбывания наказания; 2) проблемы применения мер безопасности (физической силы, специальных средств и оружия).

Первая группа проблем вытекает из норм ст. 60.15 и 60.17. Здесь, прежде чем перейти к частностям, необходимо сделать общее замечание. Основания замены принудительных работ лишением свободы

сформулированы нетипично. Они соединили в себе элементы норм о порядке исполнения лишения свободы и норм о порядке исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Так, основанием замены принудительных работ, во-первых, является уклонение от их отбывания и, во-вторых, признание осужденного злостным нарушителем. Это породило нелепую ситуацию противоречия норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Данный вид наказания начал применяться с 2017 г., но при этом более года ч. 6 ст. 53.1 Уголовного Кодекса РФ предусматривала возможность замены наказания принудительных работ лишением свободы только в случае уклонения от их отбывания, в то время как ч. 5 ст. 60.15 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ) предусматривала необходимость направления начальником исправительного центра представления о замене наказания в суд в случае признания осужденного злостным нарушителем. Это противоречие было устранено лишь в апреле 2018 г. Если посмотреть на действующие нормы УИК РФ, то и сейчас можно увидеть их противоречие. Например, п. «ж» ч. 2 ст. 60.15 УИК РФ предусматривает, что злостным нарушением является самовольное без уважительных причин оставление территории исправительного центра, а в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 60.17 уклонением от отбывания принудительных работ, в частности, является самовольное оставление исправительного центра на срок свыше 24 часов. По сути одинаковые нормы отличаются определенными нюансами. Эти ошибки в юридической технике конструирования норм приводят к нестабильности практики.

В этой же группе норм есть неопределенная и непонятная норма. Пункт «в» ч. 1 ст. 60.15 УИК РФ в качестве нарушения порядка и условий отбывания принудительных работ предусматривает «нарушение установленных для осужденного правил проживания в исправительном центре». Что это за правила непонятно. Вероятно, они должны утверждаться начальником исправительного центра. Но нормы, которые могут привести в итоге к замене наказания, должны приниматься на уровне федерального законодательства с их конкретизацией в подзаконных нормативных правовых актах, но никак не на уровне локальных нормативных актов.

Проблемы применения мер безопасности (физической силы, специальных средств и оружия) можно выразить одной фразой: правовой основы для их применения сотрудниками исправительных цен-

тров нет. В УИК РФ норма о возможности их применении отсутствует. Основания и порядок применения указанных мер сотрудниками УИС предусмотрены Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Однако название данного закона и его преамбула говорят о том, что его действие распространяется только на отношения, возникающие при исполнении лишения свободы.

Указанные проблемы хотя и носят частный характер, говорят о том, что применение мер принуждения к осужденным в уголовно-исполнительном праве регулируется хаотично без обобщения наиболее значимых вопросов.

О.В. Анцибалова

МЕСТО И РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С ПЕРСОНАЛОМ УИС

Эффективная реализация стоящих перед учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы (УИС) целей и задач напрямую связана с формированием у персонала УИС высоких профессионально-нравственных и морально-психологических качеств, укреплением дисциплины и законности в служебной деятельности. Важнейшим компонентом в становлении персонала новой формации выступает воспитательная работа, которую можно рассматривать как профессионально организованный процесс, характеризующийся совместной деятельностью его субъектов, сотрудничеством, культурным содержанием и определенными специфическими методами.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим воспитательную работу в учреждениях и органах УИС, является приказ ФСИН РФ от 28.12.2010 № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы», в соответствии с которым воспитательная работа заключается в проведении комплекса информационно-пропагандистских, индивидуально-психологических, правовых, социально-экономических, морально-этических, культурно-досуговых, спортивно-массовых и

иных мероприятий, осуществляемых субъектами воспитательной деятельности и направленных на формирование у работников УИС необходимых профессиональных качеств.

Особая роль в широком спектре воспитательных мероприятий отводится культурно-досуговой деятельности. С одной стороны, она выступает средством воспитания и приобщения персонала УИС и членов их семей к национальным и общекультурным ценностям; с другой стороны, является одним из эффективнейших средств предупреждения и профилактики у сотрудников УИС таких деструктивных явлений, как эмоциональное выгорание, профессиональная деформация, формирование и проявление суицидального поведения.

Культурно-досуговая деятельность носит индивидуальный, коллективный (групповой) или массовый характер. Выбор формы и содержание зависит от многих факторов: интересов и запросов субъектов и объектов этой деятельности; знаменательных и памятных событий, происходящих в жизни государства и общества; проблем и специфики служебной деятельности; уровня профессионализма сотрудников и финансовых возможностей учреждения и органов УИС.

Индивидуальная культурно-досуговая деятельность носит целенаправленный и сознательный характер воздействия на конкретный объект воспитательной работы и предполагает обязательный учёт социальных особенностей, психоэмоциональных черт, возрастных и гендерных данных, образовательных и профессиональных качеств сотрудника. Она, как правило, реализуется через беседы и консультации.

Более сложными и трудозатратными являются формы коллективной культурно-досуговой деятельности. Они позволяют охватить большое количество сотрудников идейно-эмоциональным воздействием, длительным участием в общем деле. К коллективным формам относятся мероприятия, связанные с организацией в учреждениях и органах УИС выступлений профессиональных и самодеятельных коллективов, деятелей культуры и искусства, проведение спортивных, досуговых игр и других культурно-массовых и спортивно-оздоровительных мероприятий, способствующих отдыху и поднятию морального духа личного состава. Ярким примером тому служат торжественные мероприятия, посвященные государственным и профессиональным праздникам, всероссийские конкурсы «Виват, офицеры!», «Мисс УИС», авторской песни «Пою тебе, Россия!».

Особое значение приобретают торжественные мероприятия, посвященные национальным праздникам в субъектах Российской Федерации, которые позволяют сохранить этнос и культуру нашего многонационального государства.

Групповые формы коллективной культурно-досуговой деятельности носят камерный характер. К ним относятся «литературные гостиные», музыкальные и поэтические вечера, дискуссии и др. Очень активно данные формы используются в образовательных организациях ФСИН России.

Если говорить о массовых формах культурно-досуговой деятельности, предполагающих присутствие большого количества людей, то это, безусловно, участие сотрудников УИС и членов их семей в праздничных мероприятиях, народных гуляниях, концертных программах, флешмобах и прочем, проводимых на территориях административно-территориальных единиц, где они проживают и проходят службу. Примером тому служит участие ветеранов, сотрудников УИС и членов их семей в международном общественном гражданско-патриотическом движении по сохранению личной памяти о поколении Великой Отечественной войны «Бессмертный полк».

Культурно-досуговая деятельность выступает своего рода показателем круга духовных потребностей, интересов, культуры персонала УИС и непосредственно связана с эффективностью результатов служебной деятельности, так как наиболее благоприятно влияет на рекреационно-восстановительные процессы, снимая интенсивные физические и психические нагрузки у сотрудников.

С.И. Бякина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Воспитательная работа с осужденными является одним из основных средств их исправления, предусмотренная Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (УИК РФ). Ввиду гуманизации отечественной уголовной и уголовно-исполнительной полити-

ки, а также закономерно последовавшего расширения сферы применения наказаний и мер уголовно-правового характера, исполняемых уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ) становится чрезвычайно актуальным совершенствование воспитательного воздействия на упомянутые категории правонарушителей.

В УИК РФ, других правовых актах указана лишь необходимость по организации и проведению воспитательной работы с осужденными к ограничению свободы, лишению права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью, исправительным работам. В ч. 6 ст. 47¹ УИК РФ, обязывающей УИИ проводить воспитательную работу с осужденными к ограничению свободы, делается дополнение об участии общественности в реализации этого средства исправления. Следует отметить, что в отношении осужденных к обязательным работам, условно осужденных и лиц, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, законодатель вообще не предусмотрел осуществление воспитательной работы.

В дополнение к изложенному полагаем целесообразным отметить, что в отличие от осужденных к лишению свободы, где правовому регулированию воспитательного воздействия посвящена целая глава УИК РФ, организация аналогичной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ, осталась без должного законодательного внимания. Вне сомнений, существуют принципиальные различия в проведении воспитательной работы, осуществляемой в УИИ, от аналогичного направления деятельности, реализуемого в рамках охраняемых исправительных учреждений, однако игнорирование законодателем этого направления деятельности, на наш взгляд, недопустимо. Ведомственные правовые акты, регулирующие деятельность УИИ, также не в полной мере раскрывают алгоритм действий сотрудников в части организации воспитательной работы с подучетными гражданами.

В этой связи остается только сожалеть, что в УИК РФ не получило законодательного закрепления понятие воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ. Как нам представляется, именно законодательное закрепление определения воспитательной работы с осужденными послужит основой для разработки норм, регулирующих анализируемую деятельность с осужденными, состоящими на учете в УИИ.

Помимо изложенного, в действующих правовых актах не раскрываются направления и формы воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ. На практике это порождает неоднозначный подход к ее проведению. С одной стороны, предоставляются так называемый творческий выбор и возможность сотрудникам по своему усмотрению определять эти направления и формы, с другой стороны – они служат причиной формального подхода к оказанию воспитательного воздействия на осужденных к наказаниям без изоляции от общества.

Многие годы на страницах отечественных юридических изданий неоднократно поднимается вопрос о совершенствовании воспитательной работы, проводимой в органах и учреждениях УИС. В ходе этих дискуссий констатируется необходимость организации воспитательной работы в отношении всех без исключения правонарушителей, указывается на необходимость активизации и развития форм и методов воспитательной работы, проводимой с лицами, находящимися на учете УИИ. Мы подобные мнения всецело разделяем и выражаем готовность к разработке и представлению проектов обобщенных законодательных предложений в этом направлении.

В.Б. Дворцов

МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: МЕХАНИЗМ ПОДГОТОВКИ И РЕАЛИЗАЦИИ

Массовые беспорядки в условиях исправительных учреждений зачастую используются в качестве отвлекающего момента в целях организации и совершения других преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких¹.

Непосредственными участниками массовых беспорядков выступают осужденные среднего или молодого возраста, причем в литера-

¹ См.: Ткаченко Н.И., Елифанов С.С., Лядов Э.В. Правовые и организационные аспекты применения специальных, криминалистических технических средств и методов в раскрытии, расследовании и предупреждении побегов из мест лишения свободы. Рязань : Академия ФСИН России, 2011. С. 10.

туре¹ нередко отмечается, что их национальность, уровень образования и специальность не являются определяющими факторами активного участия и организации массовых беспорядков. Основными мотивами участия в массовых беспорядках выступают отрицание режима содержания; отрицательное отношение к сотрудникам исправительного учреждения, а также к осужденным, поддерживающим администрацию учреждения; чувство групповой солидарности, принадлежности к лицам, пропагандирующим неподчинение закону.

Исследование особенностей механизма подготовки и реализации массовых беспорядков приводит к выводу о том, что в зависимости от характера поведения участников массовых беспорядков способы совершения преступлений могут быть активные, пассивные и смешанные². Общую структуру подготовки и реализации массовых беспорядков можно представить следующим образом: подготовка массовых беспорядков начинается с благоприятного (для организаторов) стечения обстоятельств – возникновения определенного повода, который в дальнейшем приобретает еще более значимый характер и используется в провокационных целях для активизации действий осужденных. Далее постепенно увеличивается число лиц, поддерживающих сторону организаторов и их инициативной группы. В дальнейшем к данным группам примыкают сочувствующие, любопытные, зеваки. Результатом этого процесса становится создание управляемой толпы. Одновременно с этим со стороны организаторов и активных участников завершаются подготовительные мероприятия. Организаторам удается спровоцировать толпу на совершение преступлений и направить в нужное им русло, добившись временной поддержки с ее стороны³.

Механизм реализации массовых беспорядков предполагает использование ряда приемов: распространение провокационных слу-

¹ См.: Акчурин А.В., Лядов Э.В., Назаркин Е.В., Новикова Л.В., Белов О.А., Цивкунов А.Г. Особенности расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества : учеб.-практ. пособие. Рязань : Академия ФСИН России, 2012. С. 12.

² См.: Шаталов А.С. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в условиях массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 92.

³ См.: Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 40.

хов и сплетен; обращение лидеров криминальных групп к основной массе осужденных с указанием на несправедливость ситуаций, складывающихся в исправительном учреждении; наличие формального повода (например, непропорциональное применение физической силы или специального средства к осужденному); формирование активной толпы отрицательной направленности; активные действия осужденных, участвующих в массовых беспорядках.

Следует отметить, что в механизме подготовки и реализации массовых беспорядков необходимо также учитывать еще один фактор – характер и направленность преступлений, которые «скрываются» в общей массе противоправных деяний, совершаемых в ходе массовых беспорядков. Тем самым в механизме подготовки и реализации массовых беспорядков необходимо выделять дополнительные аспекты, а именно особенности подготовки, совершения и сокрытия преступлений, совершаемых в ходе массовых беспорядков, а также способы их совершения, мотивы и цели.

В.В. Демьянов

РОЛЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УКРЕПЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Уголовно-исполнительная система (УИС) – это органы и учреждения, уполномоченные в рамках российского законодательства решать вопросы различного характера, связанные с исполнением уголовных наказаний.

Служба в УИС – вид федеральной государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в УИС РФ, а также на должностях, не являющихся должностями в УИС, в случаях и на условиях, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации¹.

¹ Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4532.

На протяжении длительного периода времени деятельность УИС регламентировалась отдельными нормативно-правовыми актами, изданными в разное время и разными ведомствами (Минюст, МВД и др.), в том числе и гражданскими ведомствами (трудовое законодательство, закон об образовании и др.). Отсутствие единой законодательной базы, адаптированной для УИС, зачастую приводило к правовым пробелам, а также сильно задерживало развитие УИС, ее нормативно-правовой базы (например, тестирование сотрудников при приеме на службу проводится, в том числе и в настоящее время, по методикам, разработанным в 1995 г. в Миннесотском университете США и предназначенным изначально для других целей). Также, как пример, можно привести всем известное Положение об органах внутренних дел (далее – ОВД), которое применялось в УИС даже после того, как перестало использоваться в ОВД.

В ходе анализа деятельности УИС как органа исполнительной власти можно сделать вывод о том, что данная структура в процессе реализации разнообразных функций государства (например, экономическая, политическая, информационная, дипломатическая и др.) играет важную роль. Важную роль учреждения УИС играют в системе обеспечения безопасности Российского государства в широком смысле этого слова.

Комплексный подход в изучении данного направления показывает, что одним из важнейших является обеспечение экономической функции государства. Многие учреждения и органы УИС наделены правами и обязанностями юридических лиц. Государство наделяет учреждения и органы УИС, в лице ФСИН России, определенной компетенцией, направленной на регулирование экономических отношений, возникающих в процессе деятельности УИС. УИС как орган исполнительной власти в разнообразной форме и разнообразными методами принимает активное участие в процессе реализации социальной функции государства. УИС принимает активное участие в реализации федеральных целевых программ в части, ее касающейся. Значительную роль учреждения УИС играют в обеспечении необходимыми материальными ресурсами других силовых структур, ведомств и промышленных отраслей государства (например, пошив форменного обмундирования для МВД, МЧС, Росгвардии, Вооруженных сил, изготовление комплектующих к оборудованию в газопромышленной и нефтяной отрасли, развитие сельскохозяйственно-

го сектора от предоставления рабочей силы до выпуска самостоятельной продукции).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что УИС является существенным сегментом в деятельности Российского государства. УИС охватывает широкий спектр деятельности государства – от прямой правоохранительной до производственно-хозяйственной.

А.А. Ефименко, Э.В. Чумаков

О ПОДГОТОВКЕ ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Анализируя практику, связанную с лишением свободы, можно убедиться в том, что не в полной мере реализуется функция государства по возвращению в общество граждан, способных осуществлять полноценное общественное функционирование¹.

Отмечается, что основной задачей при подготовке осужденных, отбывающих лишение свободы, к освобождению является создание системы взаимосвязанных элементов, направленных на решение вопросов успешной социальной адаптации осужденного после освобождения. Сотрудники исправительных учреждений, для успешной работы по ресоциализации осужденных, должны знать личностные особенности каждого из них.

Первоначальные мероприятия по изучению личности могут производиться с момента начала уголовного преследования.

Учитывая, что личность осужденного подлежит изучению с момента прибытия в исправительное учреждение, возникает необходимость внесения изменений в ст. 79 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) «Прием осужденных к лишению свободы в исправительные учреждения», дополнив ее частью 3, которую изложить в следующей редакции: «В период нахождения осужденного в карантинном отделении, а также на по-

¹ Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных к ограничению свободы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 151–154.

следующих этапах исполнения наказания организуется всестороннее изучение его личности, выявляются причины совершения лицом преступления и условия, способствовавшие этому. По результатам изучения личности в течение трех месяцев с момента прибытия осужденного в исправительное учреждение составляется индивидуальная программа по подготовке осужденного к освобождению».

В действующем законодательстве не вполне справедливо определено положение осужденных, трудоустроенных в колонии по отношению к лицам, по тем или иным причинам не желающим трудиться. В соответствии со ст. 107 УИК РФ из заработной платы, пенсий и иных доходов осужденных к лишению свободы производятся удержания для возмещения расходов по их содержанию. В частности, в соответствии с п. 4 ст. 99 УИК РФ осужденные, получающие заработную плату, и осужденные, получающие пенсию, возмещают стоимость питания, одежды и коммунально-бытовых услуг (кроме стоимости специального питания и специальной одежды). С осужденных, уклоняющихся от работы либо не занятых трудом, аналогичные расходы в соответствии с действующим законодательством удерживаются из средств, имеющих на их лицевых счетах. Фактически же неработающие осужденные содержатся за счет государства.

В качестве промежуточного этапа перед освобождением нужно рассматривать перевод в колонию-поселение. Человек, утративший способность к нормальному функционированию в обществе, должен быть подготовлен к жизни на свободе в максимально приближенных к реальным условиям, такие условия на территории исправительного учреждения создать практически невозможно.

Необходимость постепенной адаптации через колонию-поселение подтверждают следующие данные: 87% опрошенных осужденных и 68% сотрудников системы исполнения наказаний УФСИН России по Томской области пояснили, что осужденным проще адаптироваться к условиям жизни на свободе после колонии-поселения по сравнению с исправительной колонией.

СОЗДАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА УИС В СИСТЕМЕ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Учитывая, что УИС является целостной и неделимой частью Российского государства, все негативные и позитивные события, происходящие в УИС, а также следующие за ними публикации в средствах массовой информации (СМИ), интернете, просто в распространяемых слухах существенно влияют на имидж Российского государства в целом. Исходя из международной обстановки, сложившейся в настоящий момент, любые негативные проявления могут быть использованы недружественными по отношению к России государствами для создания (принятия) соответствующих новых санкций, ограничений и в дальнейшем очернения процессов, происходящих в России.

Учитывая вышеизложенное, УИС РФ и сотрудники, проходящие службу в системе, не могут оставаться в стороне и по определению должны придерживаться принципов и понятий, действующих во благо Российского государства, а именно (если вспомнить выдержки из текста Присяги сотрудника УИС) свято соблюдать Конституцию Российской Федерации и иные нормативные правовые акты Российской Федерации¹.

Сотрудник УИС не должен поддаваться различным провокационным выпадам со стороны деструктивного преступного элемента, псевдоправозащитников, а также иных лиц, негативно настроенных к существующему порядку управления в России.

Для создания положительного имиджа УИС руководством системы как в центральном аппарате, так и на местах принимается ряд адекватных мер реагирования. Попробуем перечислить их с точки зрения обычного обывателя: доступность; открытость; готовность к сотрудничеству со СМИ; проведение открытых мероприятий в

¹ Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4532.

учреждениях УИС (с допуском родственников осужденных, например дней открытых дверей); создание официальных сайтов (центрального аппарата, региональных подразделений, отдельных учреждений УИС) с правом открытого доступа любого желающего; проведение единых дней приема; участие в программах массмедиа (телепрограммы, радиоэфир, газетная пресса); проведение открытых культурно-массовых мероприятий (активная реклама и привлечение широких масс общественности); проведение спортивно-массовых соревнований в различных видах спорта, как под эгидой ФСИН, так и участие в межведомственных спортивных соревнованиях; активное участие в проведении и праздновании государственных праздников (День Победы, День народного единства, День защитника отечества и т.д.); на региональном уровне активное участие в общественной жизни региона (города) по месту дислокации учреждения УИС; благотворительная помощь специализированным заведениям (домам инвалидов, детским домам, детским садам, школам и т.д.); взаимодействие с органами власти и другими правоохранительными структурами в части, касающейся вышеизложенных пунктов; инициативные проведения отдельных патриотических акций (помощь инвалидам, наведение порядка на заброшенных армейских могилах, участие в поисковых отрядах и т.д.).

Исходя из вышеизложенного, имидж УИС во многом зависит от отношения каждого отдельно взятого сотрудника, степени его доверия государству, моральной подготовки и личного патриотизма.

А.Н. Иванова

СИРОТСТВО КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уго-

ловное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера.

Особое значение приобретает процесс ресоциализации в отношении несовершеннолетних осужденных к лишению свободы. Очевидно, что для такой категории лиц в целях успешного их возвращения в общество огромная роль принадлежит семье. Как известно, только семья может обеспечить ребенку всестороннее и полноценное физическое, духовное и нравственное развитие.

По статистическим данным Федеральной службы исполнения наказаний, по состоянию на 31 декабря 2018 г. списочная численность осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях России, составляла 1 310 человек, из них, 162 – дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей (12,3%). В 2017 г. численность таких лиц составляла 1 395 человек, из них, 189 – дети, оставшиеся без попечения родителей (13,5%)¹. Не вдаваясь в размышления по поводу всех причин преступности несовершеннолетних, следует отметить, что доминантой среди них является неблагополучие семьи.

Законодательство об основных гарантиях прав ребенка в России устанавливает, что к детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, относятся, в частности, дети, оставшиеся без родительского попечения, дети, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях². Представляется, что нахождение несовершеннолетнего из обозначенной категории в местах лишения свободы «отягощается» статусом сиротства для целей его ресоциализации. При этом, предоставляя детям в уголовно-исполнительном законодательстве более широкий круг прав по сравнению с совершеннолетними осужденными, реализация этих прав для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, отчасти носит урезанный, усеченный характер (например, отсутствие свиданий, непредоставление родителями, лишенными родительских прав, средств на содержание ребенка и пр.).

¹ Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (дата обращения: 09.01.2020).

² Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2020.

Все эти факторы в большинстве случаев оказывают отрицательное влияние на процесс ресоциализации несовершеннолетних осужденных и должны учитываться при исполнении наказания в виде лишения свободы.

Нельзя не учитывать и то, что после освобождения из воспитательной колонии дети, не имеющие семью, подлежат помещению в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, где становятся изгоями в силу факта судимости, нередко возвращаются к криминальному поведению, что требует пристального внимания к ним со стороны всех уполномоченных государственных органов.

С.Е. Илюхин

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Исправление осужденных является одной из целей, стоящих перед уголовно-исполнительной системой РФ, в ч. 2 ст. 9 УИК РФ определены основные средства исправления осужденных. Применение данных средств нередко позволяет осужденным исправиться и при подходе установленных законом сроков воспользоваться правом подачи документов в суд для принятия решения по условно-досрочному освобождению либо заменой неотбытой части срока отбывания наказания более мягким видом наказания.

В современном российском законодательстве механизм четкого определения исправления осужденных отсутствует, а вот в советском исправительно-трудовом праве такие попытки, именно по определению степени исправления осужденных, предпринимались¹.

Все это приводит к тому, что осужденные, освобожденные условно-досрочно, возвращаются обратно в исправительные учреждения. В связи с этим требуется разработка единых, прозрачных, критериев исправления осужденных. Наличие таких критериев могло бы администрации ИУ и судебным органам определить сте-

¹ Сизый А.Ф., Васильев А.И. Оценка степени исправления и перевоспитания осужденных. Рязань : РВШ МВД СССР, 1986. 80 с.

пень исправления, не допустив при этом ошибки. Они позволяют объективно отражать в характеризующих материалах конкретные результаты исправления. В ходе бесед с практическими работниками они отмечают, что в характеристиках на осужденных для УДО отражается, трудоустроен ли осужденный, получил ли образование и т.д., как он трудится, выработал ли норму, которую ему определила администрация ИУ, как он обучался, каков средний балл по окончании школы либо ПТУ.

Указанные в советском законодательстве оценочные понятия поведения осужденных как «твердо вставших на путь исправления», «доказавших свое исправление...» и другие, даны общими фразами, не имеющими конкретных показателей исправления. Мы же считаем, что критерии оценивая степени исправления осужденных в законе должны быть конкретизированы и иметь свою шкалу.

Однако хотелось бы отметить, что критерии оценки осужденных, не стоит превращать в точную науку. Так, например Н.И. Севрюгиным и Н.И. Соколовым произведена методическая разработка оценки поведения осужденных, где впервые отражена методика оценки степеней исправления и перевоспитания осужденных с применением отдельных элементов (формул) математики¹. Это заинтересовало многих ученых, но данные математические формулы были достаточно сложными для работников исправительных учреждений, в связи с этим указанная методика в практику не вошла.

Мы считаем, что критерии оценивания должны быть следующими:

- 1) количество поощрений должно быть больше количества допущенных нарушений установленного порядка отбывания наказания;
- 2) при подаче документов на УДО, средний балл успеваемости в школе должен быть не ниже 3 (при отсутствии образования);
- 3) аналогично и с профессиональным образованием – средний балл не ниже 3 баллов (при отсутствии технического образования);
- 4) осужденный должен быть трудоустроенным, а иметь норму выработки в среднем не менее 60%.

¹ Севрюгин А.С., Соколов Н.И. Методика оценки поведения осужденных (на опыте аттестования в отряде ИТК). Рязань, 1978.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, А ТАКЖЕ ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В соответствии с принятым 20 августа 2004 г. Федеральным законом № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» органами, обеспечивающими государственную защиту, определены: органы, обеспечивающие государственную защиту; органы, осуществляющие меры безопасности; органы, осуществляющие меры социальной поддержки.

В статье 3 вышеназванного Федерального закона определены все органы, на которые возлагаются функции осуществления мер безопасности, к ним относятся: органы внутренних дел Российской Федерации, органы ФСБ России, таможенные органы Российской Федерации, военная полиция Вооружённых Сил Российской Федерации (командование воинских частей и вышестоящее командование), учреждения и органы уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации.

Для более полного понимания проблемы обеспечения безопасности лиц, содержащихся в следственных изоляторах (ПФРСИ) или находящихся в местах отбывания наказания, на наш взгляд, необходимо сравнить, какие виды государственной защиты осуществляет уголовно-исполнительная система и чем они отличаются от видов защиты, которые обеспечивают другие органы. По определению понятно, что в местах содержания под стражей (кроме ИВС, гауптвахт и дисциплинарной воинской части) и исправительных учреждениях осуществлять эти функции, кроме уголовно-исполнительной системы, не одно из вышеперечисленных ведомств не может. Но при этом в связи со спецификой деятельности уголовно-исполнительной системы она не может выполнять ряд видов государственной защиты предусмотренных законом, что, в свою очередь, и предусмотрел законодатель. В части 1 ст. 14 упомянутого Федерального закона определены соответствующие пункты ч. 1 ст. 6 настоящего Феде-

рального закона по которым осуществляется безопасность защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в местах лишения свободы. Настоящий закон предусматривает и иные меры обеспечения безопасности, предусмотренные УИК РФ и Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Это охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; переселение на другое место жительства; изменение места работы (службы) или учебы уголовно-исполнительной системой не исполняются. Вместе с тем ч. 2 ст. 14 Федерального закона расширяет перечень мер безопасности, которые могут применяться в уголовно-исполнительной системе, а именно: направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключение под стражу и назначения уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящихся в других субъектах Российской Федерации; перевод защищаемого лица или лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей и отбывания наказания в другое; раздельное содержание защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия; изменение защищаемому лицу меры пресечения или меры наказания в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (при этом необходимо обратить внимание, что данную меру безопасности уголовно-исполнительная система своими силами и средствами вряд ли может исполнить).

Как видно из сравнительного анализа, меры безопасности, осуществляемые уголовно-исполнительной системой, существенно отличаются от других органов, осуществляющих эти функции.

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
МЕЖДУ СТРУКТУРНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
В ЦЕЛЯХ ПОДДЕРЖАНИЯ УСТАНОВЛЕННЫХ
ПРАВИЛ И ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ**

После прекращения действия Исправительно-трудового кодекса РСФСР и вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ задачи, стоящие перед уголовно-исполнительной системой, не претерпели глобальных изменений. Разумеется, тексты ст. 1 УИК РФ и ст. 1 ИТК РСФСР имеют определенное различие, однако их основное содержание носит общий характер, который определяет цели уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Несмотря на это процесс реализации наказания в виде лишения свободы и подходы к нему существенно изменились, при этом организационно-штатная структура учреждений УИС не несла существенных изменений (исключение – передача функций охраны от ВВ МВД РФ в УИС РФ). Вместе с тем структура центрального аппарата УИС РФ и частично территориального органа имела эти изменения. Все это говорит о том, что, с одной стороны, осуществляется определенная преемственность в развитии и изменении подходов по реализации уголовных наказаний, а с другой – складывается впечатление о нахождении системы в поиске. При этом все основные задачи и цели по сути, ясны и понятны, конечно же с учетом изменившихся социально-экономических отношений и соответственно законодательству, в том числе уголовно-исполнительному, возникают проблемы в реализации поставленных задач (например, серьезные внесения изменений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г.). И если с реализацией функций режима, за исключением частных моментов, особых проблем не возникает, то процесс исправления осужденных, на наш взгляд, находится не на должном уровне. Здесь есть объективные и субъективные моменты, но, наверное, самым серьезным элементом в этом ряду является суще-

ственный спад производства в УИС. Что, в свою очередь, привело к значительному сокращению рабочих мест для осужденных и достаточно невысокой заработной плате, при этом надежды на коммерческий сектор экономики (инвестиции в производственный сектор УИС) не в полной мере оправдались. И эта ситуация, на наш взгляд, должна подталкивать к принятию решений о привлечении осужденных к оплачиваемому труду на предприятиях различной формы собственности, находящихся за пределами исправительных учреждений, а также развитию производственного сектора и сектора услуг на производственных объектах УИС РФ, особенно тех, где строгость режима не всегда позволяет выводить осужденных на производственные объекты.

Все это может улучшить воспитательный процесс (труд – это один из элементов воспитания), занять осужденных, позволит им получать заработную плату (может быть, даже выше нынешней) и, соответственно, менять их отношение к своему будущему, так как привычка и навыки работы увеличат их конкурентоспособность на рынке труда после освобождения из мест лишения свободы. При реализации этой задачи конечно же возникнут противоречия между отдельными структурными подразделениями исправительного учреждения, так как на первичном этапе их интересы (зоны ответственности) будут расходиться, но при грамотном руководстве этим процессом эти противоречия в конце концов сведутся к минимуму. В итоге, на наш взгляд, это позволит существенно улучшить воспитательный процесс с осужденными, что в свою очередь должно привести и к улучшению режима в исправительном учреждении. При этом необходимо учитывать специфику каждого исправительного учреждения, от места его дислокации до удалённости от производственных объектов; все это может повлиять на организационно-штатную структуру учреждения, при этом увеличение штатной численности если и произойдет, то только в интересах производства и за счет производственной деятельности.

ОСОБЕННОСТИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО КОРРУПЦИОННЫМ ДИСЦИПЛИНАРНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ СОТРУДНИКАМИ УИС

«Особая» правовая природа коррупционного дисциплинарного правонарушения проявляет себя и в том, что расследование данных видов правонарушений обеспечивается самостоятельным дисциплинарным производством (ст. 51, 53 Федерального закона от 19.07.2018 «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – № 197-ФЗ)).

«Нетождественность» дисциплинарного производства по коррупционным правонарушениям проявляется в следующем:

1. Законодатель устанавливает специально уполномоченных субъектов для проведения расследования. В отличие от «классического» дисциплинарного расследования с одним представителем работодателя здесь имеют место два. Это должностное лицо подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений кадрового подразделения учреждения или органа УИС, а также комиссия по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационная комиссия территориального органа ФСИН). В проведении проверки не принимают участие юридические подразделения и выборный профсоюзный орган учреждения или органа УИС, если таковой имеется.

2. Возможность двухступенчатости производства в зависимости от формально определенных законодателем результатов по итогам проверки на нижележащей ступени расследования. Например, если доклад о результатах проверки должностного лица подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений направлялся в аттестационную комиссию территориального органа ФСИН.

3. Иные сроки исчисления для открытия производства по коррупционным правонарушениям. Общий срок давности привлечения

к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения установлен законодателем не позднее трех лет со дня совершения коррупционного правонарушения. Соответственно, срок совершения коррупционного правонарушения и срок его обнаружения совпадают в одной точке и образуют дату открытия дисциплинарного расследования. Срок возбуждения дисциплинарного производства по общим правилам – **не более** (выделено нами. – *Т.Г.*) одного месяца с момента обнаружения. В отношении дисциплинарного коррупционного правонарушения – **не позднее** одного месяца со дня поступления информации и его совершения.

4. Срок применения дисциплинарного взыскания – шесть месяцев со дня поступления информации о совершении сотрудником коррупционного правонарушения и не позднее трех лет со дня совершения им коррупционного правонарушения. В «классических» дисциплинарных правоотношениях срок применения дисциплинарного взыскания – шесть месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка.

Сопоставление обычного дисциплинарного производства с производством по делам о коррупционных правонарушениях позволяет сделать вывод о его особом правовом механизме с более сложной процедурой и усиленным императивным характером.

Л.А. Латышева

ОСОБЕННОСТИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В КОЛОНИИ-ПОСЕЛЕНИИ

В настоящее время женщины отбывают наказание в виде лишения свободы в колониях-поселениях (КП) и в исправительных колониях общего режима.

Особое внимание в процессе ресоциализации осужденных женщин, находящихся в КП, необходимо обратить на восстановление и укрепление социально полезных связей с семьей.

В соответствии со ст. 129 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации осужденным в КП, не допускающим нару-

шений установленного порядка отбывания наказания и имеющим семьи, по постановлению начальника КП может быть разрешено проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах КП или муниципального образования, на территории которого расположена КП.

В этой связи предлагается расширить возможности осужденным женщинам для проживания вместе с семьями и детьми за пределами КП, что будет способствовать сохранению и укреплению социально полезных связей с родными и близкими, прежде всего с несовершеннолетними детьми. Отметим, что согласно специальной переписи осужденных 2009 г. распадается каждая вторая семья женщины, каждая третья семья мужчины¹.

Кроме этого, большая часть из осужденных женщин, в том числе отбывающих наказание в виде лишения свободы, принадлежит к категории матерей (при этом значительная доля осужденных – матери-одиночки). Многие имеют малолетних детей, увеличивается количество беременных женщин, ежегодно поступающих в исправительные учреждения². При этом дома ребенка, где совместно могут находиться женщины с детьми, функционируют только при исправительных колониях общего режима. В этой связи целесообразно открывать небольшие специализированные детские отделения в форме общежития в КП, которые состоят их нескольких комнат для проживания матери и ребенка, игровой комнаты, помещения для приема пищи, санитарно-бытовой комнаты с душевой кабинкой и местом для купания, туалетом, двориком для прогулок. Одной из возможных форм может быть оборудование комнаты совместного пребывания (из расчета одна комната на двух матерей с детьми). Подобный опыт есть в КП 48 ГУФСИН России по Свердловской

¹ Казакова В.А. Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.). URL: <https://wise-lawyer.ru/poleznoe/62505-kharakteristika-zhenshhin-otbyvayushhikh-lishenie-svobody-materialam-specialnoj> (дата обращения: 19.02.2020).

² См.: Подзигун А.В. Правовое регулирование отбывания наказания осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации // Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы : сб. межрегион. науч.-практ. конф. (Вологда, 22–23 июня 2016 г.). Вологда, 2016. С. 46.

области, в которой открыто общежитие для осужденных женщин, беременных или с детьми до трех лет. Условия в нем почти домашние. Дети состоят на учете в районной поликлинике, беременные наблюдаются в женской консультации города¹. На базе КП 48 ГУФСИН России по Красноярскому краю функционирует участок КП для женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. В нем созданы необходимые коммунально-бытовые условия: сушилки для одежды, комнаты купания, приготовления пищи, водонагреватели, холодильник, электроплиты, спальные места для детей².

Соответствующие нормы необходимо закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве.

Кроме этого, для поддержания социально полезных связей осужденных с близкими необходимо расширить возможности применения программного обеспечения Skype, организовывать дни открытых дверей.

Н.Б. Лелик

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН, РАНЕЕ НЕ ОТБЫВАВШИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

Анализ результатов исследований, проведенных нами в 2019 г. в исправительной колонии общего режима (всего в исследовании приняли участие 480 осужденных женщин, ранее не отбывавших лишение свободы) Уральского федерального округа, позволил выявить, что большинство респонденток находится в возрасте от 26 до 35 лет (47,1%), от 18 до 25 лет (21%), далее – 36–45 лет (15,2%) и после 46 лет (16,6%). Анализ семейного положения выявил, что официально состоят в браке либо проживали до осуждения с сожителем около 48% респонденток, не замужем – 35%, и вдовы – 16%. Имеют одного ребенка 41%, двоих и более детей – 30,6%, не имеют – 1/3 осужденных женщин, ранее не отбывавших лишение свободы. Взаимоотно-

¹ См.: ГУФСИН России по Свердловской области // Преступление и наказание. 2011. № 12. С. 15.

² См.: Луханин А. На свободу – через колонию-поселение // Преступление и наказание. 2012. № 8. С. 35.

шения в семье половина опрошенных осужденных женщин, состоявших в браке (либо проживавших с сожителем), характеризуют как хорошие, положительные, но вторая половина указывает на безразличие, конфликтные и неприязненные отношения на почве злоупотребления алкоголем, наркотическими (психотропными) веществами. Бесспорно, важен и такой фактор, как криминальная зараженность семьи. По данным исследования, около половины респондентов ответили, что были судимы их близкие родственники и члены семьи. Согласно исследованию в исправительном учреждении около 2/3 находятся в молодежном, социально активном возрасте, позволяющем реализовываться как в трудовой, так и бытовой сферах жизнедеятельности. Так, по данным анкетирования, на момент совершения преступления больший процент осужденных женщин (77%) учились и работали в сфере торговли, медицины, общественного питания или бытовых услуг, сельском хозяйстве, кроме этого, около 16% являлись предпринимателями. Не имеют начального (8%) и среднего (полного) общего образования 30,8% респондентов, однако имеют среднее специальное образование (профессиональные училища, техникумы) и среднее (полное) законченное образование около 39%, а также высшее образование (незаконченное высшее образование) около 14,6% опрошенных.

Анализируя представленные данные об осужденных женщинах, ранее не отбывавших лишение свободы, можно сделать вывод, что большинство из них принадлежат к возрастной группе от 18 до 35 лет (68,1%), они, как правило, воспитывали детей (71,6%), имели образование и профессию на момент прибытия в исправительное учреждение. Подавляющее большинство осужденных женщин отбывают наказание за совершение корыстных, корыстно-насильственных и насильственных преступлений, субъективная сторона которых характеризуется умыслом. Среднестатистический показатель срока назначенного уголовного наказания, вынесенного приговором (определением, постановлением) суда, составляет от нескольких месяцев до 5 лет лишения свободы. В период отбывания наказания большинство женщин (около 80%) содержатся на обычных условиях, к ним применялись меры поощрения (64,3%) и вообще не применялись меры взыскания (69,1%). Согласно проведенному анкетированию целями наказания осужденные женщины считают: исправление, безопасность общества от преступников и предупрежде-

ние совершения новых преступлений со стороны спецконтингента. При достижении же цели исправления респонденты считают наиболее эффективными мерами, применяемыми к осужденным в местах лишения свободы, достойно оплачиваемый труд (зачастую нормы выработки на производстве высокие и низкооплачиваемые), режим и воспитательную работу. К трудностям, которые сложнее всего переносить в исправительном учреждении, осужденные женщины, ранее не отбывавшие лишения свободы, указали по значимости: отрыв от семьи; утрату свободы и невозможность пользоваться мобильными телефонами и другими средствами связи по своему усмотрению.

А.А. Мамонтова

О СООТНОШЕНИИ НАУК УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА И ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Правильное соотношение наук уголовно-исполнительного права и пенитенциарной педагогики имеет важное значение в связи с усилением влияния педагогики на проводимую учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации деятельность, направленную на достижение цели исправления осужденного. Это в свою очередь приводит к тому, что содержание отношений, связанных с исполнением уголовных наказаний, обретает большую педагогическую составляющую.

Любая наука как сфера человеческой деятельности занимается выработкой и систематизацией объективных знаний о вполне конкретной области действительности, т.е. имеет свой объект и предмет изучения.

Объектом обеих наук являются общественные отношения, возникающие в процессе отбывания осужденным назначенного наказания, в том числе исправления осужденных.

Предмет науки уголовно-исполнительного права в первую очередь (наряду с уголовно-исполнительной политикой, историей уголовно-исполнительного права и пенитенциарных учреждений, уголовно-исполнительным правом зарубежных стран) составляет изучение закономерностей названной отрасли права, которые лежат в

основе эффективного правового регулирования исполнения наказаний, средств исправления и применения мер воздействия на осужденного. Предметом же пенитенциарной педагогики являются закономерности и специфика педагогического процесса в отношении взрослой категории лиц (андрагогического процесса) в учреждениях, исполняющих уголовные наказания.

Соотношение предметов наук уголовно-исполнительного права и пенитенциарной педагогики предопределяет различие в их содержании, задачах и методах исследования.

Различие в предметах наук уголовно-исполнительного права и пенитенциарной педагогики не является абсолютным. Общее в содержании данных наук раскрывается в том числе в процессе осуществляемой в рамках учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации воспитательной работы как части педагогического процесса, так или иначе урегулированной нормами действующего уголовно-исполнительного законодательства.

Основной задачей науки уголовно-исполнительного права является научно-теоретическое обеспечение дальнейшего совершенствования правового регулирования исполнения наказаний и воспитательного процесса. В отличие от этого наука пенитенциарной педагогики в качестве своей основной задачи ставит достижение, раскрытие и обоснование цели исправления осужденных. На основе решения данной задачи пенитенциарная педагогика совместно с пенитенциарной психологией составляет такой важный принцип уголовно-исполнительного права, как психолого-педагогическая обоснованность норм уголовно-исполнительного права.

Соотношение науки уголовно-исполнительного права и пенитенциарной педагогики в плане сравнения объектов и предметов их изучения, а также стоящих перед данными науками задач позволяет сделать вывод о единстве и различии этих наук. Различие лежит в основе дифференциации данных отраслей научных знаний на самостоятельные отрасли, единство – в основе интеграции уголовно-исполнительного права и пенитенциарной педагогики, что, в свою очередь, заключается в применении к осужденному мер воспитательного воздействия в рамках отношений по исполнению уголовного наказания.

П.А. Мещеряков

О ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

Совершение преступлений в местах изоляции правонарушителей было, есть и остается серьезной проблемой как для Федеральной службы исполнения наказаний, так и для всего гражданского общества.

Возникает потребность в совершенствовании и разработке норм уголовной ответственности за преступления, совершаемые во время отбывания наказания в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Среди данных преступлений исследователями и учеными выделяются наиболее опасные – преступления, совершаемые с применением (угрозой применения) насилия. Вышеуказанные преступления обозначены в законе как действия, дезорганизующие деятельность исправительных учреждений. В статье 321 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Разработку мер по противодействию и искоренению преступности дезорганизующей деятельность исправительных учреждений необходимо начинать с изучения причин ее появления.

Экономические причины. Учитывая труднодоступность и ограниченность материальных благ и ресурсов, увеличивается их значимость. Соответственно, обостряются отношения по поводу их добычи и распределения. Возникающие на этой почве конфликтные ситуации чаще всего приводят к совершению деяний, предусмотренных ч. 1 или 3 ст. 321 УК РФ.

Социально-демографическая причина. Преступная субкультура подпитывает криминогенные мотивации осужденных и в то же время, чем больше носителей этой мотивации, тем более сильна преступная субкультура, которая в определенные исторические периоды может угрожать и действительно подчинить себе общечеловеческую¹. При-

¹ Филиппова О.В. К вопросу о детерминантах преступности в местах лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 126.

нудительный способ создания социальной общности при наличии преступной субкультуры провоцирует социальную стратификацию – размежевание осуждённых на несколько категорий, участники которых различаются по таким признакам, как объём неформальной власти, характер отношений с другими осуждёнными, образ жизни колонии¹.

Социально-психологическая причина. Преступная субкультура путём деления общества на слои не позволяет осуждённым встать на путь исправления. Осуждённые вынуждены следовать правилам преступной субкультуры, а стремление «влиться в коллектив» без потери собственного достоинства «толкает» на поступки, далеко не способствующие исправлению.

Помимо социальной стратификации в воспитательных колониях особо негативную реакцию вызывает поведение осуждённых, активно содействующих администрации учреждения, которые нередко становятся причиной совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 321 УК РФ.

Данную информацию возможно использовать для разработки мер по профилактике пенитенциарной преступности, последствиями которой чаще всего является дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. С учетом изменяющихся условий функционирования и развития мест, изолирующих преступников, а также с учетом изменения их количественного и качественного состава. Необходимо постоянно проводить работу по выработке адекватных и эффективных мер, позволяющих совершенствовать данную деятельность.

Е.Г. Михеенков

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЛЬГОТ И КОМПЕНСАЦИЙ СОТРУДНИКАМ ИТУ РСФСР В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

В 1930–1934 гг. ответственность за социальное обеспечение советских служащих мест заключения возлагалась как на Главное управление мест заключения, сменившее в 1931 г. название на Глав-

¹ Абаджян А.В. Пенитенциарная преступность: детерминизм, антикриминальное воздействие : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 18.

ное управление исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ) Народного Комиссариата юстиции РСФСР, как и на сам Наркомюст. Именно им удалось создать систему социальных льгот и гарантий сотрудниками ИТУ, многие из которых сохранялись в уголовно-исполнительной системе России до середины 2000-х гг.

Во-первых, это касалось денежного довольствия, которое как и другие выплаты сотрудникам, освобождалось от уплаты подоходного налога. С 1 ноября 1931 г. утверждались прибавки за выслугу лет работникам ИТУ: 3 года – 10%; 6 лет – 20%; 9 лет – 30%; 12 лет – 50%. Размер прибавки устанавливался при выслуге лет в календарном исчислении. Прибавка распространялась и на сотрудников, ранее проходивших службу в ОГПУ, РККА, милиции, конвойных войсках и перешедших на службу в ИТУ.

Во-вторых, устанавливалась льготная выслуга лет из расчета один день за два за период обучения в учебных заведениях исправительно-трудовой системы НКВД РСФСР. На сотрудников, проходящих службу в отдаленных местностях, распространялась льготная выслуга лет, установленная для данного климатического пояса.

В-третьих, на нормативно-правовом уровне закреплялось право сотрудников на предоставление отпуска. Устав службы в ИТУ РСФСР, утвержденный постановлением ВЦИК и СНК от 10 сентября 1931 г., устанавливал минимальный отпуск сотрудникам не менее 15 рабочих дней; гарантировал предоставление отпусков беременным женщинам, ограничения на ночные работы и командировки для них начиная с шестого месяца беременности; предоставление перерывов в работе для кормления грудью матерям.

Окончательно вопрос о продолжительности отпусков был разрешен весной 1932 г. специальным циркуляром ГУИТУ. Его продолжительность зависела от стажа службы в ИТУ и занимаемого положения и варьировалась от 20 до 45 суток. Отметим, что продолжительность отпуска в настоящее время зависит от сроков выслуги сотрудника в уголовно-исполнительной системе.

В-четвертых, за начальствующим составом ИТУ и членами их семей признавалось право на получение единовременного пособия из пенсионного фонда ГУИТУ; сотрудники ИТУ получали право на государственное пенсионное обеспечение наравне с начальствующим составом РККА. Минимальный размер выслуги лет, дающий право на пенсию, устанавливался в 20 лет.

В-пятых, сотрудникам ИТУ предоставлялись льготы по 17 видам налогов и сборов, действующих в то время, а также льготы в области сельского хозяйства.

В-шестых, на сотрудников ИТУ с декабря 1931 г. распространялись льготы наравне с военнослужащими РККА по линии Наркомхоза и Наркомпроса РСФСР. Наиболее существенными из них было внеочередное предоставление жилой площади, установление телефона в квартире, бесплатное предоставление транспорта при переезде, льготный тариф на уплату коммунальных услуг. Дети сотрудников ИТУ освобождались от уплаты за обучение и принимались в них на льготных условиях.

Предоставляемая сотрудникам ИТУ система социальных льгот позволила в начале 1930-х гг. ликвидировать кадровый голод в исправительно-трудовой системе Советского государства, стабилизировав кадровый состав ИТУ, существенно повысив престижность службы.

А.С. Морозов

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛИЦ, ЯВЛЯВШИХСЯ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Согласно п. 2 ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ¹ отдельно от других подозреваемых и обвиняемых содержатся лица, являющиеся или являвшиеся: 1) судьями; 2) адвокатами; 3) сотрудниками правоохранных органов; 4) сотрудниками налоговой инспекции; 5) сотрудниками таможенных органов; 6) сотрудниками органов принудительного исполнения Российской Федерации; 7) сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; 8) военнослужащими внутренних войск

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федер. закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Российская газета 1995. 20 июля. № 139.

органов внутренних дел; 9) военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации.

Согласно логике рассматриваемой нормы к сотрудникам правоохранительных органов не относятся лица, являющиеся либо являвшиеся: 1) судьями; 2) адвокатами; 3) сотрудниками налоговой инспекции; 4) сотрудниками таможенных органов; 5) сотрудниками органов принудительного исполнения Российской Федерации; 6) сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; 7) военнослужащими внутренних войск органов внутренних дел; 8) военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации.

Согласно ч. 3 ст. 80 УИК РФ «в отдельных исправительных учреждениях содержатся осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов. В эти учреждения могут быть направлены и иные осужденные». Действующее российское законодательство не содержит перечень органов государственной власти, относящихся к числу правоохранительных органов.

Анализ норм, содержащихся в п. 2 ст. 33 ФЗ № 103-ФЗ, в ч. 3 ст. 80 УИК РФ, дает основание полагать следующее:

1. В отдельных исправительных учреждениях (в рамках рассматриваемой тематики) содержатся две категории осужденных: 1) бывшие работники судов; 2) бывшие работники правоохранительных органов.

2. В исправительные учреждения, предназначенные для отбывания наказания бывшими работниками судов и бывшими работниками правоохранительных органов, могут направляться (а могут и не направляться) следующие категории лиц: 1) бывшие адвокаты; 2) бывшие сотрудники налоговой инспекции; 3) бывшие сотрудники таможенных органов; 4) бывшие сотрудники органов принудительного исполнения Российской Федерации; 5) бывшие сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; 6) бывшие военнослужащие внутренних войск органов внутренних дел; 7) бывшие военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации.

На основании изложенного выше, с целью устранения рассмотренного дефекта права целесообразно ч. 3 ст. 80 УИК РФ изложить в следующей редакции: «В отдельных исправительных учреждениях содержатся осужденные, являвшиеся работниками судов, адвоката-

ми, сотрудниками налоговой инспекции, таможенных органов, органов принудительного исполнения Российской Федерации, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, военнослужащими внутренних войск федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии Российской Федерации».

А.А. Павленко

МЕДИЦИНСКИЕ И ИНЫЕ ОПЫТЫ НА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В части 2 ст. 21 Конституции РФ в качестве элемента охраны достоинства личности закреплена добровольность участия граждан в медицинских, научных или иных опытах. Это конституционное требование получило свое развитие в ч. 3 ст. 12 УИК РФ «Основные права осужденных», где участие осужденных в подобных опытах, независимо от их согласия, уже категорически запрещено. Важно обозначить, что прежняя, до 2009 г., редакция рассматриваемой нормы УИК РФ при ее буквальном толковании допускала проведение над осужденными медицинских и иных опытов, которые не ставят под угрозу их жизнь и здоровье¹.

В этой связи необходимо отметить, что рекомендации специальных международных стандартов, в принципе, допускают проведение экспериментов над заключенными, при их обязательном свободном и осознанном согласии. Так, в п. 32.2 Правил Нельсона Манделы 2015 г. приведены условия участия лиц, лишенных свободы, в клинических испытаниях и других медицинских научных исследованиях: соответствие действующему законодательству и, «если предполагается, что такое участие принесет непосредственную и суще-

¹ Тепляшин П.В. Проблемы гармонизации международного пенитенциарного права и уголовно-исполнительного законодательства России // Международное публичное и частное право. 2011. № 6. С. 26–29.

ственную пользу их здоровью, а также служит донорами клеток, тканей организма и органов для родственников».

Таким образом, в запрете «на медицинские, научные и иные опыты над осужденными, независимо от их согласия, которые связаны с испытанием лекарственных средств, новых методов диагностики, профилактики и лечения заболеваний, а также проведением биомедицинских исследований» (ч. 3 ст. 12 УИК РФ), наглядно проявляется усиление (расширение) положений международных стандартов при их имплементации в российское законодательство¹. Перечень запрещенных исследований с привлечением в качестве объекта осужденных еще более расширен в отраслевом законодательстве (ч. 5 ст. 26 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ (далее – ФЗ № 323)) за счет клинической апробации, испытания специализированных продуктов лечебного питания, медицинских изделий и дезинфекционных средств.

Вместе с тем изучаемый комплекс правовых норм нуждается, по нашему мнению, в совершенствовании. В первую очередь это относится к устранению рассогласования в понятийном аппарате, на что справедливо указывал и М.Ю. Старчиков². Если в Конституции РФ и УИК РФ используются термины «медицинские, научные или иные опыты», то в иных отечественных правовых актах это понятие отсутствует, а введена другая, сходная по смыслу категория – «клиническая апробация», которая представляет собой практическое применение разработанных и ранее не применявшихся методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи для подтверждения доказательств их эффективности (ч. 1 ст. 36.1 ФЗ № 323). Кроме того, положения ч. 3 ст. 12 УИК РФ и ч. 5 ст. 26 ФЗ № 323 имеют разный набор как методов, так и направлений исследования (опытов).

Далее представляется целесообразным перемещение запрета на опыты над заключенными в ч. 2 ст. 12 УИК РФ как инструмента за-

¹ Павленко А.А. Международные стандарты деятельности медицинского персонала пенитенциарных учреждений и их реализации в России и странах СНГ / под ред. проф. В.А. Уткина. Томск, 2018. С. 63–76.

² Старчиков М.Ю. Противоправность как условие гражданско-правовой ответственности медицинской организации за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов: положения законодательства, комментарии и судебная практика // СПС КонсультантПлюс. 2019.

щиты от жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения, на что указано в Конституции РФ. Подтверждением высказанного тезиса является включение в перечень опытов на заключенных кроме медицинских, а также научных и иных исследований. Это свидетельствует о более широкой, чем просто медицинской, сфере запрета на опыты с участием лиц, лишенных свободы.

Л.И. Разбирина

УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Согласно ст. 9 УИК РФ воспитательная работа рассматривается в качестве одного из основных средств исправления осужденных.

В уголовно-исполнительном законе содержатся два принципиально важных положения. Во-первых, участие осужденных в воспитательных мероприятиях учитывается при определении степени их исправления. Во-вторых, воспитательная работа должна проводиться с учетом индивидуальных особенностей личности, характера и обстоятельств совершенных преступлений.

На 1 февраля 2020 г. при общей численности 519 618 человек, содержащихся под стражей в 700 исправительных колониях, отбывали наказание 420 584 человека¹. Наибольшее число осужденных к лишению свободы содержится в исправительных колониях строгого режима и составляет 58,8%. В ИК общего режима – соответственно 24%, особого режима – 6,3%. В колониях-поселениях отбывают наказание 7,9% от всех осужденных к лишению свободы².

Анализ состояния дисциплинарной практики за 2019 г. среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, отражает то, что наиболее высокий уровень нарушений в расчете

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 22.02.2020).

² Там же.

на 1 000 человек наблюдается среди осужденных, содержащихся в исправительных колониях строгого режима.

И если уровень нарушений осужденных в расчете на 1 000 человек в зависимости от вида режима исправительной колонии существенно не отличается, то, по данным ФСИН России, наиболее высокий уровень злостных нарушений у осужденных, содержащихся в колониях-поселениях, и он в три-четыре раза выше, чем у осужденных в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов. Так, уровень злостных нарушений в расчете на 1 000 человек в колониях-поселениях составляет 115,2, а в колониях общего и строгого режимов 33,6 и 31,5 соответственно¹. В колониях-поселениях наибольшее количество случаев употребления спиртных напитков.

Количество случаев изготовления, хранения или передачи запрещенных предметов наибольшее в исправительных колониях строгого режима, в этих же учреждениях в два раза больше случаев угроз, неповиновения представителям администрации исправительного учреждения и их оскорбления при отсутствии признаков преступления.

Анализ применения мер поощрения и взыскания показывает, что в расчете на 1 000 человек меньше число водворенных в штрафной изолятор в исправительных колониях особого режима и в колониях-поселениях.

По данным ФСИН России, каждый третий от общего числа освобожденных из мест лишения свободы освобожден условно-досрочно. В два раза чаще, чем осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях других видов режима, условно-досрочно освобождаются осужденные из исправительных колоний общего режима².

Проведенный анализ применения мер поощрения и взыскания к разным категориям осужденных показывает отличие их эффективности в зависимости от социально-правовой характеристики осужденных. Так, впервые осужденные к лишению свободы в исправительных колониях общего режима меньше совершают злостных нарушений порядка отбывания наказания. Они же имеют большее число поощрений и случаев условно-досрочного освобождения.

¹ Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20soderghixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 22.02.2020).

² Там же.

ПРЕЮДИЦИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ НАКАЗАНИЙ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Вопросы судебного контроля активно обсуждаются в юридической литературе, предлагаются варианты оптимизации данной деятельности¹. Следовательно, более детальное урегулирование порядка исполнения приговора при осуждении без лишения свободы с учетом уголовно-исполнительной преюдиции (неоднократных нарушений непенитенциарного режима) не менее актуально.

Это позволит унифицировать применение норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и ограничить судебское усмотрение посредством учета криминологических данных о личности осужденных и их поведении. Если виновные наиболее склонны к совершению новых преступлений, систематически допускают нарушения, характерные для рецидивоопасных осужденных, то наказание им должно заменяться на более строгое, а условное осуждение отменяться. У судов отсутствует четкая позиция по указанным аспектам, и они не всегда руководствуются этими данными, в определенных случаях считая, что уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) необоснованно обращаются с представлениями в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 53 УК РФ и ч. 2¹, 3 ст. 74 УК РФ.

Следовательно, необходимо усилить позицию УИИ, придав приюдициональное значение их решениям о признании лица злостно уклоняющимся от отбывания наказания или условного осуждения. Для этого в ст. 20 УИК РФ следует закрепить ч. 1¹: «Обстоятельства злостного нарушения осужденного, установленные органами и учреждениями, исполняющими наказания, принимаются судом без дополнительной проверки».

¹ Уткин В.А. Правовой статус осужденных: законодательное и подзаконное регулирование // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под общ. ред. В.А. Уткина. Томск, 2018. Ч. 1. С. 20; Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебного правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60.

Роль суда должна заключаться в рациональном осуществлении замены наказания рецидивоопасным осужденным с учетом вида совершенного преступления, поведения и их личностных характеристик. Например, среди отбывающих ограничение свободы наиболее склонны к совершению новых преступлений лица, негативно характеризующиеся и отбывающие наказание за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, кражи и угоны. Исходя из этого, следует внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и предусмотреть п. 19.1, сформулировав его следующим образом: «Замена ограничения свободы осуществляется с учетом вида преступления, за которое лицо осуждено, а также его личностных характеристик... Особое внимание судам следует обращать на осужденных, совершивших нарушения преюдициального характера, к числу которых отнесены: систематическая неявка на регистрацию, неоднократное отсутствие по месту проживания (пребывания) в определенное время суток, сочетание нарушений в виде отсутствия по месту проживания (пребывания) и неявки на регистрацию, неявка на регистрацию и изменение места жительства».

Среди условно осужденных рецидивистов значительно количество неоднократных неявок на регистрацию, административных правонарушений, отсутствия по месту постоянного проживания (пребывания), изменения места жительства, выезда за пределы территории соответствующего муниципального образования.

В связи с этим целесообразно предусмотреть в упомянутом постановлении п. 63¹ и изложить его аналогично вышеуказанному п. 19.1.

Е.А. Савинова

О СРЕДСТВАХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Вопросы дифференциации и индивидуализации наказания всегда были актуальными для комплекса отраслей криминального цикла, имеющих предметом своего регулирования общественные отноше-

ния, складывающиеся в сфере борьбы с преступностью. Вместе с тем подчеркивается, что проблемы дифференциации и классификации осужденных к лишению свободы, их размещения по видам исправительных учреждений, а также индивидуализации наказания – это стержневые, еще недостаточно разработанные в теории вопросы назначения, исполнения и отбывания наказания¹.

В уголовно-исполнительном праве дифференциация исполнения наказания имеет нижний и верхний пределы. Нижним пределом является ее исключение при наличии к тому оснований. Соответственно, освобождение от отбывания наказания представляет собой своеобразную точку отсчета, отталкиваясь от которой законодатель должен осуществлять дифференциацию путем применения различных средств. Верхним пределом дифференциации исполнения наказания следует считать наиболее существенное ограничение правового статуса осужденного в период отбывания им наказания. В данном случае стоит привести в виде примера изменение условий отбывания наказания в исправительном учреждении.

Представляется существенно важным обратить внимание на основные направления воздействия на лиц, отбывающих уголовные наказания в целях их исправления. В данном случае имеются ввиду основные средства исправления осужденных, которыми, на основании ч. 2 ст. 9 УИК РФ, являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Достаточно любопытно, что в полном объеме данные средства применяются только при исполнении наказания в виде лишения свободы. В Общей части УИК мы наблюдаем лишь простое перечисление средств, тогда, когда в Особенной части раскрывается конкретное их содержание при регулировании исполнения различных видов уголовных наказаний в частности.

Фундаментальный аспект дифференциации прослеживается в нормах Особенной части УИК РФ. Так, при конструировании разде-

¹ См.: Красиков В.С. Классификация и размещение осужденных по видам режимов исправительных учреждений // Пенитенциарный опыт Англии и возможности его реализации в уголовно-исполнительном законодательстве России и Белоруссии : материалы междунаод. науч.-практ. семинара. Рязань, 2005. С. 33.

ла IV УИК РФ «Исполнение наказания в виде лишения свободы» законодателем использовались следующие средства: места лишения свободы (ст. 73), виды исправительных учреждений (ст. 74), перемещение осужденных к лишению свободы (ст. 76), оставление осужденных к лишению свободы в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ст. 77), изменение вида исправительного учреждения (ст. 78), раздельное содержание осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях (ст. 80), градация условий отбывания наказания (ст. 87, 121, 123, 125, 127, 129, 131, 133) и др.

Подводя итог, следует отметить, что законодатель в Общей части УИК РФ обозначил типовой правовой статус осужденных и основные направления его качественного изменения в период отбывания наказания, а в Особенной – саму процедуру его трансформации посредством включения (исключения) дополнительных элементов: прав, обязанностей и законных интересов.

А.Н. Смирнов

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЮ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В юридической науке справедливо отмечается, что «большую роль в формировании позитивных качеств личности играют институты, в составе которых имеются правовые формы, регулирующие воспитательное воздействие на осужденных, лишённые карательно-го содержания...»¹. В полной мере солидаризируясь с этой позицией, отметим, что к их числу стоит отнести нормы и институты, регулирующие общественное воздействие на осужденных и стимулирующие их социально полезное поведение.

Уголовно-исполнительное законодательство России не раскрывает содержание института общественного воздействия. Представляется, что оно заключается в целенаправленной деятельности обще-

¹ Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М., 2014. С. 142.

ственных формирований и иных социальных институтов, способствующих сохранению социально-полезных связей осужденных, стимулирующей их позитивное отношение к труду, получению образования, к проведению досуга в формах, позволяющих развивать духовную сферу личности и её индивидуальность.

Одной из форм подобного воздействия выступает субинститут попечительских советов. Представляется, что попечительский совет допустимо рассматривать как форму сотрудничества, взаимодействия граждан в сфере оказания различной помощи осужденным, позволяющую более эффективно решать их проблемы и готовить к самостоятельной, ответственной жизни в обществе после отбытия наказания.

Следует отметить, что 19 марта 2015 г. Приказом Министерства юстиции РФ № 62 был утвержден «Порядок формирования попечительского совета при исправительном учреждении». Из содержания Приказа сложно сделать вывод о том, кем формируется попечительский совет, какие конкретно рекомендации он имеет право давать администрации исправительного учреждения. Иных полномочий, кроме совещательно-консультативных, попечительский совет не имеет.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в советский период большое практическое значение имело участие общественности в воспитательно-профилактическом воздействии на осужденных. Наблюдательные комиссии в советский период уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) законодательства являлись основным субъектом общественного воздействия на осужденных. Последовавший за распадом СССР развал системы профилактики и воспитательного воздействия на осужденных привел к фактическому «неучастию» общественности в контроле за поведением осужденных. Но как только утихли «бури демократизации», проблематика общественного воздействия вновь обрела свою значимость.

В июне 2008 г. был принят Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – закон «Об общественном контроле»). Этот нормативный акт, по существу, институализировал использование категории общественного контроля в механизме уголовно-исполнительного регулирования. В то же время инструментарий общественного контроля в уголовно-исполнительной системе

эффективен не в полной мере. ОНК не наделены полномочиями «внезапных визитов» в исправительные учреждения, рекомендуемые II Факультативным протоколом Конвенции ООН против пыток и других жестоких мер обращения и наказания. При осуществлении общественного контроля «...не допускается вмешательство в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность и производство по делам об административных правонарушениях» (ч. 2 ст. 4 Закона). При этом закон не разъясняет, в чем заключается подобное вмешательство, а также как оно должно устанавливаться. Тем не менее, несмотря на содержательные недостатки, положения Закона «Об общественном контроле» целесообразно учесть в совершенствовании правовых основ деятельности попечительских советов как формы общественного воздействия на осужденных.

П.В. Тепляшин

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ: КОНЪЮНКТУРНЫЙ ОКСЮМОРОН ИЛИ РЕАНИМАЦИЯ ПЕНАЛЬНОГО РЕТРИБУТИВИЗМА?

Категория «неолиберальное развитие пенитенциарных систем» или, иначе, «пенитенциарная неолиберальная идеология» получила достаточно большую известность в различных отраслях знаний – социологии и философии наказания, психологии и экономике исполнения наказаний, международном праве, компаративистике, но только должным вниманием не удостоена доктриной уголовно-исполнительного права. Хотя надо согласиться, что в чистом виде такая категория не может быть досконально изучена в рамках лишь одной научной дисциплины, поскольку она априори носит междисциплинарный и комплексный характер. Кроме того, анализ феномена неолиберального развития пенитенциарных систем возможен в плоскости иностранного права и лишь в контексте экстраполяции зарубежного опыта на отечественное правовое пространство.

Важнейшие тренды неолиберального, в первую очередь институционального развития пенальных практик могут быть представлены следующими имеющими стабильное проявление социально-

правовыми зависимостями: 1) отсутствие прямой связи между уровнем преступности и карательными притязаниями государства, выражающимися в коэффициенте лиц, содержащихся в исправительных учреждениях; 2) наличие корреляции между ростом карательных притязаний и снижением социальной защищенности населения; 3) кумулятивный характер пенальности (стабильное и продолжительное либо смягчение карательных свойств санкций либо их ужесточение). Соответственно, Россия, как принято считать, вошла в затяжной процесс так называемой гуманизации карательных притязаний как со стороны самого уголовного наказания, так и практики его исполнения.

Рост числа осужденных, отбывающих тюремное заключение, можно рассматривать как попытку сдерживания социальных расстройств. В России в настоящее время данных процессов не наблюдается и, следовательно, отсутствуют предпосылки для зависимости от них уголовно-исполнительной системы.

Обнаруживается рефрен концепции «ничего не работает» («nothing works»), а именно вновь приобретает популярность научная позиция об отрицании эффективности и реинтеграционной несостоятельности многих мер обращения с осужденными. В этом как раз и видится противоречие, оксюморон. Но, наверное, эксплуатация идеи «ничего не работает», кстати как и обращение по спирали к политике нулевой терпимости носит конъюнктурный характер. К таким идеям обращаются, когда надо завуалировать действительные уголовно-исполнительные процессы, т.е. следовать по пути конъюнктурного противоречия между пенитенциарной политикой и действительным состоянием правопорядка в стране.

В настоящее время создаются предпосылки для реализации несколько пересмотренной стратегии «сокращения вреда» («Harm reduction»), а именно на смену активному применению альтернативных мер наказания и правоприменительному ограничению наказания в виде тюремного заключения приходит избирательный подход в регламентации как санкций, связанных с изоляцией осужденного от общества, так и продолжительности содержания в исправительном учреждении (как правило, в сторону увеличения сроков тюремного заключения в отношении отдельных категорий преступников). Эскалация реинтеграционных задач наказания также демонстрирует неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем и определенную реанимацию пенального ретрибутивизма.

Процесс коммодификации карцеральных институтов обостряет желание по созданию исправительных учреждений с элементами государственно-частного партнерства. В условиях российских рыночных отношений и уголовно-исполнительной идеологии, ориентированной на оптимизацию работы с наиболее запущенным криминальным элементом, уголовно-исполнительная система не готова к эффективному государственно-частному сотрудничеству. И здесь видится также постепенная реанимация пенального ретрибутивизма.

Неолиберальное развитие пенитенциарных систем зависит не столько от практических потребностей обеспечения безопасности государства, сколько от возможностей экономического и идеологического обеспечения такой политики, сочетает в себе элементы как «выгодного» противоречия, так и реанимации пенального ретрибутивизма.

А.П. Титаренко

АКТ ОБ АМНИСТИИ КАК ОСНОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Согласно ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации¹ (УИК РФ), которая не подвергалась изменениям с момента принятия данного нормативного акта, одним из оснований исполнения наказаний является акт об амнистии. Учитывая правовую природу амнистии, следует предположить, что рассматривать ее как основание исполнения наказания исходя из ч. 2 ст. 84 Уголовного кодекса РФ² (УК РФ) возможно в двух случаях:

1) массового высвобождения осужденных от отбывания одного наказания с заменой на другой его вид;

2) сокращения неотбытой части наказания.

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. собр. Рос. Федерации 18 дек. 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. собр. Рос. Федерации 25 дек. 1996 г. // Российская газета. 1997. 16 января.

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. собр. Рос. Федерации 24 мая 2006 г. : одобр. Советом Федерации Федер. собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Российская газета. 1996. 13 июня.

Первый вариант невозможен в силу необходимости его применения с учетом индивидуальных качеств осужденного, в том числе его поведения в период отбывания наказания (ст. 80 УК РФ) и нового вида наказания, которое должно положительно влиять на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Замена может быть целесообразной, если будет учтено отношение осужденного к труду и учебе во время отбывания наказания (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (в ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания») и иные «технические» детали замены, касающиеся соблюдения сроков и размера «нового» наказания.

Что касается второго случая, то при сокращении срока отбываемого наказания юридическая природа самого наказания не меняется. Изменяется только его размер в сторону уменьшения. В этом случае акт об амнистии выступает не в качестве основания исполнения наказания, предусмотренного ст. 172 УИК РФ, а в качестве основания досрочного его прекращения относительно размеров, установленного приговором суда срока.

С учетом вышеизложенного, на наш взгляд, акт амнистии в качестве основания исполнения наказания признавать достаточно некорректно. Подтверждением данной позиции являются все изданные Государственной Думой Федерального собрания РФ постановления «Об объявлении амнистии», ни одно из которых не предусматривает изменение юридической природы отбываемых осужденными наказаний.

Следовательно, из ст. 84 УК РФ следует исключить слова «либо назначенное им наказание может быть заменено более мягким видом наказания», а из перечня оснований исполнения наказания, предусмотренного ст. 7 УИК РФ, удалить словосочетание «акт об амнистии». Соответственно, ст. 4 УИК РФ («Нормативные правовые акты по вопросам исполнения наказаний») дополнить фразой, что актом об амнистии могут быть внесены изменения, касающиеся видов и сроков отбываемого наказания.

ТРУД ПРИ ОТБЫВАНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Принудительные работы, как известно, применяются как альтернатива лишению свободы. На первый взгляд, это наказание непосредственно связано с привлечением осужденных к труду. Некоторые авторы прямо на это указывают, определяя, что основное «карательное» воздействие данного вида наказания в отношении осужденного заключается в принудительном привлечении его к труду¹.

Однако следует сразу не согласиться с таким выводом. Карательная составляющая в данном случае содержится не в принудительном труде, а в ограничении права на свободный труд, права на получение полной суммы вознаграждения за такой труд.

При принудительных работах уклонение осужденного от работы, начиная с нарушения трудовой дисциплины и до прямого отказа от работы или оставления места работы, ведет к замене наказания в виде принудительных работ на реальное лишение свободы. Однако эти обстоятельства не служат основанием незачета этого времени в срок наказания. Вместе с тем отсутствие осужденного на работе менее суток, разовые нарушения трудовой дисциплины, а также «не самовольное» отсутствие его на работе не являются основанием для замены наказания, а также при этом и для незачета этого времени в срок наказания. Уже отсюда прямо следует, что осужденный при определенных условиях может не работать, а срок принудительных работ ему будет засчитываться.

Следует отметить и тот факт, что в некоторых научных работах предлагается рассматривать возможность самостоятельного трудоустройства осужденных к принудительным работам с разрешения администрации исправительного центра. Кроме того, предлагается квотирование рабочих мест для тех же осужденных на федеральном уровне².

¹ Дулепов В.В. Принудительные работы как вид уголовного наказания // Закон и Право. 2018. № 10. С. 96–99.

² Габараев А.Ш., Дулепов В.В. Актуальные проблемы реализации принудительных работ исправительными центрами уголовно-исполнительной системы // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. С. 95–98.

Однако при условии самостоятельного трудоустройства осужденных к принудительным работам наказание фактически приобретает содержание исправительных работ. Ведь на самом деле, если осужденный работает (или трудоустроился самостоятельно), а из его заработной платы производятся удержания, то это признаки исправительных работ. А при принудительных работах осужденному необходимо трудоустроиваться еще и для того, чтобы содержать исправительный центр, т.е. возмещать из собственных средств его расходы на оплату коммунально-бытовых услуг и содержание имущества. При этом срок принудительных работ в соответствии с законом засчитывается независимо от того, работает осужденный или нет. Зачем ему искать работу?

Говоря о квотировании рабочих мест, следует обратить внимание на то обстоятельство, что такое квотирование должно способствовать занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы. Какое отношение к государственной политике о квотировании рабочих мест могут иметь осужденные к принудительным работам, проблема трудоустройства которых заключается лишь в создании условий для содержания исправительных центров за счет заработанных осужденными средств?

Современные принудительные работы – это наказание, при котором труд является необязательным условием их отбывания. Их реализация связана не с какими-то исправительными целями, а с созданием условий для экономии денежных средств на содержание исправительных центров.

Т.А. Уварова

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Запрет определенных действий в отношении подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения избирается по судебному решению и заключается, как известно, в возложении на подозреваемого или обвиняемого определенных обязанностей и запретов. Уголовно-исполнительная инспекция участвует в ее исполнении в части

осуществления контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым обязанностей и запретов, исполнение которых сопровождается применением аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля¹.

Правовая основа исполнения этой меры пресечения уголовно-исполнительными инспекциями обоснована теми обстоятельствами, что Правила применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, используемых в целях осуществления контроля за соблюдением возложенных судом запретов при применении меры пресечения в виде запрета определенных действий, устанавливают применение этих электронных средств именно уголовно-исполнительными инспекциями². При этом УПК РФ³ отсылает к федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, а Положение об уголовно-исполнительных инспекциях⁴, определяя их учреждениями, исполняющими в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, а также меру пресечения в виде домашнего ареста, оставляет перечень их задач незакрытыми, относя к таким задачам и иные, возложенные в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Эта мера имеет смешанный характер, так как сочетает в себе признаки как психолого-принудительных, так и физически-принудительных мер пресечения. При этом в рассматриваемой мере пресечения предусмотрены запреты обвиняемому выходить в определен-

¹ См.: п. 1–5 ч. 6 ст. 105.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС Консультант Плюс. М. : АО Консультант плюс, 2019. Режим доступа: свободный.

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 (ред. от 15.11.2018) // СПС Консультант Плюс. М. : АО Консультант плюс, 2019. Режим доступа: свободный.

³ Ст. 105.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС Консультант Плюс. М. : АО Консультант плюс, 2019. Режим доступа: свободный.

⁴ Постановление Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 (ред. от 23.04.2012) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» // СПС Консультант Плюс. М. : АО Консультант плюс, 2019. Режим доступа: свободный.

ные периоды времени за пределы жилого помещения и находиться в определенных местах. Законодатель расценивает их как физическое принуждение, которое применяется на установленный судом срок и в его законодательных пределах. Физическое принуждение сопряжено с принудительным пребыванием обвиняемого, подозреваемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, невозможностью свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц, т.е. такого рода меры физически против воли и желания заинтересованных лиц непосредственно ограничивают право на свободу и личную неприкосновенность. Остальные запреты расцениваются как психическое принуждение и ограничивают свободу обвиняемого, подозреваемого психическим воздействием¹. Уголовно-исполнительные инспекции реализуют физически-принудительные составляющие рассматриваемой нами меры пресечения.

Р.З. Усеев

ОСНОВЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Вопросы правоприменительной деятельности в уголовно-исполнительной системе (УИС) являются актуальными и значимыми, но на сегодняшний день слабоизученными. В целом вопросы правоприменительной деятельности изучены и исследованы наукой теории государства и права, но в науке уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права эти вопросы получили изучение только в 70–80 гг. XX в.² ФСИН России, являясь федеральным орга-

¹ Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 9.

² Мелентьев М.П. Функции советского исправительно-трудового права : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1984. 59 с.; Пинчук В.И. Акты применения права в исправительно-трудовых учреждениях : учеб. пособие. Рязань : НИиРИО РВШ МВД СССР, 1977. 59 с.; Маркова М.Г., Пинчук В.И. Правосубъектность и правоприменительная деятельность исправительно-трудового учреждения // Правоведение. 1976. № 4. С. 122–127; Севрюгин А.А. Исправительно-трудовые правоотношения. Рязань : РВШ МВД СССР, 1988. 37 с.

ном исполнительной власти, в соответствии с законодательством РФ наделена в установленной сфере по осуществлению правоприменительных функций (деятельности).

В основе правоприменительной деятельности исправительных учреждений (ИУ) лежит реализация регулятивной и охранительной функции уголовно-исполнительного права, которые обеспечиваются оперативно-исполнительной деятельностью и охранительной (юрисдикционной) деятельностью места лишения свободы. Количество и тех и других с момента принятия УИК РФ увеличивается. Первый вид правоприменительной деятельности направлен на организацию исполнения предписаний правовых норм. При этом правоотношения создаются, изменяются, прекращаются (правомерное и неправомерное поведение осужденных, события и процессы в учреждении, действия и бездействия осужденных). Второй вид деятельности – охранительный, направлен на использование мер принуждения, невыгодных последствий и штрафных санкций в отношении осужденных, поведение которых является неправомерным¹.

Итогом и того и другого вида правоприменительной деятельности в ИУ является принятие акта применения права, который подтверждает юридический факт возникновения, видоизменения и прекращения регулятивных и охранительных уголовно-исполнительных правоотношений. Таким образом, право облачается в формализованный вид – документ, который принимается в целях исполнения требований уголовно-исполнительного законодательства РФ. Поэтому акт применения права по содержанию носит подзаконный характер.

По своей сущности акт применения права носит распорядительно-властный характер. Его реализация (выполнение и претворение в жизнь) является обязательной для осужденных и иных субъектов уголовно-исполнительных правоотношений. Сама же правоприменительная деятельность осуществляется исключительно с учетом требований законности и соответствующими средствами, которыми располагает администрация ИУ, а также иные подразделения и органы в структуре ФСИН России. Это могут быть весьма разнообразные средстваа-меры. К их числу можно отнести универсальные методы социального управления: убеждение (например, профилактические беседы с осужденными) и их принуждение с помощью импе-

¹ Севрюгин А.А. Указ. соч. С. 19, 20.

ративно-силовых компонентов (например, применение физической силы к осужденным и мер взысканий). К таким мерам следует относить стимулирование правопослушного поведения осужденных (их поощрение), а также совокупность мер оперативно-обеспечительного характера, прежде всего материально-финансового назначения (например, на перемещение осужденных из одного ИУ в другое государством выделяется необходимый размер денежных средств). Немаловажная роль в выполнении правоприменительных актов возлагается на людской ресурс (персонал учреждений и органов УИС, иных правоохранительных органов, а также общественность).

В.А. Уткин

НУЖЕН НОВЫЙ ЗАКОН ОБ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Принятый в сложное для страны время Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы (далее – Закон от 21 июля 1993 г.)» сыграл значительную роль в стабилизации уголовно-исполнительной системы (УИС) как важного звена правоохранительной системы государства. Он определил принципы и задачи УИС, очертил правовую основу ее деятельности, общие параметры организации УИС и управления ею, установил обязанности и права учреждений, исполняющих наказания, организационные основы привлечения осужденных к труду, общему и профессиональному образованию. В нем были отражены права и обязанности работников УИС. Непосредственное практическое значение имела и имеет Глава V Закона от 21 июля 1993 г. «Применение физической силы, специальных средств и оружия». Кроме того, были определены основные направления правовой и социальной защиты работников уголовно-исполнительной системы, а также субъекты контроля за деятельностью УИС.

В последующий период развитие уголовно-исполнительной системы и правовых основ уголовно-исполнительной деятельности определялось прежде всего принятием в 1996 г. и реализацией Уголовно-исполнительного кодекса РФ, поэтому внимание науки было

сосредоточено на разработке Кодекса и проблемах его применения. Тем не менее Закон от 21 июля 1993 г. не был «отставлен в сторону», и практика постоянно инициировала его изменения и дополнения. За годы его существования было принято 39 федеральных законов, вносящих изменения и дополнения в указанный Закон. Это, конечно, гораздо меньше, нежели количество федеральных законов, изменявших и дополнявших УИК РФ (их около ста). Однако следует учесть, что если в УИК на момент его принятия было 190 статей, то в Законе от 21 июля 1993 г. – всего 38.

Только четыре статьи упомянутого Закона не подвергались изменениям (ст. 1, 26, 32, 34). За этот период из него было устранено 8 статей, введено 11 новых статей. Таким образом, текущая законотворческая деятельность вокруг Закона от 21 июля 1993 г. протекала и протекает весьма активно.

На протяжении ряда лет попытки актуализировать проблему нового закона об УИС были обусловлены, прежде всего, стремлением к усилению социально-правовой защищенности работников УИС и развитию нормативно-правовых основ прохождения службы в УИС. Данные проблемы в значительной степени были решены принятием в июле 2018 г. Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации...». Это обстоятельство, а также принятие ранее Указа Президента РФ от 13 октября 2004 г., утвердившего «Положение о Федеральной службе исполнения наказаний», привели к тому, что в политико-правовом и научном аспектах Закон об УИС пока остается без должного внимания. Достаточно сказать, что он в плане его совершенствования не нашел отражения ни в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г., ни в различных версиях проектов новой концепции, которую предполагается принять на период до 2030 г.

Между тем в принятии нового закона об уголовно-исполнительной системе, отвечающего современным реалиям и вызовам, практика нуждается не в меньшей, а, возможно, в большей степени, чем в принятии нового уголовно-исполнительного кодекса. Хотя разработка проекта последнего в доктринальном плане уже ведется, следует иметь в виду, что темпы движения в этом направлении в конечном итоге задаются темпами реформирования Уголовного кодекса и конкретно – системы предусмотренных им наказаний. Путь этот, судя по всему, неблизкий.

В отличие от УИК новый Закон об уголовно-исполнительной системе может быть разработан «без оглядки» на уголовное законодательство и в значительно более короткие сроки. В конечном итоге он способен стать не только заметным этапом, но и важным средством реформирования УИС. Разумеется, методологической основой разработки данного закона должно быть по возможности более четкое разграничение предмета его регулирования и предмета собственно уголовно-исполнительного законодательства, что в итоге должно привести к «обмену» между УИК РФ и новым Законом об УИС отдельными правовыми нормами или даже институтами.

А.А. Храмов

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРОБЕЛОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИСПРАВИТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ УИС РОССИИ

Анализ юридической литературы и правоприменительной практики показывает, что преодоление пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве с помощью аналогии закона или права — явление исключительное в силу специфики его предмета, метода и структуры. В отличие от других отраслей права, в том числе и «криминального цикла», здесь чаще других и раньше других обнаруживают существование пробелов не суды, а иные правоприменители в лице должностных лиц учреждений и органов, исполняющих наказания, что обуславливает необходимость соблюдения ими условий и пределов использования аналогии.

В общей теории и науке уголовно-исполнительного права уже давно установлено, что аналогия не может применяться там, где ущемляется правовое положение человека и гражданина по сравнению с буквальным смыслом закона¹. Однако, как показывает прове-

¹ См.: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юридическая литература, 1974. С. 175; Уткин В.А. Пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве и пути их преодоления // Проблемы совершенствования пра-

денное нами исследование, данное правило не всегда соблюдается, что, в свою очередь, сказывается на реализации принципа законности и его нарушении при исполнении наказаний, в том числе и в виде лишения свободы.

Так, например, администрацией исправительных учреждений в некоторых территориальных органах при преодолении существующих реальных пробелов ограничивается право осужденных на телефонные звонки в тюрьмах строгого режима по аналогии со «строгими условиями», происходит увольнение осужденных с работы в колонии-поселения по непредусмотренным УИК РФ и ТК РФ случаям, привлечение к ответственности осужденных за хранение запрещенных предметов за пределами территории КП и рабочего места в нарушение требований уголовно-исполнительного законодательства.

Мониторинг правоприменительной практики показывает, что администрацией ИУ используется расширительное толкование закона и там, где вовсе нет пробела. Так, например, встречаются случаи распространения администрацией ВК меры взыскания в виде лишения права просмотра кинофильмов в течение одного месяца не только на кинофильм, но и на видео-, теле-, мультфильм и другие виды фильмов, администрацией ИУ осужденные признаются злостными нарушителями УПОН за употребление психоактивных веществ по аналогии с наркотическими. К сожалению, такой отрицательной практике способствует не только низкий уровень правосознания и отсутствие в большинстве случаев юридического образования правоприменителя, но и сама наука уголовно-исполнительного права.

Таким образом, в правоприменительной практике возникла ситуация необоснованного применения расширительного толкования норм уголовно-исполнительного законодательства, ухудшающего правовое положение осужденного, не только для преодоления существующих пробелов, но и других недостатков правового регулирования. В целях исключения подобной практики администрации ИУ необходимо применять аналогию закона и расширительное толкование только в тех случаях, если это не изменяет либо улучшает правовое положение человека и гражданина.

вовых и организационных основ деятельности органов, исполняющих наказания // Труды Академии МВД России. М., 1996. С. 23.

К ВОПРОСУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРАВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ БЕЗ КОНВОЯ ИЛИ СОПРОВОЖДЕНИЯ

Количество осужденных, находящихся в колониях-поселениях, и осужденных, которым предоставлено право передвижения без конвоя и проживания за пределами этих учреждений, за период с 2013 по 2019 г. (октябрь)¹ приведены в таблице.

Отчетный период, год	Среднесписочная численность осужденных в ИК	Среднесписочная численность осужденных в КП	Пользующихся правом передвижения без конвоя	Проживающих за пределами ИК
2013	529 219	39 358	1 092	36
2014	514 796	39 496	916	42
2015	494 863	32 542	681	21
2016	491 756	33 159	645	21
2017	466 103	35 160	575	13
2018	446 003	33 000	557	13
2019	438 631	32 649	1 200	110

Можно сделать вывод о значительном увеличении в 2019 г. числа осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения (БП) – 1 200 человек, и проживающих за пределами исправительной колонии (ИК) – 110 человек по сравнению со средним показателем 2013–2018 гг. в 744 и 24 человека соответственно, и все это с учетом сокращения общего количества осужденных, содержащихся в исправительных колониях, что непременно сказывается на качественном показателе, содержащимся в ИК.

Данная тенденция, безусловно, связана с развитием уголовно-исполнительной системы в целом и укреплением прогрессивной системы наказаний². С одной стороны, данное право можно отнести к

¹ (СБ-1) Отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) учреждений территориальных органов ФСИН России за 2013–2019 гг. (октябрь).

² См. Уткин В.А. Ресоциализация и прогрессивная система // Новый юридический журнал. 2012. № 3. С. 53–60.

поощрительному институту, так как его применение связано с облегчением условий отбывания наказания осужденных. С другой стороны, в ст. 96 УИК РФ указано: «если это необходимо по характеру выполняемой работы», как одно из оснований предоставления права передвижения без конвоя или сопровождения. Тем самым, можно оценить данный институт не как поощрительную меру или стимулирующую законопослушное поведение среди осужденных, а как вынужденную необходимость предоставлять данное право осужденным с целью выполнения хозяйственных работ, т.е. производственную необходимость.

Отдельного внимания также заслуживает временной критерий, указанный в ст.96 УИК, который устанавливает единый для всех учреждений срок нахождения осужденного, для возможности предоставления ему БП, который составляет 6 месяцев. На наш взгляд, этого времени недостаточно для объективной и всесторонней оценки поведения осужденного, за это время происходит адаптация, принятие норм и правил, которые существуют в конкретном учреждении, в том числе и спецконтингента. В связи с этим целесообразно увеличение данного срока до 12 месяцев.

С помощью данного института на наш взгляд можно эффективно готовить осужденных к освобождению, производить их ресоциализацию и давать наиболее объективную оценку их готовности к условно-досрочному освобождению. При правильном подходе администрации учреждения и грамотной работе ее психологов возможно наблюдать позитивные изменения в личности осужденных находящихся на БП¹.

¹ См. Михайлов А.Н. К вопросу о трансформации личности осужденных молодежного возраста при реализации ими права передвижения без конвоя за пределами ИУ (на примере колонии строгого режима) // Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний: преступление, наказание, исправление. 2011. № 13.

**ПРАВИЛА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ
ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ –
ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРИМЕНЯЕМОГО ИНСТИТУТА**

Условно-досрочное освобождение (УДО) требует совершенствования правовой регламентации, а также организации последующей социальной адаптации освобожденных лиц. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы (УИС) РФ до 2020 г.¹ переходу от карательной системы исполнения наказаний к ресоциализации осужденных как основному направлению повышения эффективности деятельности ФСИН РФ было уделено пристальное внимание. Принятие решений об УДО основываются на определении законодателем важнейших критериев данного вида досрочного освобождения, которые, в свою очередь, подразделяются на формальные и эмпирические, причем последние лежат в основе изменения и уточнения первых исходя из анализа судебной практики и правовой позиции Верховного и Конституционного судов РФ. Эффективность института УДО отражает гуманизм и социально-политическую целесообразность, которая основывается не только на соблюдении прав лиц, лишенных свободы, но и на мерах, обеспечивающих защиту общества от преступников, а также комплексе мер, направленных на ресоциализацию осужденных к лишению свободы.

Формальные (общие) критерии исправления осужденного определены в ст. 79 УК РФ. Содержание критериев отражено также в Постановлениях Пленумов Верховного суда РФ от 17.11.2015 г. № 51 и от 20.12. 2011 г. № 21. К эмпирическим можно отнести критерий, предложенный профессором В.И. Селиверстовым. Это «степень сохранения и (или) восстановления социально полезных связей осужденного»². Признаки этого критерия указываются, как правило,

¹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.: утв. Распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

² Селиверстов В.И. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2015. № 3. С. 129–130.

в заключении администрации исправительного учреждения о целесообразности (нецелесообразности) применения УДО. Надо отметить, что заключение администрации ИУ имеет для суда лишь рекомендательный характер. Ранее неоднократно указывалось, что реформа механизма УДО не должна мешать осужденным освободиться по данным критериям, но призвана поставить эту меру в прямую зависимость от объективной оценки степени исправления осужденного. Но анализ статистических данных за 2018 г. показывает, что более половины (634 027) преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Их удельный вес составляет 58,3% от всех предварительно расследованных преступлений. Доля осужденных, освобожденных условно-досрочно, составила более 60%¹. Совсем недавно, как отмечал В.И. Селиверстов, «удовлетворение ходатайств осужденных об УДО доходило до 85%». Отметим тот факт, что 27,7% из числа пожизненно лишенных свободы имеют по две судимости, 12,8% – по три, 6,5% – по четыре, 2,9% – по пять. Почти 50% «пожизненников» ранее были судимы и вновь встали на преступный путь, совершив более опасное деяние. 18,7% лиц данной категории ранее освобождались условно-досрочно, к 5,9% применялась амнистия. Почти к четверти из них (свыше 25%) уже применялись так называемые «акты милосердия со стороны государства, однако они не восприняли их правильно»².

В данной ситуации хотелось бы обратить внимание на Указ Президента Российской Федерации № 1500 от 28.12.2001 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации»³. В пункте 2 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации названы критерии в отношении осужденных, к которым помилование не применяется. Вот некоторые из них: ранее освобождавшиеся от отбывания нака-

¹ Шелестюков В.Н. Перспективы условно-досрочного освобождения: анализ судебной практики // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XIX всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Г. Чириков. 2019. С. 79–82.

² Федеральная служба исполнения наказаний РФ: [сайт]. URL: fsin.rf

³ Указ Президента Российской Федерации «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» от 28 декабря 2001 г. № 1500 // ГАРАНТ: информационно-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/12125251/>

зания условно-досрочно; ранее производилась замена назначенного судами наказания более мягким наказанием; ранее освобождавшиеся от отбывания наказания по амнистии.

Таким образом, исходя из определения формальных и эмпирических критериев, можно сделать следующие выводы: 1) законодательно закрепить, что осужденный теряет возможность вновь освободиться условно-досрочно как лицо, не оправдавшее оказанное ему со стороны государства и общества доверие; 2) если у осужденного не сохранились социально полезные связи, осужденный должен оставаться в УИС (ИУ, УИИ) до их восстановления либо до конца срока отбытия наказания.

И.С. Будкина

ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОСНОВА ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Насильственные преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних, обусловлены множеством субъективных и объективных факторов. К числу субъективных факторов относится «виктимное поведение» потерпевшего, представляющее собой многоплановое явление, диалектически связанное с категорией «безопасность».

Антиподом реализации безопасной линии поведения является демонстрация потерпевшим в предкриминальной ситуации «виктимного поведения», обусловившего его виктимизацию. По нашему мнению, виктимное поведение по наличию признака отклонения от социальной нормы, а именно нормы безопасности, можно рассматривать как разновидность девиантного поведения.

Согласно данным исследования, в ходе которого было изучено 310 уголовных дел об убийствах и причинении вреда здоровью различной степени тяжести, в значительной доле случаев (40,1%) несовершеннолетние потерпевшие демонстрировали виктимно отклоняющееся поведение. В его рамках были выделены такие разновидности

сти, как позитивно отклоняющееся, противоправное, аморальное и рискованное.

В связи со сказанным отправной точкой для предупреждения виктимизации несовершеннолетних от насильственных преступлений является определение виктимологического образца их поведения. По нашему мнению, основанные на виктимологическом идеале правила поведения являются фундаментом виктимологического противодействия преступности. Их трансляция в адрес потенциальных жертв – есть суть информационно-просветительской деятельности субъектов противодействия, а следование им со стороны самих несовершеннолетних является содержанием деятельности по самопредупреждению.

Таким образом, виктимологическая безопасность несовершеннолетних, в том числе по поводу вероятности совершения в отношении них насильственных преступлений, обеспечивается посредством установлений, которые можно обозначить как правила безопасности.

В этом аспекте можно согласиться с Н.В. Щедриным, по мнению которого, правила безопасности – это «части социальных, в том числе правовых норм, содержащих специальные обязанности и запреты, которые необходимо соблюдать, чтобы свести к минимуму вред от определенного источника опасности и (или) предотвратить причинение вреда объекту охраны любым источником опасности»¹.

Установление правил, а в целом и норм безопасности в отношении несовершеннолетних является основой виктимологического противодействия преступлений, в том числе насильственных. Главные приоритеты этой деятельности должны быть «смещены с субъекта нападения на объекты защиты от угроз такого нападения и реальных преступных действий»².

Таким образом, норма безопасности – это разновидность социальной нормы, отклонение от которой проявляется в виктимном поведении. Правило безопасности – это составная часть нормы безопасности, ее диспозиция, содержащая предписание, суть которого

¹ Щедрин Н.В. Категории антикриминальной безопасности // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года). М. : Юрлитинформ, 2013. С. 252.

² Бабаев М.Н., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2014. С. 133.

заключается в описании безопасной линии поведения. Следование правилам безопасности способно скорректировать поведение несовершеннолетних и, как следствие, сократить риск их виктимизации от насильственных преступлений.

С.И. Гутник

О НЕКОТОРЫХ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В ОТНОШЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

В последнее время преступные посягательства в отношении персональных данных регистрируются всё чаще, что не может не вызывать беспокойство, поскольку ставит под угрозу процессы цифровизации российского общества. Поэтому возникает серьёзная потребность в исследовании вопросов, связанных с предупреждением подобного рода преступлений, а особенно с позиций виктимологической профилактики.

Следует отметить, что вопросы, связанные с криминологической характеристикой потерпевших от преступных посягательств в отношении персональных данных, в литературе практически не исследовались. Лишь отдельные работы были посвящены виктимологическим аспектам некоторых видов преступлений, совершённых в сети интернете¹.

Между тем преступные посягательства в отношении персональных данных обладают специфическими виктимологическими особенностями, которые следует учитывать при прогнозировании совершения данных преступлений, а также для их предупреждения.

Первой особенностью преступных посягательств в отношении персональных данных, которая обуславливает виктимологическую

¹ См., например: Пыжиков М.А. Роль виктимного поведения потерпевших в механизме совершения развратных действий с использованием сети интернет // Аграрное и земельное право. 2019. № 6 (174). С. 148–151; Топорикова О.О. Виктимологическая характеристика личности несовершеннолетнего, потерпевшего от посягательств на нормальное нравственное и физическое развитие, совершённых с использованием сети интернет // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2013. № 6. С. 70–76.

опасность данного вида преступлений, является их экстерриториальность. Лицо, совершающее преступление, не связано какой-либо территорией, следовательно, у потерпевшего нет возможности даже посредством привлечения правоохранительных органов оперативно установить злоумышленника. Потерпевший, таким образом, теряет заинтересованность в привлечении виновного лица к уголовной ответственности, что порождает латентность данного вида преступлений.

Следующая особенность связана с тем, что в подавляющем большинстве случаев потерпевший, к сожалению, не может наблюдать процесс совершения преступления, а узнаёт о нём только тогда, когда уже наступили преступные последствия – нарушены право на неприкосновенность частной жизни, тайна переписки, причинён ущерб имуществу потерпевшего и т.д. В дальнейшем это также может явиться фактором, затрудняющим привлечение виновного лица к ответственности.

Третьим виктимологическим аспектом преступлений в отношении персональных данных является их анонимность. Поскольку большинство данных деяний совершается посредством интернета, то потерпевший, как и само виновное лицо, могут друг друга вовсе не знать. При этом злоумышленник попутно может ознакомиться не только с персональными данными потерпевшего и использовать их в личных корыстных целях, но и нарушить неприкосновенность личной или семейной тайны.

Четвёртым аспектом, характеризующим потерпевших от рассматриваемых преступных посягательств, является их виктимное поведение, которое проявляется в легкомысленном отношении потерпевших к своей личной информации, а именно к её сохранности. Это может быть также обусловлено технической неграмотностью или неосознанием опасности преступных посягательств.

Представляется, что при планировании предупредительной работы в отношении рассматриваемых преступных посягательств указанные особенности необходимо учитывать в обязательном порядке.

Д.В. Карелин

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗИЦИИ УЧЕТА СТАТИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ

Совершенствование системы предупреждения преступности несовершеннолетних в России предполагает учет положительного опыта зарубежных стран. Полагаем, что прежде чем оценивать на предмет возможности заимствовать что-то положительное, в том числе конкретные меры по предупреждению преступности несовершеннолетних, сначала необходимо проанализировать информацию о результатах деятельности субъектов предупреждения и статистические данные о преступности несовершеннолетних. При этом наибольшую криминологическую ценность представляют сведения о фактическом рецидиве несовершеннолетних, так как они позволяют судить об эффективности примененных к ним мер воздействия и деятельности системы уголовной юстиции в целом.

В Великобритании до сих пор нет единой статистики преступности. Наиболее полно статистические данные представлены о преступности в Англии и Уэльсе, которые в отличие от Шотландии и Северной Ирландии имеют единую юрисдикцию.

Данные о преступности и правосудии в Великобритании относятся к национальной статистике. Статус «национальной» статистики означает, что официальная статистика соответствует самым высоким стандартам надежности, качества и общественной ценности. Вся официальная статистика должна соответствовать всем аспектам Кодекса практики официальной статистики. В связи с тем что доверие к данным статистики о преступности было подорвано путаницей и злоупотреблениями, в 2010 г. в Великобритании были приняты Стандарты для снижения барьеров доверия к статистике о преступности. Ответственность за их соблюдение возложена на Минюст Великобритании. Стандарты призваны минимизировать любое политическое вмешательство в статистику и обеспечить общественности возможность принятия обоснованных решений о рисках от преступности и о том, насколько эффективно правительство, полиция и их партнеры борются с преступностью. Единство и достоверность статистики обеспечиваются национальным стандартом регистрации

преступлений (NCRS, the National Crime Recording Standard) и Правилами подсчета зарегистрированных преступлений Министерства внутренних дел (HOCR). Данные об уровне и тенденциях преступности в Англии и Уэльсе главным образом представлены в виде бюллетеней «Обследование преступности в Англии и Уэльсе (CSEW)» и «Данные о преступности, зарегистрированные полицией».

Система учета преступности несовершеннолетних в Англии и Уэльсе (Youth Justice System (YJS)) отличается от системы статистического учета преступности взрослых и структурирована для решения потребности детей и молодежи. Ее задачами является предотвращение нарушения прав и предупреждение повторного совершения преступлений детьми и молодыми людьми в возрасте до 18 лет.

Сведения о преступности несовершеннолетних содержатся в бюллетенях («Youth Justice Statistics» bulletin)¹ представленных в виде ежегодного отчета за финансовый год (с апреля по март) и ежемесячных отчетов о взятых под стражу детях и молодежи (monthly Youth Custody Report)² в виде табличных данных. Наиболее полные и детальные данные содержатся в «Руководстве по статистике юстиции в отношении детей и молодежи» (в возрасте 10–17 лет) (A Guide to Youth Justice Statistics)³. Описанные данные поступают из различных источников, включая Министерство внутренних дел (HO), Службу содержания под стражей молодежи (YCS), Министерство юстиции (MOJ), Команды по защите прав несовершеннолетних (YOTs).

М.Т. Кузугет

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

По статистике последних лет, в России количество взрослой преступности растет⁴, количество подростковой преступности падает, а

¹ URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/774866/youth_justice_statistics_bulletin_2017_2018.pdf

² URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/youth-custody-data>

³ URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/guide-to-youth-justice-statistics>

⁴ Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. М. : Юрайт, 2018 277 с. URL: <https://doc-viewer.yandex.ru/view/33406871> (дата обращения: 06.04.2019).

в Республике Тыва, наоборот, количество взрослой преступности падает, а количество преступности несовершеннолетних растет. Рост преступности среди несовершеннолетних отмечен в муниципальных образованиях республики¹.

В основном совершаются преступления имущественной направленности, а также незаконного ношения и хранения наркотических веществ. Анализ статистических данных показывает, что основную массу лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, составляют учащиеся и студенты образовательных учреждений.

Процесс криминологического моделирования преступности несовершеннолетних в Республике Тыва проводился в следующей последовательности²: формулировка цели моделирования; установление элементов системы моделирования; построение схемы взаимодействия элементов; выбор параметров и определение зависимостей; решение поставленных задач; анализ результатов решения, оценка адекватности модели; корректировка и уточнение модели.

1. Цель моделирования – построение моделей, описывающих с возможно более полной информативностью динамику преступности во времени.

2. Установление элементов моделирования:

а) влияние негативных факторов;
б) изучение личности преступника несовершеннолетнего;
в) учет эффективных действий субъекта профилактики преступности (например, тактика предупреждения преступности, методика предотвращения и пресечения преступности и др.).

3. Построение схемы взаимодействующих элементов выявленных закономерностей (например, негативное влияние раннее судимых лиц, негативное влияние бедности региона, негативное влияние наличие дикорастущей конопли и др.).

¹ Доклад Министра внутренних дел по Республике Тыва на заседании Верховного Хурала Республики Тыва. URL: 17.mvd.pf/slujba/Otcheti_dolznostnih_lis... доклад...п. (дата обращения: 06.05.2019).

² В такой же последовательности рассмотрены стадии моделирования. Сачек А.Г. Криминологическое моделирование: понятие и значение для обеспечения экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. С. 196–199.

4. Выбор параметров и определение зависимостей (например, экономические, социальные, культурные, медицинские аспекты, воспитание и др.).

5. Решение поставленных задач (например, в уголовно-правовом плане, в уголовно-процессуальном плане, применение положений Кодекса чести мужчин и свода заповедей матерей Тувы в период профилактики).

6. Анализ и оценка результатов принимаемых решений,

7. Оценка адекватности модели (эффективных мер в борьбе с преступностью для дальнейшего совершенствования, анализ неэффективных мер в борьбе с преступностью для устранения отмеченных недостатков, анализ выполнения профилактики правонарушений и др.).

8. Корректировка и уточнение модели преступности несовершеннолетних с учетом региональной особенности преступности несовершеннолетних.

Таким образом, считаем, что вышеизложенная последовательность криминологического моделирования облегчает изучение проблем преступности несовершеннолетних, в частности в Республике Тыва.

Е.А. Писаревская

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ»

В уголовно-правовой науке существуют многочисленные классификации видов рецидива. По нашему мнению, особое значение имеет «классическое» подразделение рецидива на четыре вида. Согласно этому делению первый вид рецидива – это уголовно-правовой, но данное определение в чистом виде использовать применительно к несовершеннолетним затруднительно, так как уголовный закон не позволяет нам говорить о «рецидиве преступлений несовершеннолетних»¹. В криминологический рецидив включаются все преступления, совершенные лицом, ранее совершавшим пре-

¹ Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и её предупреждение. Томск, 2009. С. 30–31.

ступление, при условии, если прежние преступления становились известными правоохранительным органам, и данные органы отреагировали на них в процессуальном порядке¹. И это определение рецидива вполне применимо к несовершеннолетним. Под пенитенциарным рецидивом в науке принято понимать совершение нового преступления лицом во время отбывания наказания. При этом, очень часто говоря о пенитенциарном рецидиве, криминологи связывают его с таким наказанием, как лишение свободы². Кроме того, принято выделять постпенитенциарный рецидив. Так, В.В. Городнянская утверждает, что постпенитенциарный рецидив – это разновидность криминологического рецидива. О совершении лицом, освобожденным из исправительного учреждения, в течение срока судимости всякого нового преступления, независимо от формы его вины³. Отметим также, что некоторые авторы выделяют всего два вида рецидива: легальный и фактический, подразделяя последний на несколько видов. Так, Н.М. Гуськов выделяет четыре вида фактического рецидива, к которому он относит: пенитенциарный рецидив; рецидив лиц, совершивших повторные преступления, за которые они ранее к ответственности не привлекались; «реабилитированный рецидив»; рецидив лиц, к которым за совершенные преступления применялись меры общественного или иного воздействия⁴. Однако данная точка зрения представляется небесспорной. Так, например, могут возникнуть трудности учета рецидива лиц, которые ранее не привлекались к ответственности, с учетом отсутствия мер процессуального реагирования на данные преступления.

Проанализировав имеющиеся в науке точки зрения, полагаем, что под рецидивом несовершеннолетних следует понимать криминологический (фактический) рецидив, заключающийся в совершении нового умышленного или неосторожного преступления лицом в

¹ Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 33.

³ Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. В.А. Уткина. М., 2012. С. 145.

⁴ Давыденко В.М. Рецидив преступлений условно осужденных несовершеннолетних: понятие и основные характеристики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 3 (Консультант Плюс: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Режим доступа: Компьютер, сеть НФИ КемГУ, свободный).

возрасте от 14 до 18 лет: осужденным к различным видам уголовного наказания; освобожденным от уголовной ответственности или наказания по реабилитирующим основаниям; в отношении которого осуществляется расследование уголовного дела или проводится судебное разбирательство в связи с совершением им преступления; имеющим судимости, как снятые и погашенные, так и неснятые и непогашенные. Исходя из представленного определения и фундаментального определения понятия «преступность», считаем возможным определить *рецидивную преступность несовершеннолетних* как социально-правовое, негативное, относительно массовое явление, слагающееся из совокупности преступлений, совершенных лицами в возрасте 14–17 лет в тот или иной промежуток времени на определенной территории, в действиях которых имеется *криминологический (фактический)* рецидив.

Р.А. Семенюк

«ПЬЯНАЯ» ПРЕСТУПНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА

Анализ преступлений, совершенных в состоянии алкогольного, наркотического либо токсического опьянения (далее – «пьяные» преступления), за последние десять лет (2010–2019 гг. включительно) показал, что до 2016 г. они стабильно росли, а с 2017 г. по настоящее время имеют тенденцию ежегодно снижаться. При этом количество и уровень данных преступлений возрастали тогда, когда количество преступлений в целом снижалось, и наоборот, снижались, когда общее число преступлений росло. Например, по данным состояния преступности 2019 г., общее число преступлений увеличилось на 1,6%, а количество преступлений, совершенных в состоянии опьянения, снизилось на 8,9%¹.

Однако по-прежнему каждое третье преступление в России совершается в состоянии опьянения, а в отдельных регионах – каждое

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года // Главный информационно-аналитический центр МВД России. М., 2020. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19333347/> (дата обращения: 28.01.2020).

второе, например, в Чукотском АО или в Республике Саха (Якутия). В связи с динамикой «пьяных» преступлений менялись их количество и удельный вес в структуре преступности в целом. Так, на территории России в 2010 г. было зарегистрировано 252 111 исследуемых нами преступлений, их доля составила 17,6%. В 2011 г. – 282 185 (21,5%); 2012 г. – 340 547 (27,2%); 2013 г. – 369 372 (29,8%); 2014 г. – 386 426 (32,7%); 2015 г. – 434 236 (34,8%); 2016 г. – 468 391 (39,4%); 2017 г. – 401 876 (35,9%); 2018 г. – 366 175 (33,6%). По результатам 2019 г. количество преступлений, совершенных в состоянии опьянения, снизилось до 333 517, их удельный вес составил 31,6%.

В период 2014–2017 гг. в среднем регистрировалось 410 тыс. преступлений в год. В 2018–2019 гг. ежегодно регистрируется 350 тыс. «пьяных» преступлений, которые можно разделить на две группы: 1) преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения; 2) преступления, совершаемые в состоянии наркотического либо токсического опьянения. Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в структуре «пьяной» преступности по данным 2019 г. составил 97%. Соответственно, 3% – это преступления, совершенные в состоянии наркотического либо токсического опьянения.

Само по себе состояние опьянения, с одной стороны, ослабляя самоконтроль личности, способствует ее противоправному поведению, а с другой – повышает уровень виктимности личности, так как в отношении пьяного человека легче совершить преступление, при этом снижается его способность к эффективной защите. Алгоритм совершения «пьяных» бытовых преступлений одинаков: 1) состояние опьянения – 2) конфликт (ссора) – 3) преступление.

Выборочное изучение материалов уголовных дел о преступлениях, совершенных в состоянии опьянения, за период 2010–2019 гг. показало, что в 70% случаях и более в состоянии опьянения совершаются убийства; умышленные причинения тяжкого вреда здоровью; угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; изнасилования, насильственные действия сексуального характера. В половине случаев в состоянии опьянения совершаются побои, грабежи, разбои, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, хулиганство и ванда-

лизм. Реже в состоянии опьянения совершаются кражи, вымогательство, мошенничество.

Таким образом, чаще всего в состоянии опьянения совершаются индексные составы преступлений против жизни и здоровья, грабежи и разбои, хулиганство, вандализм, а также насилие в отношении представителя власти. В последние годы «пьяная» преступность имеет тенденцию к снижению, которое прогнозируется и в следующем году.

М.А. Сутурин

МЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДУПРЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Как отмечают специалисты, право как таковое вызвано к жизни соображениями безопасности: человека, племени, народа, сообщества. По мнению Н.В. Щедрина, весь арсенал средств правового регулирования можно разделить на четыре группы: меры восстановления (компенсации); меры поощрения (награды); меры безопасности (защиты); меры юридической ответственности (наказания). При этом все меры воздействия между собой тесно взаимосвязаны.

Мы акцентируем внимание на двух аспектах. Во-первых, по нашему мнению, главной задачей уголовного закона является обеспечение безопасности (охраны) человека. При этом человека, не только в силу сложившихся негативных (иногда трагических) обстоятельств ставшего жертвой преступного посягательства, но и человека, который, опять же, в силу сложившихся негативных обстоятельств стал носителем преступного поведения. Говоря о втором, мы подразумеваем несовершеннолетнего. Ведь подавляющее большинство несовершеннолетних, совершающих преступления, в первую очередь, являются жертвами. Жертвами в более широком ее понимании (негативное окружение, асоциальные условия формирования и т.д.). К такому умозаключению нас приводят как собственные результаты, так и многочисленные исследования, посвященные изучению личности несовершеннолетнего девианта (в том числе, преступника), проводимые специалистами в области криминологии, психологии, педагогики.

Во-вторых, не погружаясь глубоко в анализ природы мер общественной безопасности (защиты), их видов, практики их реализации в зарубежном правоприменении, мы позволим себе лишь некоторые умозаключения. Анализ законодательного оформления и правоприменительной практики в деятельности по предупреждению преступности несовершеннолетних за последние десятилетия демонстрирует тенденцию «наказательной» концепции. А при несоблюдении определенных условий, как отмечал Н.В. Щедрин, сам карательный концепт может выступить и, как показывает практика (и в аспекте всей преступности, и в аспекте преступности несовершеннолетних), выступает источником опасности. Опасности повторной, рецидивной преступности. Опасности, связанной с культивированием преступного образа жизни и т.д. Как показывает практика, применение именно уголовного наказания в отношении несовершеннолетних нередко просто бессильно (с точки зрения достижения формально закрепленных целей уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ)). Более того, нередко его применение просто невозможно (например, практика назначения наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью или штрафа). Но при этом именно привлечение к уголовной ответственности с назначением наказания влечет за собой не только негативные последствия для несовершеннолетнего «здесь и сейчас», но и «продолжает» свое негативное воздействие на его дальнейшую жизнь. Например, судимость и все связанные с ней правовые и неправовые последствия. И мы, «качественно» реализуя ныне существующие уголовно-правовые инструменты в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление, обеспечиваем ли его дальнейшую безопасность в целях его ресоциализации? Вопрос, на наш взгляд, риторический.

В связи с вышесказанным вопрос о мерах безопасности в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, как инструменте предупреждения преступности несовершеннолетних, требует более тщательной проработки, поскольку игнорирование вышеобозначенных проблем ставит под угрозу не только безопасность самого несовершеннолетнего, совершившего преступление, но и безопасность племени, народа, сообщества.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Проблема рецидивной преступности в России и для Алтайского края всегда была актуальна и постоянно являлась предметом повышенного внимания как со стороны органов внутренних дел, так и со стороны органов власти.

Вместе с тем глубокое изучение на протяжении многих лет статистических показателей свидетельствует о крайне напряженной и постоянно ухудшающейся ситуации, касающейся состояния данного вида преступности¹. В Алтайском крае доля преступлений, совершенных лицами, ранее уже нарушавшими уголовный закон, по итогам 2019 г., достигла 70,4%.

Укажем объективные проблемы по данным аналитических материалов ГУ МВД России по Алтайскому краю, мешающие эффективной профилактике преступного рецидива.

1. Безработица, отсутствие жилья, эффективной системы ресоциализации, социальной адаптации ранее судимых лиц.

Так, на 1 января 2020 г. в крае из всех состоящих на контроле в службе участковых уполномоченных полиции (УУП) ранее судимых лиц только 29,2% имели постоянное место работы. Руководители предприятий не хотят иметь в своем штате работников с криминальным прошлым. Поэтому из направленных УУП в 2019 г. в службы занятости 1 768 ранее судимых лиц были трудоустроены только 78 человек.

Обеспечены собственным жильем только 46,8% ранее судимых лиц, проживают у родственников 30,2%. Остальные снимают жилье, а то и вовсе являются лицами без определенного места жительства.

2. Распространенность алкоголизма особенно усугубляет проблемы рецидивной преступности, а также ее рост. В 2019 г. 9 873 пре-

¹ Агибалов Г.П., Карелин Д.В., Ольховик Н.В., Прозументов Л.М., Рощина И.В., Сырякин В.И., Уткин В.А., Щербинин А.И. Региональные проблемы общественной безопасности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 82.

ступления в крае, или 42%, были совершены в состоянии алкогольного опьянения.

3. Недостатки в работе правоохранительных органов, обусловленные постоянными сокращениями и некомплектом службы УУП. Так, только за прошлый 2019 г. количество участковых в крае по штату снизилось на 29 единиц, с 1 154 до 1 125 человек, при этом некомплект все равно возрос с 90,2 до 90,3%. Данную проблему усугубляют личная недисциплинированность отдельных сотрудников территориальных органов внутренних дел края, их недостаточная правовая грамотность. В 2019 г. к дисциплинарной ответственности было привлечено 580 сотрудников службы УУП, а 8 человек привлечены к уголовной ответственности. По отрицательным мотивам были уволены 15 человек.

4. Проблемы деятельности пенитенциарной системы во многом связаны с повальным отсутствием трудовой занятости осужденных, без которой говорить об их исправлении и последующей ресоциализации не приходится.

5. Безусловно, на эффективность предупреждения рецидивной преступности влияют недостатки в законодательном закреплении норм, направленных на предупреждение рецидива.

С учетом сказанного, при имеющихся статистических показателях преступного рецидива, необходимо принимать специальные нормативные акты как на федеральном, так и на региональном уровнях, которые бы обеспечили комплексную, системную профилактическую работу по снижению рецидивной преступности в целом в стране и в отдельном регионе.

О.В. Филиппова

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В литературе к числу детерминант рецидивной преступности относят различные явления и процессы, совместное действие которых порождает рецидив. При изучении причин данного феномена авторы используют разнообразные подходы. Так, выделяют объективные и субъективные факторы рецидивной преступности, первичные и вторичные, общие и специальные.

На наш взгляд, при изучении детерминант рецидивной преступности целесообразно использовать уровневый подход, при котором причины и условия преступности исследуются на трех уровнях: общесоциальном, социально-психологическом и индивидуальном. Данный подход к воспроизводству преступности позволяет увязать конкретные социальные феномены с общесоциальной проблематикой¹.

Общесоциальные детерминанты рецидивной преступности – это явления и процессы, которые действуют на уровне общества в целом и выражаются в противоречиях социального бытия и общественного сознания. Исследование общесоциальных детерминант рецидивной преступности предполагает изучение состояния экономических, политических и других отношений и их влияния на развитие рецидивной преступности.

Социально-психологические причины рецидивной преступности действуют на уровне микросреды рецидивистов, способствующей развитию криминогенной личности и мотивации при отсутствии необходимого профилактического воздействия. Индивидуальные причины и условия рецидивного преступления – это антиобщественные свойства лица, совершившего преступление после осуждения за предыдущее, и криминогенная ситуация, которые во взаимодействии обуславливают возвращение лица к преступной деятельности.

В условиях рыночных отношений, жесткой конкуренции на рынке труда хозяйствующие субъекты не заинтересованы в использовании труда осужденных, поэтому значительное число осужденных к исправительным и обязательным работам, а также условно осужденных в период нахождения на учете уголовно-исполнительной инспекции не работают. Ввиду отсутствия необходимых объемов работ, значительного износа оборудования на предприятиях промышленного сектора уголовно-исполнительной системы высокая доля безработных сохраняется и среди осужденных в местах лишения свободы (свыше 30%).

На общесоциальном уровне рецидивную преступность детерминируют противоречия и недостатки в социальной сфере, прежде всего, это слабая организация оказания помощи в социально-бытовой адаптации освобожденным из мест лишения свободы. В стране от-

¹ Шестаков Д.А. Возвращение к криминологической теории причинности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 2 (37). С. 88.

существует единая скоординированная система оказания такой помощи бывшим осужденным. На федеральном уровне не сформирована необходимая законодательная база, регламентирующая различные аспекты государственной поддержки отбывших наказание, не созданы специальные службы, целенаправленно и комплексно занимающиеся трудовым и бытовым устройством таких лиц. При этом осужденные после освобождения находятся в трудном материальном положении: большинство утрачивают социально значимые контакты и связи, сталкиваются с проблемами трудоустройства. Таким образом, они остаются без средств к существованию, что нередко способствует повторному совершению преступлений

К числу детерминант рецидивной преступности в политико-правовой сфере можно отнести недостатки проводимой в стране уголовной политики. Внесенные в уголовный закон изменения привели к необоснованному смягчению уголовной ответственности за рецидив преступлений. Детерминантами преступности в духовно-нравственной сфере выступают низкий уровень правосознания населения, а также распространенность в обществе норм преступной субкультуры.

М.В. Прохорова

«ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ» И «ПРАВОВОЙ СТАТУС» ОСУЖДЕННОГО: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Правовое положение осужденных имеет немаловажное значение как для уголовно-исполнительного законодательства, так и для правоприменительной деятельности. Наказание в виде лишения свободы, как и любой вид наказания, характеризуется определенной системой правовых ограничений личности, которые в совокупности образуют ее правовое положение (правовой статус).

Дискуссия о соотношении правового положения и правового статуса осужденных актуальна и в настоящее время. Понятия «правовое положение» и «правовой статус» нередко используются как синонимы либо соотносятся как общее и частное.

О преобладании правового статуса над правовым положением пишет Т.А. Хмелевская. По ее мнению, под правовым статусом осужденного следует понимать «совокупность общегражданских прав и обязанностей лица, ограниченных в определенной части законодательством в связи с отбытием им конкретного вида уголовного наказания, а также права и обязанности осужденного, определяемые уголовно-исполнительным законодательством. Правовое положение является частью правового статуса осужденного, ограничивая свое содержание только правами и обязанностями, установленными УИК РФ»¹.

По мнению А.И. Зубкова, правовое положение осужденных представляет собой совокупность возлагаемых на них уголовно-исполнительным законодательством обязанностей и представляемых им в связи с исполнением приговора прав (включая и их охраняемые законные интересы)².

В тоже время Г.И. Могилев, напротив, считает, что «правовое положение» и «правовой статус» осужденного необходимо различать по объему и содержанию. Правовой статус представляет собой совокупность законодательно закрепленных прав, законных интересов и обязанностей, а положение – прав, конкретно реализованных субъектом. Тем самым субъекты с одинаковым правовым статусом могут иметь разное правовое положение. Кроме того, правовой статус как совокупность прав, законных интересов и обязанностей есть более узкое понятие, а положение – более широкое. Понятие правового положения, кроме правового статуса, включает в себя и такие элементы, как правосубъектность и гражданство, являющиеся предпосылками существования статуса, и юридические гарантии, являющиеся средством его реализации³.

¹ Хмелевская Т.А. Правовое положение осужденных в России. Оренбург : Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018. С. 7.

² Зубков А.И. Понятие правового положения осужденных. Уголовно-исполнительное право России : учебник и осн. норм. прав. акты / под ред. О.В. Филимонова. М., 2004. С. 45.

³ Могилев Г.И. Законодательные аспекты установления правового положения и правового статуса осужденных // Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их правовое обеспечение : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О.С. Кошевого. 2016. С. 60–61.

На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения Ю.А. Кашубы, по мнению которого, правовое положение осужденных представляет собой основанное на общем гражданском статусе устанавливаемое с помощью правовых норм положение лиц во время отбывания ими уголовного наказания. Особенности правового положения осужденных выражаются в изъятии и ограничении некоторых их прав и свобод как граждан государства и наделении их специальными правами и обязанностями, свойственными назначенному уголовному наказанию. В свою очередь, правовой статус представляет собой совокупность юридических элементов (обязанностей и прав, законных интересов и правовых ограничений), выражающих специфику и содержание положения осужденных во время отбывания наказания¹.

С.В. Чубраков

ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ: ЗАМЕНА ИЛИ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ

Проблема конкретных вариантов негативных последствий в форме ответственности за виновное неисполнение уголовно-исполнительных предписаний, ориентированных осужденным, активно дискутируется в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной литературе. В центре внимания этой дискуссии стоит целый ряд вопросов, среди которых одним из часто обсуждаемых является вопрос о последствиях злого уклонения от исполнения наказаний или иных мер уголовно-правового характера.

Не вдаваясь в анализ уместности использования формулировки «злостное уклонение», адекватности его закрепления в действующем законодательстве применительно к отдельным наказаниям и пр., полагаем, под таким поведением следует понимать то, из кото-

¹ Российский курс уголовно-исполнительного права : в 2 т. Т. 1: Общая часть : учебник / Е.А. Антонян, Ю.М. Антонян, С.А. Борсученко и др. ; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М. : МГЮА имени О.Е. Кутафина ; Элит, 2012. С. 606.

рого очевидно понятно, что осужденный не желает отбывать назначенное наказание или иную меру уголовно-правового характера, и, следовательно, закладываемые при их назначении цели не могут быть достигнуты.

Считаем, что за злостное уклонение должно следовать появление новой, более суровой меры уголовной ответственности, за исключением лишения свободы, где по итогу должно происходить фактическое увеличение первоначально назначенного срока.

Возможность появления новой меры уголовной ответственности сразу порождает вопросы об основаниях, о требованиях к системе мер ответственности, о пределах такой замены, о ее процедуре (в частности, возможно ли это без нового привлечения к уголовной ответственности), о том, должна ли новая мера поглощать первоначально назначенную либо соединяться с ней (а если это невозможно, то исполняться параллельно), и о том, в рамках каких отраслей права это должно быть реализовано.

Если говорить о существующем ныне подходе законодателя при закреплении последствий злостного уклонения от отбывания наказаний, то он не может быть признан правильным в том числе потому, что практически для каждого наказания эти правила замены и сами негативные последствия в виде заменяемых наказаний, по непонятным причинам, являются своими, отличными от иных.

Реальные негативные последствия, как неоднократно отмечалось в литературе, могут быть реализованы двумя путями: путем криминализации злостного уклонения и закрепления этих деяний в качестве отдельных составов преступлений; путем замены (штрафной) по правилам УК РФ или УИК РФ (через отсылку к УК РФ) без криминализации и, соответственно, возбуждения уголовного дела.

Оба названных выше варианта имеют в юридической литературе и сторонников, и противников.

Если остановиться на основных моментах, связанных с криминализацией злостного уклонения, то следует отметить, что на сегодняшний день уголовная ответственность предусмотрена только в ряде случаев неисполнения уголовно-исполнительных предписаний, а именно в ст. 313, ч. 1 и 2 ст. 314 УК РФ. Причем понятие, почему именно эти случаи, а не иные, равно как и в общем определить, где по логике законодателя должна быть замена без возбуждения дела и привлечения к новой уголовной ответственности, а где – с привлече-

нием, в целом невозможно. Базовые аргументы против криминализации злостного уклонения, как правило, сводятся к тому, что она не отвечает принципу экономии уголовной репрессии, а также противоречит общей тенденции гуманизации уголовного законодательства и декриминализации ряда преступлений небольшой и средней тяжести.

Наиболее очевидные проблемы замены наказания на иное, более строгое, без нового привлечения к уголовной ответственности и без возбуждения уголовного дела, сводятся к препятствиям, вытекающим из ст. 8 УК РФ. В ней указывается, что единственным основанием уголовной ответственности (основной формой реализации которой является уголовное наказание) может быть деяние, содержащее все признаки преступления, предусмотренного УК РФ. Это, по мнению ряда авторов, не допускает возможности замены наказания на иное без нового привлечения к уголовной ответственности, что требует признания любого злостного уклонения в обязательном порядке преступлением. Также важен и момент, касающийся того, в нормативном акте какой отрасли права должны быть соответствующие правила замены (в частности, в УК или УИК РФ), если допустить возможность такой замены без привлечения к новой уголовной ответственности, и к какому виду ответственности ее относить (в частности, к особому виду уголовной, например, с рассмотрением замены как иной меры уголовно-правового характера, к уголовно-исполнительной или иной).

Наша позиция по этому вопросу сводится к следующему. Если исходить из того, что здесь уместна только штрафная замена и новое наказание осужденному, злостно уклоняющемуся от отбывания первоначального, всегда должно быть больше, строже, то, как ни крути, его применение без криминализации злостного уклонения следует оценивать как применение наказания без преступления, что будет противоречить ст. 8 УК РФ. Поэтому полагаем, что единственный путь – это криминализация злостного уклонения от отбывания, исполнения всех наказаний осужденными с использованием для ситуаций, не дотягивающих до требуемой для преступления общественной опасности, положений ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ю.А. Андриенко

БЫСТРОЕ И ПОЛНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЗАДАЧА ДОСУДЕБНОЙ ФАЗЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Надлежащее построение и функционирование системы уголовного процесса, нормативное регулирование им правоотношений между участниками судопроизводства невозможно без установления целеполагающих норм, в соответствии с которыми данная система должна действовать. Эти нормы (назначение, цели, задачи, принципы) являются своего рода системой координат для правоприменителя при осуществлении производства по уголовным делам.

УПК РСФСР 1960 г. устанавливал быстрое и полное раскрытие преступлений в качестве одной из задач советского уголовного судопроизводства. При этом *раскрыть преступление* означало всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства совершения преступления, т.е. расследовать уголовное дело в полном объеме и принять по нему итоговое решение в соответствии с законом¹.

С принятием УПК РФ 2001 г. законодатель отказался от нормативного определения задач уголовного судопроизводства и вместо этого в ст. 6 установил его назначение, связанное с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

¹ Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. С. 79.

Многими учеными справедливо, на наш взгляд, отмечается, что в ст. 6 УПК РФ сущность уголовного процесса представлена как социальная технология¹, и под видом назначения уголовного судопроизводства, по существу, сформулирована социально значимая часть его общих задач². Вместе с тем за рамками рассматриваемой статьи остались такие важные аспекты уголовно-процессуальной деятельности, как защита интересов общества и государства, быстрое и полное раскрытие преступлений, установление истины по уголовному делу, правильное применение норм уголовного закона и ряд других.

По нашему мнению, для построения и реализации оптимальной модели отечественной уголовно-процессуальной политики целеполагающие нормы уголовно-процессуального закона должны недвусмысленно говорить правоприменителю о том, какой результат должен быть достигнут в результате производства по делу и какими средствами в равной степени отражать как необходимость защиты интересов отдельной личности, будь то обвиняемый либо потерпевший, так и интересы общества и государства.

Именно по изложенным выше доводам нам представляется наиболее верной точка зрения ученых, которые настаивают на необходимости сбалансированного целеполагания отечественного уголовного процесса, которое возможно только с учетом исторического опыта его развития, особенностей географии и государственного устройства нашей страны, а также на отражении в УПК РФ задач уголовного судопроизводства и в частности его досудебной фазы, среди которых важнейшее место занимает быстрое и полное раскрытие преступлений³.

Учитывая специфику уголовно-процессуальной деятельности на досудебной стадии производства по делу, связанную с необходи-

¹ Деришев Ю. В. Указ. соч. С. 73.

² Зажицкий В.И. Нужны ли уголовному процессу задачи? // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 22–26.

³ См., напр.: Азаров В.А. Назначение российского уголовного процесса // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве : материалы науч.-практ. конф. Барнаул, 2002. Ч. 1. С. 6–13; Гуляев А.П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. 2012. № 16. С. 5–18; Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 81–87; и др.

мостью оперативного сбора и «консервации» доказательств, а также проведения полного и всестороннего расследования, что обусловлено истинной правовой природой фигуры следователя в качестве исследователя обстоятельств дела, полагаем, что *быстрое и полное исследование обстоятельств преступления является задачей именно досудебного производства по уголовным делам, и ее формулирование в таком контексте в уголовно-процессуальном законе было бы наиболее верным.*

А.А. Бондаренко

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДЕЛОВ УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО СОБЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В современной научно-учебной литературе уделяется внимание институту формирования пределов досудебного производства с основным тезисом о том, что производство по уголовному делу не может быть «беспредельным», а должно осуществляться в строго обозначенной системе координат¹. В качестве компонентов этой системы принято выделять пределы по кругу событий и кругу лиц. При этом подчеркивается, что пределы производства по кругу событий имеют абсолютный характер и определяются только содержанием акта возбуждения уголовного дела, а пределы по кругу лиц – относительны, т.е. могут изменяться путём принятия иных решений.

Остановимся на формировании пределов досудебного производства в части преступного события. Особенность современного подхода заключается в строгом следовании правилу о начале уголовного преследования с акта возбуждения уголовного дела и осуществлению расследования только в границах, заданных этим решением.

¹ Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др. ; под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 94–95; Жидкова Е.И. Формирование пределов производства по уголовному делу в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2014. С. 8; Калиновский К.Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // СПС КонсультантПлюс.

Расширение же пределов по кругу событий, в случае выявления в ходе расследования новых преступлений, независимо связаны либо не связаны они с расследуемым преступным деянием по объективным или субъективным причинам, возможно только через принятие решения о возбуждении нового уголовного дела и последующего их соединения в одно производство.

Сам подход о начале производства с решения о возбуждении уголовного дела не вызывает сомнений, но следование ему логично, как говорится, на «старте» уголовного преследования, с учетом отсутствия правила о соединении материалов проверки различных преступлений. Однако в условиях, когда сведения о совершении других преступлений появляются в ходе ведущегося расследования, правило «сначала возбуждение уголовного дела – потом действие», по нашему мнению, вступает в противоречие с поисковым характером отечественного досудебного производства, а полученные сведения в границах преследования по другому событию признаются нелегитимными для не возбужденного производства. Излишне формализованный подход к формированию пределов производства по кругу событий привел к появлению решений о возбуждении уголовных дел по одним и тем же фактическим обстоятельствам, но с разной уголовно-правовой оценкой; по факту совершения однородных действий, образующих единое преступное событие, что не соответствует и классическому учению о пределах.

Таким образом, абсолютизация акта возбуждения уголовного дела как единственного способа расширения пределов производства по делу в части преступных событий имеет побочные последствия, устранение которых возможно путём смягчения сформировавшегося подхода. На наш взгляд, наряду с решениями о возбуждении и последующем соединении нескольких уголовных дел в одно производство расширение пределов по кругу событий допустимо путем предъявления нового обвинения или описания дополнительного события в акте, означающем преследование по подозрению (такой подход существовал в период действия УПК РСФСР). Считаем, что указанные способы формирования пределов производства по уголовному делу нельзя признать нарушающими право лица знать, в чем заключается подозрение, так как оно доводится до его сведения, например, при отражении в протоколе задержания, уведомлении о подозрении. Одновременно это обязывает к последующему разре-

шению по существу каждого преступного деяния, за которое будет преследоваться лицо, и реализации конституционного принципа недопустимости повторного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ).

Н.Н. Гаас

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Одним из специальных видов освобождения от наказания лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, является прекращение уголовного преследования в связи с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 90 Уголовного кодекса РФ).

Следователь (дознатель), установив, что совершенное подростком преступление отнесено к категориям небольшой и средней тяжести, а также достижение исправления обвиняемого возможно принудительными мерами воспитательного воздействия, принимает решение о прекращении в отношении него уголовного преследования. Уголовное дело с соответствующим ходатайством направляется в суд. Как видится, ознакомление потерпевшего и выяснение его позиции в данном случае в стадии предварительного расследования не определяются законодателем как обязательные. Пункт 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ наделяет потерпевшего правом знакомиться с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела. Можно ли считать прекращение уголовного преследования в данном случае окончанием расследования уголовного дела? Ведь процессуальная деятельность фактически не прекращается, ее завершение определяется постановлением суда о применении принудительных мер воспитательного воздействия. Следовательно, право у потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела возникает лишь после вынесения такого постановления.

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено, что рассмотрение ходатайства следователя (дознателя), полагающего, что исправление несовершеннолетнего возможно без применения уголовного наказания, осуществляется с соблюдением требований ч. 4, 6, 8, 9 и 11 ст. 108 УПК РФ. Следовательно, в судебном заседании обязательно присутствие виновного, его защитника и законного представителя, а также прокурора. Как видится, потерпевший лишь подлежит уведомлению о месте и времени рассмотрения указанного ходатайства. Отметим, что в случае неявки последнего в судебное заседание препятствий для рассмотрения ходатайства по существу не возникнет. Таким образом, позиция потерпевшего по уголовному делу о преступлении, которым нарушены его права, не имеет какого-либо определяющего значения для разрешения уголовного дела по существу.

По нашему мнению, система уголовно-процессуальных мер, предусматривающих механизм реализации освобождения несовершеннолетнего от наказания, ограничивает потерпевшего в реализации гарантированного конституционного права на доступ к правосудию, а также на защиту своих интересов в суде. Законодателю следовало бы установить более определенный алгоритм действий следователя (дознателя) и суда при принятии описанного решения, в котором закрепить необходимость и соответствующую форму участия потерпевшего при расследовании и рассмотрении таких уголовных дел. Полагаем, что перед вынесением постановления о прекращении уголовного преследования потерпевшего следует знакомить с материалами уголовного дела с изложением своего мнения относительно принимаемого решения в письменном виде, которое должно учитываться лицом, осуществляющим расследование уголовного дела. При рассмотрении же уголовного дела в суде потерпевшего следует определить к обязательному участнику, мнение которого относительно установленных обстоятельств по уголовному делу, в том числе достаточности принятых мер по возмещению ущерба и др. должно приниматься судом во внимание. Лишь в этом случае институт освобождения несовершеннолетнего от наказания будет соответствовать основным конституционным и уголовно-процессуальным принципам.

Е.Е. Коробкова

СЛЕДСТВЕННЫЙ СУДЬЯ – НОВЫЙ УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Законодатель Республики Казахстан, осуществляя масштабное реформирование уголовного процесса и его досудебного производства в частности и, как представляется, преследуя цель совершенствования существующего механизма реализации принципа состязательности на досудебных стадиях производства по уголовному делу, реализовал обсуждаемые ранее намерения о создании института следственных судей.

Корпус следственных судей сформирован в рамках действующей судебной системы Республики Казахстан. Законодатель, разъясняя некоторые понятия, в частности, указал, что следственный судья – это судья специализированного следственного суда (эти суды действуют в 14 областных центрах), специализированного межрайонного следственного суда (действуют в трех городах республиканского значения), которые, в свою очередь, являются судами первой инстанции (п. 9, 47 ст. 7 УПК РК) и осуществляют правосудие по уголовным делам (ч. 3 ст. 51 УПК РК), что позволяет говорить о том, что возложенная на следственных судей функция судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве является формой осуществления правосудия. Постановление следственного судьи может быть обжаловано в апелляционном порядке в областной и приравненный к нему суд, решение которого является окончательным (ч. 2, 4 ст. 107 УПК РК). Таким образом, мы видим, что институт следственных судей создан на уровне районных судов, а не областных, как это предлагается в одном из обсуждаемых проектов создания одноименного института в России. Возможность обжалования решения следственного судьи предполагает обращение в вышестоящий суд, а не в некую следственную палату, которая, по замыслу разработчиков проекта в России, должна находиться над следственными судьями в рамках тех же судов уровня субъекта.

Вместе с тем модель института следственных судей, представленная в Казахстане, вызывает некоторые сомнения относительно ее

революционности, ведь функции судебного контроля и разрешения дела по существу по-прежнему соединены в одном ведомстве, а значит, проблема их конкуренции и проблема независимости и беспристрастности судей, принимающих решение по делу, остается неразрешенной. Ведь судья первой инстанции будет «смотреть» на решение, принятое его коллегой, хоть и в новом процессуальном облике следственного судьи.

Полномочия следственного судьи (ст. 55 УПК РК) представляют собой деятельность по судебному санкционированию, судебному обжалованию и, *главное*, по собиранию и проверке доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (депонирование показаний, назначение судебной экспертизы, истребование и приобщение сведений, документов, предметов, имеющих значение для уголовного дела). Следственный судья, кроме того, вправе проверять обоснованность подозрения лица в совершении преступления и при необходимости истребовать уголовное дело (ч. 3 ст. 148 УПК РК), а также выносить частное постановление для решения вопроса об ответственности лиц, допустивших нарушения закона (ч. 6 ст. 56 УПК РК). Вместе с тем все это подкрепляется законодательным императивом о запрете предрешать вопросы, которые могут быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, давать указания о направлении расследования, совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство (ч. 4 ст. 56 УПК РК).

Таким образом, можно поставить под сомнение решение проблемы дистанцирования следственного судьи от судейского корпуса в Республике Казахстан, но одновременно с этим нельзя не констатировать, что новое полномочие следственного судьи в сфере доказывания – это серьезный результативный шаг реформы досудебного производства в Республике Казахстан.

П.В. Кондрашин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА «ЗАКОННЫЙ СУД» ПРИ АПЕЛЛЯЦИОННОМ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Понятие права на «законный суд» можно найти в решениях Конституционного Суда РФ. Так, право на «законный суд» (суд, создан-

ный на основании закона) предполагает непредвзятое рассмотрение любого – административного, гражданского, уголовного или иного дела компетентным, независимым и самостоятельным судом в соответствии с подсудностью (как предметной, так и территориальной), закрепленной за ним федеральным законом¹. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть некоторые вопросы, которые возникают при реализации данного права при апелляционном рассмотрении уголовных дел в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края.

Так, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 14 октября 2005 г. № 6-ФКЗ с 1 января 2007 г. в составе Красноярского края образовалась административно-территориальная единица с особым статусом – Таймырский Долгано-Ненецкий район². Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2007 г. № 274-ФЗ на территории указанного района действуют четыре районных суда Красноярского края: Дудинский, Диксонский, Усть-Енисейский и Хатангский (в пределах территорий, на которые распространялась юрисдикция соответствующих преобразованных Дудинского городского суда и районных судов Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа)³.

Соответствующие изменения были внесены и в законодательство Красноярского края, согласно которым на территории Таймырского Долгано-Ненецкого района в настоящее время оправляют правосудие четыре мировых судьи на четырех судебных участках. Один из указанных мировых судей исполняет свои обязанности на судебном участке № 158 в Таймырском Долгано-Ненецком районе на террито-

¹ Особое мнение судьи Князева С.Д. на Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 года № 2160-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Евгения Игоревича на нарушение его конституционных прав пунктом 1.1 статьи 6.2 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный конституционный закон от 14 октября 2005 года № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // СПС КонсультантПлюс.

³ Федеральный закон от 27 ноября 2007 года № 274-ФЗ «О преобразовании судов общей юрисдикции Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа в связи с образованием Красноярского края» // СПС КонсультантПлюс.

рии сразу нескольких муниципальных образований: городское поселение город Дудинка (относится к подсудности Дудинского районного суда), сельское поселение Караул (относится к подсудности Усть-Енисейского районного суда) и городское поселение Диксон (относится к подсудности Диксонского районного суда).

В связи с этим возник вопрос, какой из районных судов должен рассматривать апелляционные жалобы на решения по уголовным делам, принимаемым указанным мировым судьей, преступления по которым совершены на территориях сельского поселения Караул и городского поселения Диксон.

Согласно письму председателя Красноярского краевого суда от 5 октября 2015 г. данные апелляционные жалобы должен рассматривать Дудинский районный суд, поскольку мировой судья судебного участка № 158 располагается в городе Дудинка.

В данном случае, по нашему мнению, нарушаются права как подсудимых, так и потерпевших на «законный суд», поскольку на территориях указанных поселений действуют свои самостоятельные районные суды, и именно к их подсудности по территориальности относится рассмотрение апелляционных жалоб по уголовным делам, независимо от того, где территориально располагается сам мировой судья. Кроме того, в данном случае подсудность апелляционного рассмотрения уголовных дел была разрешена вышестоящим судом не постановлением, а письмом, что препятствует участникам процесса его обжаловать. Помимо этого, данные поселения находятся на значительном расстоянии друг от друга, имеют недостаточное транспортное и иное сообщение, что также может в организационном плане затруднить доступ к правосудию граждан при апелляционном обжаловании решений по уголовным делам в сложившейся ситуации.

Т.В. Куряхова

ПРОИЗВОДСТВО ПО ВОЗВРАЩЕННОМУ ПРОКУРОРУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ НЕ УЧИТЫВАЕТ ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

В уголовно-процессуальном законодательстве нормативно не закреплены правила производства по уголовному делу, возвращенно-

му прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ¹. Отсутствие выраженной позиции законодателя в вопросе о сущности возвращения уголовного дела прокурору, сложность уяснения ее правовой природы дезориентируют прокуроров и следователей в выборе процедуры производства, что приводит к формированию незаконной практики устранения нарушений. Сформировалась устойчивая практика устранения препятствий к рассмотрению судом дела путем привычной для правоприменителя процедуры дополнительного расследования². Использование аналогии как способа преодоления пробелов в типовых ситуациях оправданно, однако ее применение должно осуществляться на основе общих принципов права, при соблюдении законности, демократических принципов правосудия, обеспечении охраны прав и интересов участников процесса, общества и государства, которые и формируют пределы действий правоприменителя³.

Чтобы увидеть специфику процедуры устранения нарушений, следует обратиться к правовым позициям Конституционного Суда РФ о предназначении и специфике возвращения дела из суда в досудебное производство. Высший орган конституционного контроля неоднократно отмечал, что в контексте стадийности уголовного судопроизводства возвращение уголовного дела прокурору – это особый порядок движения, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования, поскольку, во-первых, уголовное дело возвращается прокурору, если устранение выявленных нарушений не преследует свойственную дополнительному расследования *цель* восполнения неполноты предварительного следствия (Постановления от 4 марта 2003 г. № 2-П, от 8 декабря 2003 г. № 18-

¹ За исключением правил исчисления сроков устранения нарушений (ч. 6¹ ст. 162 УПК) и содержания обвиняемого под стражей (ч. 3 ст. 237 УПК).

² Об этом свидетельствуют доступная нам практика возвращения уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ, а также обзор публикации по вопросу возвращения дела прокурору (См.: Александров А.С., Лапатников М.В. Восстановление института уголовного дела прокурору. Уголовное право. 2013. № 6. С. 82–88; Хитрова О.В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования // Российский следователь. 2013. № 21. С. 13–16; Колоколов Н.А. Долгожданный возврат к доследованию // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 28–35 и др.

³ Подробнее об этом см.: Зайцева Е.С., Козловский П.В. Аналогия права как способ преодоления пробелов в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 4 (63). С. 7–12.

П, от 2 июля 2013 г. № 16-П; Определения от 7 июня 2011 г. № 843-О-О, от 1 ноября 2012 г. № 2001-О и др.); во-вторых, суд обязан учесть обстоятельства, послужившие основанием для направления уголовного дела прокурору, и, исходя из существа допущенных нарушений, установить разумный срок, который достаточен для производства следственных действий, необходимых для устранения препятствий к рассмотрению дела. С учетом данного срока определяется срок содержания обвиняемого под стражей (Постановление от 16 июля 2015 г. № 23-П); в-третьих, законодательство наделяет прокурора правом направлять уголовное дело для производства дополнительного расследования только при поступлении к нему материалов дела с обвинительным заключением (актом, постановлением); дополнительное расследование по делу, возвращенному судом, не предусмотрено (п. 2.2. Определения Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2012 г. № 2001-О). По возвращенному уголовному делу допустимо проведение процессуальных действий, *необходимых* для устранения нарушений и не связанных с решением задачи восполнения неполноты произведенного расследования (абз. 4 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 2 февраля 2006 г. № 57-О). Заинтересованные в исходе дела участники вправе ознакомиться с *новыми* материалами производства (Постановление от 16 июля 2015 г. № 23-П). После устранения выявленных процессуальных нарушений и предоставления участникам уголовного судопроизводства возможности реализовать свои права дело *вновь подлежит направлению в суд* для рассмотрения по существу (Постановление от 16 июля 2015 г. № 23-П; Определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2012 г. № 2001-О).

Представленные суждения позволяют утверждать, что Конституционный Суд РФ исключает саму возможность избличения следователем обвиняемого по преступлению, дело о котором побывало в суде; считает процедуру возвращения уголовного дела прокурору самостоятельным, отличным от предварительного расследования и вобравшим в себя черты судебного производства этапом уголовного процесса. Исходя из такого понимания существа возвращения уголовного дела прокурору, законодатель обязан формировать свое отношение к процедуре устранения нарушений. Правоприменительная практика не должна допускать применение процедур, имеющих признаки дополнительного расследования.

О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ И ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНТРАКТОВ

Согласно Федеральному закону РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) любой участник закупки в соответствии с законодательством РФ имеет право обжаловать в судебном порядке или в порядке, установленном главой 6 данного Закона, действия (бездействия) заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок, ее членов, должностных лиц контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки, если такие действия (бездействия) нарушают права и законные интересы участников закупки.

Судебный порядок обжалования служит основным средством восстановления нарушенных прав и законных интересов в силу прямых требований Конституции РФ. В этой связи вывод о наличии судебного контроля контрактной системы в сфере закупок, несмотря на отсутствие прямого упоминания об этом в Законе о контрактной системе, абсолютно правомерен.

Основными преимуществами судебного контроля служат, во-первых, четкое определение его предмета и порядка рассмотрения и разрешения соответствующих дел. Согласно действующему законодательству предмет судебного контроля в сфере закупок охватывает две основные категории дел: рассмотрение и разрешение жалоб на действия (бездействия) компетентных лиц, нарушающих права и законные интересы участников закупок; обжалование ненормативных правовых актов, нарушающих права и законные интересы участников закупок. В отношении индивидуальных предпринимателей эти дела рассматриваются арбитражными судами.

Во-вторых, как верно отмечается в литературе, решения, принятые в порядке судебного контроля, обеспечены самым существенным образом, их неисполнение или ненадлежащее исполнение может повлечь за собой наиболее суровые формы государственного принуждения вплоть до уголовной ответственности¹.

В-третьих, предметом судебного контроля охвачена правообеспечительная деятельность. Закон о контрактной системе прямо предусматривает возможность судебного обжалования действий (бездействий) соответствующих лиц, нарушающих права и законные интересы участников закупочной деятельности. С учетом недостатков правового регулирования правообеспечительной деятельности представителей иных видов контроля формально судебный контроль остается единственным видом контроля, предусматривающим такую возможность.

Наконец, к числу положительных моментов можно также отнести то, что судебный контроль, с одной стороны, служит альтернативной формой всем существующим видам контроля, а с другой – в определенных случаях может сам служить формой контроля по отношению к ним. Так, решения, действия и акты, принятые (вынесенные) в порядке общего, ведомственного и общественного контроля, могут быть предметом судебной оценки как с точки зрения законности, так и с позиции соблюдения правового положения лиц, участвующих в закупочной деятельности.

Вместе с тем, несмотря на то что, как показывает практика, судебный контроль является достаточно востребованной формой контроля, он не лишен ряда существенных недостатков.

Прежде всего, он менее всего погружен в контролируемую среду, менее оперативен. Особенности конституционного статуса суда не позволяют ему самостоятельно в инициативном порядке выявлять случаи нарушения закона и несоблюдения прав и законных интересов лиц, участвующих в публичной закупочной деятельности. В результате судебный контроль хотя и служит одной из самых востребованных форм контроля, тем не менее, не может стать основной из них.

Прокурорский надзор нивелирует указанные недостатки: он самостоятелен, оперативен, не менее компетентен и, что немаловажно,

¹ Воронин О.В. Роль пенитенциарного надзора прокуратуры в отечественной системе пенитенциарного контроля // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 66.

способен обеспечить наряду с законностью публичной закупочной деятельности также надлежащее соблюдение прав и свобод участников закупочной деятельности. Кроме того, прокурорский надзор фактически представляет собой основную альтернативу судебному контролю: решения и акты, вынесенные прокурором, обеспечены существенным государственным принуждением и не могут (не должны) служить предметом оспаривания и обжалования в ином, в том числе судебном порядке.

Прокурорский надзор фактически представляет собой основную альтернативу судебному контролю: решения и акты, вынесенные прокурором, обеспечены существенным государственным принуждением и не могут (не должны) служить предметом оспаривания и обжалования в ином, в том числе судебном порядке. В этой связи позволю себе дать негативную оценку сложившейся в некоторых регионах практике судебного обжалования актов прокурорского надзора. Такая практика, подрывая авторитет прокуратуры, способствует умалению значения прокурорского надзора как средства оперативного восстановления нарушенной законности. В этой связи прокурорский надзор не должен рассматриваться в качестве конкурентного и тем более исключаящего судебный контроль проверочного производства, а должен служить альтернативой, гармонично дополняющей контрольную деятельность суда.

Прокурорский надзор за соблюдением прав и законных интересов индивидуальных предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов представляет собой самую действенную форму проверочной и обеспечительной деятельности, поскольку только органы прокуратуры обеспечивают правовое положение индивидуальных предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов; осуществляют надзор за деятельностью большинства субъектов контроля, способствуя единой проверочной политике в данной области; объединяют в единую систему контроля субъектов, прямо не охваченных прокурорским надзором.

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Структуру уголовного процесса можно рассматривать как систему последовательно сменяемых стадий, включая производство в апелляционной инстанции по пересмотру итоговых решений суда первой инстанции. Одновременно с итоговыми судебными решениями апелляционная инстанция пересматривает и промежуточные, за исключением решений, указанных в ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ.

При этом, как и в суде первой инстанции, выделен этап назначения и подготовки заседания суда апелляционной инстанции (ст. 389.11 УПК РФ), а производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35–39 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными главой 45.1 УПК РФ. При всех изъятиях, закрепленных в ст. 389.13, порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции максимально приближен к порядку рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции: подготовительная часть, судебное следствие, прения сторон и последнее слово. При этом суд не связан доводами апелляционных жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме (ст. 389.19 УПК РФ). По сути, это повторное¹ судебное разбирательство по первой инстанции с вынесением нового итогового решения по уголовному делу в случаях, предусмотренных п. 2, 3, 5, 6 и 8 ст. 389.20 УПК РФ.

При изменении приговора также проводится судебное разбирательство по правилам первой инстанции, но это не повторное, а дополнительное разбирательство, так как первый приговор сохраняет законную силу с учетом изменений (дополнений), внесенных апелляционной инстанцией. При отмене приговора утрачивается его законная сила, при изменении он может реализовываться не самостоятельно, а вместе с соответствующим решением вышестоящей судебной инстанции.

¹ См.: Калинкина Л.Д. Повторные производства в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2010.

Совершенно иной порядок апелляционного производства предусмотрен для промежуточных судебных решений, указанных в ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 127 УПК РФ в апелляционном порядке обжалуются судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу. Следовательно, в структуре уголовного процесса апелляционное производство по итоговым судебным решениям осуществляется в апелляционной стадии, а по промежуточным – в зависимости от того, в какой стадии оно было принято: возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, подготовки судебного заседания или судебного разбирательства по первой инстанции. Порядок такого производства совершенно иной, чем в апелляционной стадии процесса.

Апелляционные производства нужно различать в зависимости от предмета жалобы (представления): 1) производство по проверке итоговых судебных решений; 2) производство по проверке судебных решений, принятых в досудебном производстве по уголовному делу, и 3) производство по проверке «промежуточных» судебных решений, принятых при судебном разбирательстве уголовного дела по первой инстанции до вынесения итогового решения.

Следовательно, в структуре уголовного процесса есть самостоятельная апелляционная стадия, предшествующая стадии исполнения приговора, и есть апелляционные производства во всех предшествующих ей стадиях процесса.

Д.А. Мезинов

О ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Осуществление уголовно-процессуальной деятельности обуславливается и сопровождается изучением (установлением) тех или иных обстоятельств. Среди этих подлежащих установлению обстоятельств важное место занимает собственно личность обвиняемого (как и любого подвергаемого уголовному преследованию лица), определенные её стороны, обстоятельства, её характеризующие, что нашло

отражение и в требованиях уголовно-процессуального закона (ст. 73, 99 и др. УПК РФ). В свою очередь, в личности обвиняемого, в качестве весьма значимого блока её структурных элементов выделяется мотивационная сфера. Можно дать следующее обобщенное определение мотивационной сферы личности обвиняемого – это относительно устойчивая, иерархически организованная система мотивов, которая является побуждающей и направляющей определенную деятельность и поведение обвиняемого подсистемой его личности¹. Итак, для решения каких именно задач, возникающих при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, необходимо изучение мотивационной сферы личности обвиняемого?

Представляется оправданным аналогично тому, как в своё время был выделен «уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, исправительно-трудовой, криминалистический и криминологический аспекты изучения личности обвиняемого»², разделить задачи изучения её мотивационной сферы на задачи уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминалистические, уголовно-исполнительные и криминологические.

Действительно, осуществление уголовно-процессуальной деятельности в ряде случаев опосредовано решением уголовно-правовых, криминалистических, уголовно-исполнительных и криминологических задач, для чего требуется изучение личности обвиняемого, включая её мотивационную сферу. Так, например, вынесение приговора опосредовано решением уголовно-правовых по своей сути задач квалификации преступления и назначения наказания, а также уголовно-исполнительных (в известной мере и криминологических) задач выбора исправительного учреждения, режима отбывания наказания и т.п. Собственно доказывание обстоятельств предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) требует решения криминалистиче-

¹ См.: Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж, 1975. С. 6–7, 11, 25; Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 6; Криминальная мотивация. М. : Наука, 1986. С. 23; Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М. : Наука, 1991. С. 29–30, 35–41, 108; Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 14, 26, 53–70, 87–99.

² Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве (понятие, предмет и методика изучения) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 14.

ских задач сужения круга фактически заподозренных в совершении преступления лиц, выбора тактики проведения следственных действий. Следует добавить здесь, что постулируемая прикладной функцией науки уголовного процесса задача разработки предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона в определенной мере подчинена необходимости решения отмеченных уголовно-правовых (особо), криминалистических (в некоторой мере), уголовно-исполнительных и криминологических задач.

В то же время осуществление уголовно-процессуальной деятельности в ряде случаев требует решения сугубо уголовно-процессуальных задач изучения мотивационной сферы личности обвиняемого, т.е. тех, формулировка понятия и разработка рекомендаций по разрешению которых находится в исключительном ведении науки уголовного процесса. Так, изучение мотивационной сферы личности обвиняемого необходимо для решения задач избрания, продления, изменения и отмены мер пресечения, поскольку фактические основания принятия процессуальных актов по мерам пресечения требуют наличия у уполномоченного субъекта сведений, позволяющих обоснованно прогнозировать будущее поведение обвиняемого, которое будет детерминироваться именно мотивационной сферой его личности.

Д.С. Мерлаков

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ

В рамках исследования компетенции субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство, специальные полномочия органа дознания возбуждать уголовное дело при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, и проводить по нему неотложные следственные действия, в порядке, предусмотренном ст. 157 УПК, на практике вызывают трудности в реализации, отсутствует единый подход.

Именно в возбуждении уголовного дела органом дознания заключается основная специфика института неотложных следственных действий, поскольку орган дознания по усмотрению своего ру-

ководителя принимает решение о возбуждении уголовного дела, не относящегося к его компетенции. Цель принятия указанного решения заключается в реализации права на производство неотложных следственных действий органом дознания для предотвращения возможности утраты доказательств по делу, выявлении лица, совершившего преступление. Основным условием принятия такого решения является объективная невозможность возбуждения уголовного дела следователем, правомочным его расследовать. Отсутствие следователя и невозможность его участия в уголовно-процессуальной деятельности не может рассматриваться как основание для того, чтобы не реагировать на факт совершенного преступления, а эффективность действий должностных лиц учитывается при определении разумного срока досудебного производства со дня подачи заявления, сообщения о преступлении. Обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, предварительного следствия не принимаются в качестве оснований для его превышения.

Однако правоприменительная практика показывает, что возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий органом дознания в порядке, предусмотренном ст. 157 УПК, – крайне редкое явление по причине негласного ведомственного запрета, который преследует цель исключить принятие такого решения органом дознания в связи с более низким уровнем квалификации его сотрудников в отличие от следователя. Это, по нашему мнению, необоснованно ограничивает компетенцию органа дознания. Такой запрет критикуется в науке в связи с тем, что это бесосновательно усложняет стадию возбуждения уголовного дела, не позволяет эффективно выполнять правоохранительными органами поставленные задачи¹.

Как известно, основанием для возбуждения дела является наличие фактических данных, достаточных для вероятного вывода о существовании общественно опасного деяния, содержащего признаки состава конкретного преступления. Критерий определения достаточности остается дискуссионным, мы придерживаемся мнения, что на момент возбуждения уголовного дела необходимо определить лишь такие черты, свойства события, по которым оно распознается

¹ Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб., 2015. С. 5; Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. С. 185–186.

как общественно опасное и противоправное. На наш взгляд, невозможно на стадии возбуждения уголовного дела прогнозировать его судебную перспективу, да это и не входит в цели указанного этапа. К сожалению, объем предварительной проверки и ее сроки нередко определяются правоприменителем под влиянием ведомственных показателей и распоряжений.

Таким образом, считаем, что необоснованное ограничение внутриведомственными запретами компетенции органа дознания по возбуждению уголовного дела и проведению неотложных следственных действий, в соответствии с требованиями ст. 157 УПК, приводит к усложнению процедуры возбуждения уголовного дела, снижают эффективность правоохранительных органов, увеличивает сроки рассмотрения сообщения о преступлении, а впоследствии – превышает разумный срок уголовного судопроизводства.

В.В. Олейник

ПРЕКРАЩЕНИЕ ЧАСТНОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Прекращение дел частного обвинения является достаточно распространенной практикой. Так, в 2018 г. суды Российской Федерации вынесли приговоры по 2 793 делам, прекратив 4 350 дел¹.

Уголовное дело, возбужденное согласно ч. 5 ст. 319 УПК РФ, на основании постановления мирового судьи, прекращается только в том случае если стороны примирились путем подачи заявления от каждой стороны согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ, тогда как производство по уголовному делу, возбужденному следователем или дознавателем в соответствии с ч. 4 ст. 147 УПК РФ, может быть прекращено в связи с примирением сторон в порядке, установленном ст. 25 УПК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29.06.2010 № 17 разъяснил порядок прекращения уголовного дела в частном

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Судебный департамент РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>

обвинении, в частности то, что суд не вправе отказать в примирении уголовного дела, если стороны этого дела пришли в тому, чтобы заключить примирение, за исключением случаев, указанных в ч. 4. ст. 20 УПК РФ.

Так, частное уголовное преследование, возбужденное по постановлению мирового судьи, прекращается в связи с примирением сторон только в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 20 УПК РФ. На практике суды иногда при прекращении уголовных дел частного обвинения ссылаются на ст. 76 УК РФ¹.

Основанием прекращения частного уголовного преследования также является отказ частного обвинителя от обвинения, возможность которого предусмотрена ч. 5 ст. 321 УПК РФ. Основанием прекращения дела в данном случае будет являться отсутствие события или состава преступления². Одним из моментов, которые необходимо учесть при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании, это то чтобы положение подсудимого не было ухудшено и не нарушало прав, предоставляемых ему для защиты.

Отдельные авторы утверждают о необходимости законодательно закрепить отказ частного обвинителя от обвинения в качестве основания прекращения уголовных дел³, с чем можно согласиться. В этой связи частный обвинитель будет более самостоятелен в принятии каких-либо решений по делу. Действующие нормы УПК РФ предусматривают прекращение уголовного дела вследствие того, что частный обвинитель принципиально и без уважительной причины не явился в суд (ч. 3 ст. 249 УПК РФ). В юридической литературе подобные действия потерпевшего называют пассивными, т.е. не желанием поддерживать обвинение и соответственно отказ от обвинения.

¹ Матвеева Я.М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С. 138.

² Обобщение судебной практики рассмотрения уголовных дел частного обвинения мировым судьей за 11 месяцев 2016 года / Судебный участок № 6 мирового судьи Центрального района г. Оренбурга. URL: <https://centrb.kodms.ru/press/obobshenie-sudebnoj-praktiki-rassmotreniya-ugolovni/>

³ Ухова Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Таким образом, частное уголовное преследование прекращается как в связи с освобождением от уголовной ответственности, так и по «процессуальным» основаниям: примирение сторон, отказ частного обвинителя от обвинения; неявка частного обвинителя для рассмотрения дела без уважительных причин. Указанные основания прекращения уголовного дела (преследования) целесообразно включить в ст. 24 УПК РФ, это позволит более эффективному применению процессуальных норм в рамках расследуемого уголовного дела.

Л.Г. Суханова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ В ОТСТАИВАНИИ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ

Определяя правовой статус влияния постановлений Пленума Верховного Суда РФ и решений Конституционного Суда РФ на механизм регулирования уголовно-процессуальной деятельности, можно выделить две традиционные позиции, сложившиеся в науке уголовного процесса: 1) ряд ученых категорически не признают постановления Пленума Верховного Суда РФ и решения Конституционного Суда РФ в качестве источника уголовного судопроизводства¹; 2) другая группа ученых исходит из того, что постановления Пленума Верховного Суда РФ и решения Конституционного Суда РФ можно рассматривать в качестве источника уголовного процесса².

Не вдаваясь в дискуссию о значении и статусе правовых позиций, названных высших судебных инстанций в уголовном судопроизводстве, фактически следует признать то, что они существенным обра-

¹ Безлепкина Б.Т. Уголовный процесс России : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2008. С. 24; Якупов Р.Х. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.Н. Галузо. М., 1998. С. 40; Пудовочкин Ю.Е., Пирвалидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. 297 с.

² Уголовный процесс : учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1998. С. 42–44; Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007. 399 с.; Климович Е.А. Механизм реализации решений Конституционного Суда РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 26 с.

зом влияют на содержание и юридическую значимость уголовно-процессуального законодательства, его правильность и единообразную реализацию.

С правовыми позициями данных высших судебных инстанций неразрывно связано такое понятие, как «пределы судебного усмотрения». Выделяют общие и специальные пределы¹. При этом специальные пределы судебного усмотрения определяются как ограничения, которые вытекают из конкретных уголовно-процессуальных норм, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также из правовых позиций Конституционного Суда РФ, и учитываются судьей (судом) при вынесении процессуального решения или производстве действия по усмотрению².

Адвокаты-защитники также активно используют правовые позиции указанных высших судебных инстанций в своей адвокатской деятельности, формируя и реализуя правовую позицию и защиту по уголовному делу.

О значении правовых позиций высших судебных инстанций при осуществлении защиты по уголовным делам нами были опрошены 30 адвокатов г. Барнаула.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ и решения Конституционного Суда РФ используются адвокатами при осуществлении защитительной деятельности: 1) в ходатайствах и жалобах адвоката в том числе при формулировании текста ходатайства о признании того или иного доказательства недопустимым, и при обжаловании в досудебном порядке действий / бездействий следователя / дознавателя); 2) в выступлениях в судебных инстанциях.

Также адвокаты выделили самые распространенные ситуации, когда необходимо обратиться к позициям Верховного Суда РФ: 1) в случае оспаривания квалификации; 2) в случае обжалования (оспаривания) правильности, законности и обоснованности формулировок (позиций) судов, изложенной в тексте решений (приговоров); 3) при доказывании недопустимости тех или иных доказательств по уголовному делу.

¹ Папкина О.А. Усмотрение суда. М. : Статус, 2005. С. 67.

² Хайдаров А.А. Пределы судебного усмотрения в российском уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 85.

Как отмечают адвокаты, чаще всего они ссылаются в своих выступлениях, заявлениях, жалобах, ходатайствах и замечаниях на Постановление Пленума ВС РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

Правовые позиции высших судебных органов предотвращают ненадлежащее использование судьями судебного усмотрения в уголовном процессе, которое, безусловно, может привести к нарушению прав личности.

Р.С. Хисматуллин, Э.М. Нигаматьянова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ГАРАНТИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Выступая 15 января 2020 г. с Посланием Федеральному Собранию, Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул: «Наша задача – обеспечить высокие стандарты жизни, равные возможности для каждого человека. Очень важно – уважение к старшим и забота о детях. Наш труд во имя своей семьи, своих близких, детей, их будущего, а значит, ради достоинства граждан России»¹.

Эти справедливые слова и указания Президента Российской Федерации в полной мере относятся к дальнейшему совершенствованию защиты прав и свобод человека и гражданина, решению проблем совершенствования судебной деятельности по делам несовершеннолетних как гарантии дальнейшего обеспечения прав и свобод граждан, особенно несовершеннолетних.

«Возрастные и нравственно-психологические особенности современных подростков обуславливают необходимость более конкретных реформ модернизации процессуального законодательства,

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года // СПС КонсультантПлюс.

особенно в области осуществления правосудия по делам в отношении несовершеннолетних»¹.

1. В соответствии с «Минимальными стандартными правилами ООН, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинскими правилами)», «основные процессуальные гарантии несовершеннолетнего, такие как право на присутствие родителей несовершеннолетнего, должны быть гарантированы на всех этапах судебного разбирательства. Родители несовершеннолетнего подсудимого имеют право участвовать в судебном разбирательстве» (ст. 7, 15).

Предлагаем внести изменения в гл. 50 УПК РФ и изложить ч. 3 ст. 428 УПК в следующей редакции: «Рассмотрение уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, осуществляется с обязательным участием законного представителя (законных представителей) несовершеннолетнего».

2. Согласно Конституции Российской Федерации «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника)» (ч. 1 и 2 ст. 48).

Однако УПК России допускает возможность и другого решения – «При производстве у мирового судьи» (ч. 2 ст. 49 УПК).

Между тем «необходимо знать и учитывать, что у отдельных несовершеннолетних обнаруживаются определенные психические и психологические аномалии»².

Предлагаем внести изменения в статью 49 УПК РФ, исключив из ч. 2 ст. 49 УПК норму: «При производстве у мирового судьи» один из близких родственников обвиняемого или иное лицо «допускается вместо адвоката».

¹ Подробнее см.: Хисматуллин Р.С. Актуальные проблемы модернизации судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности / под общ. ред. В.М. Бозрова. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 192.

² Подробнее см.: Хисматуллин Р.С. Криминология : учеб. пособие. Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. С. 49–50.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕМЬЕ

Проблемой совершения правонарушений в семьях является насилие в семье, особенно в отношении несовершеннолетних. Предупреждение преступлений в отношении несовершеннолетних – одно из основных направлений деятельности государственных правоохранительных и судебных органов.

«Необходимо учитывать, что у отдельных несовершеннолетних обнаруживаются определенные психические и психологические аномалии. Формы такого аморального поведения подростков возникают достаточно часто в неблагополучных семьях несовершеннолетних с аморальным образом жизни окружающих взрослых»¹. Дети не могут противостоять насилию в силу возраста и неспособности осознавать совершенные в отношении них противоправные деяния.

В последние годы растет число детей, родители которых были лишены родительских прав.

Совершаемое насилие в семье в отношении детей имеет разные формы: полное пренебрежение потребностями ребенка, психологическое либо физическое насилие. Жертвами взрослого преступника чаще всего становятся незащищенные члены его семьи. Каждое пятое преступление в семье – побои – совершалось в последние годы в отношении детей.

Меры по предупреждению домашнего насилия являются важным противодействием этому негативному явлению. Необходимо постоянно проводить беседы по поводу искоренения домашнего насилия в семьях подростков, семинары в общеобразовательных учреждениях (как в начальных, так и в старших классах) по теме домашнего насилия, чтобы дети не боялись обращаться к учителям, воспитателям, педагогам за помощью.

«Социально-экономическое расслоение общества болезненно воспринимается подростками, что порой обуславливает вовлечение

¹ Подробнее см.: Хисматуллин Р.С. Криминология : учеб. пособие. Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. С. 49–50.

несовершеннолетних даже из относительно благополучных семей в криминальную деятельность или вызывают высокую степень психологической готовности подростков к преступной деятельности»¹.

Необходимы также программы и конкретные действия по профилактике не только для жертв семейного насилия, но и для самих правонарушителей. В семьях, где имело место домашнее насилие в отношении несовершеннолетних, жертвам должны помогать не только психологи, социальные работники, сотрудники правоохранительных органов, но и лица, заинтересованные в помощи подросткам.

А.И. Шмарев

К ВОПРОСУ О РОЛИ УСМОТРЕНИЯ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Стадия возбуждения уголовного дела, по мнению автора, является ключевой в уголовном судопроизводстве России. Именно с неё при возбуждении уголовного дела начинается предварительное расследование, которое открывает гражданам доступ к правосудию. Не препятствуют ему и другие решения, принимаемые в соответствии с ч. 1 ст. 145 УПК Российской Федерации².

Полномочия проверять законность и обоснованность этих постановлений³ УПК Российской Федерации предоставил прокурору не только по жалобам заинтересованных лиц, но и в порядке надзора за органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие⁴.

В частности, прокурор в течение 24 часов с момента предоставления ему материалов уголовного дела в случае признания незакон-

¹ Подробнее см.: Хисматуллин Р.С. Актуальные проблемы модернизации судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности / под общ. ред. В.М. Бозрова. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 191.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // СПС Консультант Плюс.

³ Здесь речь идёт о следующих постановлениях: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения о преступлении по подследственности или в суд (по делам частного обвинения).

⁴ Глава 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. от 27.12.2019).

ным и необоснованным постановлением о возбуждении уголовного дела вправе его отменить¹, действуя исключительно по своему усмотрению, сформированному исходя из сути материалов, наличия повода и основания.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое признано незаконным и необоснованным, прокурор опять же по своему усмотрению отменяет в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов, послуживших основанием для принятия такого решения.

Незаконное решение о передаче сообщения о преступлении по подследственности прокурор уполномочен отменить на основании ст. 37 и 151 УПК Российской Федерации, закрепляющих за прокурором разрешение спора о подследственности.

Исходя из практического опыта автора статьи, органы предварительного следствия и дознания по-разному направляют по подследственности сообщения о преступлениях, что вызывает определённые затруднения². Возложение ведомственными приказами на прокурора обязанности при периодической проверке исполнения в органах дознания и предварительного следствия требований федерального закона при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении и выявлении случаев передачи по подследственности сообщений о преступлениях поручать прокурору, осуществляющего обозначенный надзор в том органе, куда это сообщение передано, проверить фактическое его поступление, регистрацию, рассмотрение и принятие решения, а затем извещение о результатах этой проверки³, на практике не решает бюрократическую проблему, а наоборот, её порождает.

¹ Часть 4 статьи 146 УПК Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // СПС «Консультант Плюс».

² В территориальных органах предварительного следствия и дознания Удмуртской Республики, где автор статьи служил военным прокурором Ижевского гарнизона в 2017–2019 гг., сообщения о преступлении по подследственности в подавляющем большинстве направлялись минуя прокурора, что было вызвано нежеланием следователя (дознателя) проводить процессуальную проверку, а передача таким образом сообщения снимала с него данную обязанность. В тех случаях, когда материалы передавались через прокурора, законными решениями последних определялась подследственность и удавалось нивелировать волокиту, возникающую из-за таких пересылок материалов.

³ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» и др.

Устранить возникающие при таком подходе вопросы возможно, внося соответствующие изменения в ст. 37 и 151 УПК Российской Федерации, устанавливающие усмотрение только прокурора передавать по подследственности сообщения о преступлениях и уголовные дела, что всецело будет соответствовать реалиям сегодняшнего дня, когда прокуратура с 08.01.2020 осуществляет государственный единый статистический учёт данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре.

В.В. Ясельская

О РАСШИРЕНИИ КРУГА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОИЗВОДИМЫХ С УЧАСТИЕМ ЗАЩИТНИКА

В соответствии с действующим законодательством защитник обвиняемого в допросе свидетелей на стадии предварительного расследования, как правило, не участвует. Ему предоставлена такая возможность только в том случае, если допрос свидетеля проводится по ходатайству обвиняемого или его защитника (п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Однако, как показывает практика, существует проблема неявки в судебные заседания свидетелей и потерпевших. Это одна из основных причин, влекущих отложение судебных разбирательств и затягивания рассмотрения уголовных дел.

В случае оглашения показаний не явившихся свидетелей и потерпевших обвиняемый не может реализовать право допрашивать показывающих против него свидетелей, закреплённое пп. «ф» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹.

В целях реализации международно-правовых норм в юридической литературе предлагается фиксировать показания потерпевшего и свидетеля в присутствии подозреваемого (обвиняемого) на досудебном производстве с участием следственного судьи².

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

² Хайдаров А.А. О проблеме оглашения показаний потерпевших и свидетелей в рамках судебного следствия // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2015. Т. 1, № 1. С. 68.

Дискуссия по поводу появления следственных судей в российском уголовном процессе ведется долгое время. Президент РФ вновь рекомендовал Верховному Суду РФ рассмотреть вопрос о целесообразности введения института следственного судьи¹. Для решения данного вопроса прежде всего необходимо изучить опыт зарубежных стран, в частности Республики Казахстан. Так, изучение практики Карагандинской области показало, что защитники не реализуют право ходатайствовать перед следственным судьей о депонировании показаний свидетеля и потерпевшего². Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 217 УПК Республики Казахстан депонирование доказательств имеет место только в исключительных случаях, когда существует угроза утраты доказательств до начала судебного разбирательства³. Однако проблема неявки свидетелей и потерпевших более масштабная. Спрогнозировать возникновение обстоятельств, делающих невозможным явку свидетеля в суд, особенно при длительном рассмотрении уголовных дел, нереально.

Представляется, что проблему утраты доказательств можно было бы решить и без проведения масштабных реформ. Для этого необходимо предоставить защитнику право участвовать не только в допросе свидетеля, проводимого по его ходатайству, но и в допросе свидетелей, если существует вероятность, что они не смогут явиться в суд для дачи показаний. Также представляется необходимым предоставить защитнику право с разрешения следователя присутствовать и в иных следственных действиях. Участие защитника в допросе свидетеля будет служить гарантией соблюдения закона и позволит противостоять обвинительному уклону в деятельности следователя.

¹ См.: Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченными по правам человека. Пр-126, п. 4. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62700>

² Ясельская В.В., Рожков А.С. Требования состязательности и равенства процессуальных возможностей сторон и участие стороны защиты в доказывании: что делать с материалами, представляемыми стороной защиты? // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 105–108.

³ УПК РК от 04.07.2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 11.01.2020). URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 28.02.2020).

И.А. Абрамов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ ФСИН РОССИИ НА КОНТРАКТНОЙ ОСНОВЕ

Ключевым нормативным актом, регулирующим оперативно-розыскную деятельность (ОРД), является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее – ФЗ об ОРД), который определяет правила организации содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, в том числе на контрактной основе.

Права и обязанности при заключении контракта возникают с обеих сторон. В частности, у граждан, кроме общих прав и обязанностей, характерных для всех лиц, оказывающих содействие и закрепленных в ст. 17 и других статьях ФЗ об ОРД (ч. 5 ст. 6, ч. 4 ст. 16, ч. 5 ст. 18), возникают и специфические, так называемые исключительные права и обязанности. Они изложены в некоторых статьях ФЗ об ОРД (ч. 2 ст. 12, ч. 3 ст. 21, ч. 2 ст. 17, ч. 3 ст. 21, ч. 6 ст. 18, ч. 9 ст. 18) и ведомственных приказах.

Для граждан, оказывающих содействие на контрактной основе оперативным подразделениям ФСИН России, законодатель установил два обязательных условия, которые закрепил в ч.1 ст. 17 ФЗ об ОРД. Они обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию указанным органам. Нарушение контрактных обязательств со стороны гражданина может повлечь за собой последствия, выражающиеся в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, финансовых, имиджевых и репутационных потерях оперативного подразделения.

Ответственность за неисполнение контракта гражданином, осуществляющим негласное содействие на контрактной основе, в ФЗ об

ОРД, а также в ведомственных приказах прямо не предусмотрена. Опрос более пятидесяти сотрудников оперативных подразделений ФСИН России показал, что 100% респондентов выбирают в качестве меры ответственности для граждан, нарушающих контракт, исключение из содействия.

Нормы правовой ответственности в отношении граждан, умышленно нарушающих контракт, содержатся в УК РФ, КоАП РФ, ГК РФ. Однако эти нормы на практике оперативными сотрудниками ФСИН России не применяются. Респонденты ссылаются на отсутствие в законодательстве точной терминологии, наличия специфики конфиденциального содействия, уровня образования граждан, оказывающих содействие, отсутствия у этих граждан допуска к государственной тайне.

Мы считаем, что нехватка такого правового инструмента воздействия, как мера ответственности, не способствует нормализации отношений между оперативным подразделением и гражданином, оказывающим негласное содействие на контрактной основе.

В качестве решения данной проблемы нами предлагается на основе действующего законодательства разработать для оперативных сотрудников ФСИН России учебное пособие (методические рекомендации), разъясняющие алгоритм применения ответственности к гражданам, нарушающим контрактные обязательства, а также типовые условия контракта «ответственность сторон».

Разрешение выявленных проблем содействия граждан оперативным подразделениям ФСИН России на контрактной основе позволит дать оперативному сотруднику, как основному субъекту контрактных отношений, уверенность в получении достоверной и действительно оперативно значимой информации, а гражданам, оказывающим содействие оперативным подразделениям ФСИН России на контрактной основе, – уровень ответственности. Это поможет сделать содействие граждан оперативным подразделениям ФСИН России на контрактной основе более регламентированным и социально ориентированным.

РАСПОЗНАВАНИЕ ЛОЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРЧИННОСТИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Совершенное преступление представляет собой событие прошлого, подлежащее всестороннему исследованию. Воссоздать в сознании картину произошедшего события возможно по следам, оставшимся к моменту расследования, в виде материальных объектов измененной окружающей среды и в виде идеальных образов, запечатленных в памяти людей. Процедура воссоздания в сознании картины прошлого события представляет собой мыслительную деятельность, направленную на восстановление цепочек причинной связи по имеющимся отображением прошлого, зафиксированным в настоящем. По этим фрагментам (следствиям) лицо, проводящее расследование, пытается сделать правильное заключение об имевших место причинах (обстоятельствах) совершенного преступления.

Восстановленные в ходе расследования цепочки причинных зависимостей могут иметь значительные деформации, поэтому картина прошлого события будет не всегда верной. Дело в том, что фактор времени влияет на уничтожение следов прошлого, а неоднократное переотражение фактов с одних носителей на другие также приводит к искажению получаемой информации. Кроме того, при использовании метода аналогии утраченные фрагменты причинных цепочек могут быть заменены на схожие, но не единственно имевшие место в действительности.

Речь идет о воссоздании именно цепочек причинной зависимости, т.е. о генетической связи, в которой причина с необходимостью порождает следствие. Искажение цепочки причинения может привести к подмене звеньев в цепи причинения (фактов) на факты, являющиеся основой другой цепочки причинения, которые соотносятся с генетической только мнимо.

Существует большое количество других видов связей, имеющих сходство с генетической связью, могущих объединять различного рода объекты, обстоятельства, явления, не связанные отношениями причинности. Подобного рода ошибки, сопряженные с подменной генетической связи на иные виды связей, наиболее опасны.

Близкой по своей природе к генетической связи является связь сосуществования (объемная), которую часто воспринимают за причинную связь. Например, обнаружение на месте происшествия какого-либо объекта, оказавшегося там случайно, может быть воспринято ошибочно, как закономерное (связанное с событием преступления). Такого рода ошибки часто возникают, когда на месте преступления обнаруживаются следы пальцев рук или биологические вещества, принадлежащие предполагаемому преступнику, появление которых в данном месте не связано с преступным событием. Возможно, появление объектов является чьим-то намерением или случайностью. Существует связь функциональная, при которой объекты ошибочно объединяются по сходному механизму образования или действия. А также существует связь преобразования, предусматривающая сходные изменения объектов при определенных условиях. В основе данных связей (объемной, функциональной, преобразования) не лежат цепочки причинных зависимостей преступного события, они развиваются параллельно, но воспринимаются ошибочно включенными в причинную цепь.

Разработка методов распознавания признаков подмены генетической связи может быть отнесена к числу важных задач криминалистической методики расследования преступлений. Появление в ходе расследования искаженных цепочек причинных связей можно отнести к специфическим условиям обнаружения и расследования преступлений. Разрабатывая соответствующие рекомендации по применению приемов выявления и исключения подмены фактов в цепочках причинных зависимостей, криминалистическая методика решает свою основную задачу – создание наиболее совершенных методов расследования.

В.Ю. Белицкий

О ЯЗЫКЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Понятие языка криминалистики как «системы её общих и частных понятий, выраженных определениями и обозначениями (знаками, терминами)»¹, было введено и комплексно исследовано Р.С. Белкиным ещё в 70-х гг. XX в.

¹ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М. : БЕК, 1997. С. 273.

После этого различные аспекты понятийно-терминологического аппарата науки криминалистики были исследованы в трудах Т.В. Аверьяновой, В.П. Бахина, М.А. Берестнева, А.А. Бессонова, А.Ю. Головина, В.Ю. Головина, О.А. Малютиной, Н.В. Матушкиной, И.Ф. Пантелеева, Е.Р. Россинской, М.В. Салтевского, И.В. Тишутиной, В.Ю. Шепитько и многих других ученых.

Несмотря на видимую теоретическую изученность темы, считаем, нельзя говорить о том, что все вопросы получили должное и однозначное разрешение. В числе актуальных проблем следует указать отсутствие однозначности в используемых терминах и понятиях, их синонимии, полисемию.

К сожалению, нередко одни и те же термины наполняются различным содержанием и наоборот – используются синонимы для обозначения одного и того же объекта. Например, для выражения криминалистически значимой компьютерной информации (данных), содержащейся в электронных цифровых устройствах, а равно на ресурсах компьютерных сетей, в литературе используются термины: цифровые, электронно-цифровые, бинарные, виртуальные, информационные, компьютерные следы и пр.

На неоднозначность употребления терминов «криминалистическая идентификация», «криминалистическая диагностика» и ряда иных криминалистических понятий и категорий обращает внимание А.А. Бессонов¹.

Таким образом, очевидно отсутствие единства и точности как в употреблении различных криминалистических терминов, понятий и категорий, так и системности в языке криминалистической науки. Складывающаяся ситуация не способствует развитию криминалистики, не обеспечивает единство в способах отображения изучаемых объектов при упорядочивании накопленных знаний², что приводит к трудностям в теории и правоприменении.

Важно обратить внимание и на появление новых терминов и понятий, что обусловлено развитием естественных, технических и

¹ Бессонов А.А. Криминалистические стандарты как содержание парадигмы криминалистики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 3 (21). С. 135–140.

² Панарина Д.В. Язык криминалистики и судебной экспертизы в структуре научного знания // Известия Тульского государственного университета. 2017. № 1–2. С. 144.

иных наук и использованием криминалистикой полученных достижений, а равно формированием и развитием новых научных идей и направлений исследований. При этом во избежание полисемии терминологии, для достижения её единства и системности введение новых терминов должно проходить после их тщательного и всестороннего обсуждения в научном сообществе.

Считаем, что в науке криминалистики необходимо стремиться к воплощению требований фиксированного содержания научных терминов, понятий и категорий, единообразию и однозначности её понятийно-категориального аппарата, его унификации, точности, четкости и устойчивости, а в целом – системности, т.е. взаимосвязи и непротиворечивости.

В связи со сказанным предлагаем в криминалистической науке соблюдать следующие правила при употреблении терминов, понятий и категорий: 1) единство (унификация) терминологии; 2) точность; 3) устойчивость; 4) системность. Следование данным правилам, надеемся, обеспечит выполнение языком криминалистики функции профессионального общения, а равно познавательной и информационной роли.

Ю.Л. Бойко

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В практике расследования преступлений и рассмотрения их в суде важно уметь отличить правду от лжи, однако, чтобы избежать наказания, некоторая часть участников уголовного судопроизводства, в целях получения своей выгоды, по различным мотивам дает неправдивые или искаженные показания. В связи с этим с 2001 г. в России стали принимать результаты тестирования на полиграфе участников процесса судебных разбирательств. УПК РФ не содержит прямых указаний на использование полиграфа в той или иной процессуальной ситуации и весьма демократично подходит к использованию специальных знаний в уголовном судопроизводстве вообще и применительно к ситуации полиграфа в частности. И это вполне оправданно, так как проблема достоверности показаний и

лжи может разрешаться не только на основе специальных психофизиологических исследований.

Полиграф – это технический прибор, использующийся для проверки достоверности информации за счёт фиксации малейших психофизиологических изменений человека. В криминалистике он выступает в роли «эксперта», который помогает определить вероятность причастия лица к преступлению, кроме того, используется в судебной практике, в сфере бизнеса, при отборе на работу и службу. В случаях решения вопроса о применении в уголовном судопроизводстве той или иной технической новинки, того или иного технического средства приходится преодолевать сложившиеся против него предубеждения, основанного на умозрительных заключениях.

Так, проблема применения полиграфа имеет технический, тактический, этический и процессуальный аспекты.

Техническая сторона проблемы связана с диагностикой зафиксированных реакций исследуемого участника, а последняя напрямую зависит от тактики проведения испытаний, т.е. от тактического аспекта использования полиграфа.

Тактический аспект этой проблемы заключается в однозначности толкования полученной информации о причинах эмоциональной реакции испытуемого, поскольку результаты тестирования невозможно однозначно связать с подлинностью причин вызванных реакций, а при возникновении спорных ситуаций переходить к констатации наличия у испытуемого лишь осведомленности о тех или иных обстоятельствах случившегося события.

Третий аспект этой проблемы – этический: нравственно ли применение полиграфа в целях борьбы с преступностью. Практика правоохранительных органов не свободна от ошибок и нарушений закона, но нормативность в регулировании применения полиграфа позволяет если не исключить их вообще, то свести к тому минимуму, который неизбежен при применении любого технического средства. Заключительным аспектом является уголовно-процессуальный аспект, который бы решал практические вопросы об условиях, формах и пределах применения этого технического средства в уголовном судопроизводстве. Правовое закрепление процессуального порядка испытаний на полиграфе должно формироваться на глубоком и всесторонне научном исследовании с широким обсуждением полученных результатов научной общественностью и практиками.

Резюмируя, можно сказать, что инструментальные методы детекции лжи расширяют границы человеческого восприятия, способствуют индивидуализации подхода к участникам уголовного процесса и, следовательно, позволяют снизить уровень субъективизма при формировании доказательной базы, что можно рассматривать как одну из конечных целей совершенствования уголовного судопроизводства путем его существенной оптимизации. Вместе с тем как прямое доказательство данные, полученные и обработанные специалистом по психофизиологическому исследованию, использовать нельзя, но в качестве косвенных доказательств они могут помочь суду вынести вердикт в ту или иную пользу.

С.В. Ведренцева

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ

Одним из неоднозначных вопросов, касающихся следственной ситуации, является вопрос о выделении элементов в виде объективных и субъективных факторов, о взаимосвязи которых среди ученых существует несколько точек зрения.

Т.С. Волчецкая рассматривает следственную ситуацию как «...степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразные по делу решения»¹.

В.К. Гавло, как и Д.В. Ким видят следственную ситуацию как результат, продукт взаимосвязи субъективного и объективного, а именно активного взаимодействия следователя с объектами, которые подлежат изучению в целях реализации начал уголовного судопроизводства².

¹ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия / под ред. проф. Н.П. Яблокова. Москва ; Калининград, 1997. С. 93.

² Гавло В.К. Понятие и классификация судебно-следственных ситуаций // Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты /

Наиболее верно представляется следственную ситуацию определять как «...объективно существующее в тот или иной момент исследования события, имеющего признаки определенного состава преступления, состояние дела, которое, будучи оцененным следователем (дознавателем, государственным обвинителем, судьей), позволяет принимать решение об использовании тех или иных криминалистических средств познания в целях реализации назначения уголовного судопроизводства»¹.

Рассматривая вопрос об объективных и субъективных факторах, обуславливающих возникновение и развитие следственной ситуации, Р.С. Белкин путем перечисления называет как объективные, так и субъективные обстоятельства².

Отдельно стоит отметить первые два фактора, выделяемые Р.С. Белкиным: психологическое состояние следователя, уровень его знаний и умений, практический опыт, способность принимать и реализовывать решения в экстремальных условиях; психологическое состояние лиц, проходящих по расследуемому делу³.

В связи с этим возникает вопрос о том, может ли психологическое состояние следователя являться элементом следственной ситуации, например, когда речь идет о месте самооценки следователя, опыта, знаний.

На наш взгляд, психологическое состояние следователя является элементом следственной ситуации. Так, самооценка проявляет себя, когда следователь обращается к лицу, обладающему специальными познаниями (при назначении экспертизы). Верным и обоснованным является включение в содержание следственной ситуации профессионального опыта следователя, а также его психологических качеств.

Определяя следственную ситуацию как совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, следует

В.К. Гавло, В.Е. Ключко, Д.В. Ким ; под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул, 2006. С. 81; Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистической ситуации в процессе раскрытия предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2009. С. 13.

¹ Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск, 2013. С. 68.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 139–140.

³ Там же.

говорить, помимо общей следственной ситуации, о выделении частной ситуации, к которой можно отнести субъективные факторы, обуславливающие не только возникновение, но и развитие того или иного объективно существующего положения дела.

А.И. Гавриляк

ПАРАДИГМА НОРМАТИВНОЙ ИСТИНЫ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ЕЕ НАВИГАТОРА В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Цель тезисов:

а) обнаружить точки пересечения, взаимодополнения, междисциплинарность философско-правовой методологии и общей теории криминалистики;

б) вбросить ключевые наработки нормативной истины в дискуссионное пространство методологов естественнонаучного, социально-гуманитарного, философско-правового и криминалистического познания.

1. Актуальность предложенной темы. Хорошо известно: и в эпистимологии, и в деятельности криминалистов проблема истины – «вечная» и ключевая. Исторически сформировался корпус ценных идей, взглядов, концепций в понимании истины. И тем не менее истина перманентно требует переосмысления, диктуемого вызовами современной философии права и общей теории криминалистики. Необходимо «не замыленным» взглядом откорректировать такие важные характеристики истины, как «отражение», «конструирование», «объективность», «интервальность». В настоящее время представляется вполне оправданным проблематизировать категорию истины. В пространстве проблематизации гносеологической концепции истины наш интерес – нормативный аспект истины, его базовые характеристики.

2. Проблемная ситуация в осмыслении нормативной истины. Анализ конкретики (исследовательской и эмпирической) выявляет содержание проблемной ситуации:

– в признании самостоятельности нормативного аспекта истины нет абсолютности; высказано обоснованное предложение пересмотреть понимание нормативной истины;

– в отечественной философско-правовой литературе наличествует ситуация «разрыва» между признанием эвристического потенциала нормативной истины и его теоретической и методологической неотрефлексивностью.

3. Специфика истины как нормы. Спросим: что специфицирует нормативный аспект истины, фиксирует его качественность? Конструктивными, на наш взгляд, индикаторами выступают: а) идея; б) отношения нормы.

4. Истина как идея. Будем иметь в виду понятие идеи в его конструктивном смысле: «идея есть форма постижения в мысли явлений объективной реальности, включающая в себя сознания цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира».

5. Нормативность истины. В современных исследованиях сложилось разное понимание нормативной истины. В наше исследование не входит специальный анализ имеющихся позиций. Поэтому предложим общие соображения, формирующие содержание нормативной истины.

Для характеристики социальной нормы используется морфологический анализ. Он вполне применим и к истине как норме.

Истина-норма имеет диспозицию и императив.

Диспозиция истины включает: онтологическое допущение, а именно «что такое истина?»; программы, образы действий.

Императив истины повелевает субъекту действовать в соответствии с диспозицией по строгой схеме: «чтобы добыть истину, надо действовать а, б, с...». Он достраивает до некоторой целостности содержание истины. Предложенные тезисы – площадка для междисциплинарных исследований методологов естественных и социально-гуманитарных наук, философии права и общей теории криминалистики.

П.В. Галушин

ВЫЯВЛЕНИЕ МИКРОГРУПП В СООБЩЕСТВАХ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ИНТЕРЕС ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, С ПОМОЩЬЮ МЕТОДОВ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Интернет и социальные сети являются частью обыденной жизни большей части населения развитых стран. По данным статистики,

65% жителей России выходят в интернет хотя бы раз в сутки¹, среди них 87% имеют учётные записи в социальных сетях². Эти тенденции приводят к тому, что объёмы оперативно значимой информации, циркулирующей в сети, постоянно растут.

Задача выделения совокупности учётных записей социальной сети, формирующих устойчивую и тесно связанную группу, представляется крайне актуальной. Она может использоваться, например, для определения «ядра» преступной группы.

В научной литературе встречаются разные подходы к решению этой задачи. Например, путём поиска полного подграфа (клики), т.е. такой совокупности учётных записей, где каждые две из них связаны друг с другом (например, являются друзьями)³. Однако для задачи поиска полного подграфа не известен эффективный алгоритм решения⁴. Кроме того, требование полноты видится слишком ограниченным. Целесообразным представляется рассматривать также «почти полные» подграфы. Методы решения этой задачи рассматривались автором ранее⁵. В данной работе анализируется иной подход, основанный на использовании агломеративного иерархического кластерного анализа⁶.

Исходными данными для алгоритма является список учётных записей социальной сети. В начале работы алгоритма каждая заданная учётная запись социальной сети образует отдельный кластер. Затем применяется следующая процедура: находится пара кластеров, наиболее близких друг к другу, и эти два кластера объединяются в

¹ Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 // Фонд «Общественное мнение» : сайт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322> (дата обращения: 20.01.2020).

² Онлайн-практики россиян: социальные сети // Фонд «Общественное мнение» : сайт. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 20.01.2020).

³ Выделение социально-устойчивых групп как задача поиска полного подграфа (на примере социальных сетей) : отчет о НИР (заключ.) / науч. рук. Е.Г. Смирнова. Омск : ОМА МВД России, 2013.

⁴ Алгоритмы: построение и анализ / Т. Кормен [и др.] ; под ред. И.В. Красикова. 2-е изд. М. : Вильямс, 2005. С. 1137.

⁵ Галушин П.В. Выявление латентных связей в социальных сетях в целях противодействия незаконному обороту наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 54–58.

⁶ Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности / С.А. Айвазян [и др.]. М. : Финансы и статистика, 1989. С. 249.

один кластер (объединяемые кластеры далее не учитываются). Эта процедура повторяется, пока и останется только один кластер (он будет включать все заданные учётные записи).

В качестве расстояния можно использовать следующую величину: количество друзей равно одной из двух рассматриваемых учётных записей, делённой на количество друзей хотя бы одной из рассматриваемых учётных записей.

Данное соображение приводит к необходимости разработки специализированного программного обеспечения анализа социальных сетей. Если метод анализа выполняется без непосредственного участия человека, пусть и продолжительное время, то его применение является целесообразным даже при малом количестве получаемой дополнительной информации. Возможная структура программной системы анализа социальных сетей рассматривалась автором ранее¹. Таким образом, задача поиска тесно связанных групп в социальных сетях является актуальной. Для её решения необходимы достаточно эффективные методы, которые могут быть реализованы в виде специализированного программного обеспечения.

В.С. Горшкова

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТУ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НАХОДЯЩИХСЯ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

По каждому факту безвестного исчезновения несовершеннолетних из специализированных мест проживания и (или) обучения, таких как детский дом, приют, интернат, общежитие, администрация указанных учреждений сообщает незамедлительно в дежурную

¹ Галушин П.В., Ефимов С.Н. Возможности автоматизации аналитической работы с информацией, размещённой в социальных сетях // Современные системы безопасности – Антитеррор : материалы конгресс. части X специализированного форума (28–29 мая 2014 г.) / отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск : СибОИУ ФСКН России, 2014. С. 169–171.

часть территориального подразделения полиции. На основании заявления (сообщения) в органе внутренних дел формируется следственно-оперативная группа для осуществления комплекса следственных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на розыск ребенка и установление всех обстоятельств произошедшего события (следователь Следственного комитета Российской Федерации, сотрудник оперативного подразделения (уголовного розыска отдела полиции), участковый уполномоченный полиции, инспектор по делам несовершеннолетних, понятые, сотрудник администрации или воспитатель (педагог) специализированного учреждения (детский дом, приют, интернат), кинолог со служебно-розыскной собакой, специалист).

Осмотр места происшествия по факту безвестного исчезновения лица, проживающего в специализированном учреждении, имеет свои особенности: следовая картина формируется на достаточно ограниченном пространстве, в котором трудно обнаружить и изъять следы, предметы и объекты, так как многие дети самовольно покидают учреждения, при этом забирают с собой все свои вещи. Повышению эффективности производства осмотра места происшествия, а также розыска ребенка по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних, проживающих в специализированных учреждениях, будут способствовать следующие рекомендации:

- перед производством осмотра места происшествия необходимо провести с участием педагога (психолога) опрос детей, совместно обучающихся и проживающих с пропавшим несовершеннолетним;

- необходимо осуществить производство осмотра места происшествия не только в специализированном учреждении, но и по месту жительства (регистрации) пропавшего ребенка;

- осмотр места происшествия необходимо производить не только в части комнаты, где проживал исчезнувший гражданин, но и во всей комнате, местах общего пользования – туалет, душ, ванная комната, а также прилегающей территории – подвальные помещения, чердаки, спортивный зал, подсобные помещения и пр.;

- в ходе производства следственного действия необходимо обнаружить и изъять: следы рук, объекты биологического происхождения, объекты с почерковым материалом, фотографии, иные предметы (сотовый телефон, сим-карты, планшет, справки и др.), служебную документацию с информацией, связанной с проживанием, уче-

бой, лечением ребенка, наблюдением педагогов, психологов за безвестно пропавшим, записей с камер видеонаблюдения, установленных в учреждении.

Таким образом, качественное и своевременное проведение осмотра места происшествия по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних, проживающих в специализированных учреждениях, позволит осуществить их быстрый поиск и возвращение, а также даст возможность использовать полученные фактические данные в построении версий, осуществлении розыска, а в необходимых случаях – при раскрытии и расследовании преступления, послужившего причиной указанного исчезновения.

Р.Г. Дранезо

НЕКОТОРЫЕ АТИПИЧНЫЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПО УБИЙСТВАМ, ГДЕ ОГОНЬ ВЫСТУПАЕТ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

За 2019 г. в Российской Федерации зафиксировано более 500 тыс. случаев пожаров, при этом такие причины, как «поджоги», «не установленные» и «прочие» занимают в сумме второе место¹. Основными причинами гибели людей в огне оказывались отравление токсическими продуктами горения и ожоговый шок. Это соответствует и нашим исследованиям, когда по убийствам, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, основными причинами гибели в огне оказывались отравление угарным газом, другими токсическими газами, ожоговый шок. Часть авторов отмечают высокую латентность убийств изучаемой категории, когда в 97–98% случаев по факту пожаров отказывают в возбуждении уголовных дел, в 82% случаев причины пожаров не устанавливаются². Другие авторы указы-

¹ Официальный интернет-портал МЧС России. URL: <http://www.mchs.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2020).

² Лантух Э.В. Методика расследования убийств, сопряженных с поджогом : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 1998. 154 с.

вают на укрывательство убийств, включая убийства, замаскированные под неосторожное обращение с огнем¹.

Неочевидность и неопределенность убийств изучаемой категории связана как с многообразием общих следственных версий, так и с отсутствием на начальном этапе сведений о лицах, причастных к совершению преступления, трудности в опознании потерпевшего, многообразии «следовой картины» на месте происшествия, помимо типовых, порождает атипичные оперативно-розыскные ситуации (ОРС). Атипичные следы оставляют атипичные преступники. Эмпирическая база исследования показала, что в качестве атипичных преступников выступают так называемые наемные факелы и отчасти лица, склонные к актам пиромании. По механизму слеодообразования нам удалось поделить «наемных факелов» на три типа в зависимости от того, действуют ли последние в составе преступной группы, и от уровня профессионализма (криминальной специализации). К атипичным следам (появление которых статистически и логически не прогнозируется) по убийствам изучаемой категории отнесем: удавку либо следы от нее, под действием высоких температур и золы фиксацию потожирового следа, подпорку, красную материю, следы, указывающие на создание необходимых условий для полного сжигания тела потерпевшего, следы, указывающие на инсценировку несчастного случая, и т.д.

Сформулируем нулевую гипотезу: нетипичные следы, оставляемые преступником на месте происшествия, а также нетипичные изменения, обнаруживаемые при внутреннем исследовании трупа потерпевшего, подвергнутого действию высоких температур, позволяют своевременно установить атипичные ОРС, возникающие по убийствам изучаемой категории, выбрать оперативно-розыскные мероприятия и определить тактические особенности их проведения.

Как показала эмпирическая база, атипичные ОРС можно классифицировать в зависимости от: 1) следов, указывающих на профессиональный уровень «наемного факела», который сжигает труп, делая его непригодным для проведения экспертиз (например, помещает

¹ Протопопов А.Л. Расследование серийных убийств. СПб. : Дом СПбГУ, 2006. С. 246; Акопов В.И. Криминальная смертность: искажения и ошибки статистики // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 10–14; Lysova A. Challenges to the veracity and the international comparability of Russian homicide statistics // European Journal of Criminology. 2018. № 1(21). и др.

труп на искусственно созданное ложе из горючих материалов), либо на инсценировку несчастного случая (например, следы имитации неисправностей в электропроводке); 2) следов, указывающих на то, что «наемные факелы» действуют в составе преступной группы; 3) атипичных следов; 4) атипичных судебно-медицинских особенностей обгоревшего трупа (например, низкое содержание в крови НbСО, появление в крови гаптоглобина и НbF и т.п.).

В.В. Егшин

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СОКРЫТИЯ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В процессе совершения преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», ст. 258.1 УК РФ «Незаконные добыча и оборот водных биологических ресурсов», преступники зачастую принимают меры к сокрытию посягательств на виды, занесенные в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемые международными договорами Российской Федерации. Одним из способов сокрытия преступлений в данном случае является сокрытие информации о самом событии преступления, в связи с этим указанные преступления, несомненно, являются высоколатентными.

В ряде случаев браконьеры используют удаленность места и факторы непогоды, что существенно затрудняет выявление фактов правонарушений. Например, граждане П. и Ч. в течение нескольких суток во время непогоды, используя лодку с мотором и ставную сеть, вылавливали семгу и беломорскую сельдь в Онежском заливе Белого моря напротив устья реки Малошуйка, которая является миграционным путем указанной рыбы¹.

Нередко преступники маскируют свои действия под отдых на берегу, а также под законную рыбную ловлю, используя при этом разрешенные средства вылова, иногда комбинируя их вместе с запре-

¹ Уголовное дело № 11240225. Архив УМВД России по Архангельской области.

ценными. Так, граждане М. и Б., используя моторную лодку «Крым», донные удочки, самоловы, ставные сети на реке Кеть, в районе с. Копыловка Колпашевского района Томской области незаконно добыли рыбу ценных пород: 15 экземпляров стерляди и 85 экземпляров молоди сибирского осетра, занесенного в Красную книгу Российской Федерации¹.

При этом известны случаи многократного использования путевок, а также лицензий на добычу отдельных видов рыб. Незаконно же добытая рыба (или ее части) прячется браконьерами в тайниках, устроенных как на берегу, так и непосредственно в водоемах, например, в садках, в мешках и т.д.

Например, неустановленные лица незаконно добыли, а затем спрятали на протоке Ларинской старицы, расположенной в устье реки Обь в Александровском районе Томской области, рыбу ценных пород: 15 экземпляров стерляди и 76 экземпляров молоди сибирского осетра, занесенного в Красную книгу Российской Федерации².

Конечно, в ряде случаев сами незаконные орудия лова заблаговременно маскируются и обнаружить их сотрудникам рыбнадзора и органов внутренних дел крайне затруднительно. Так, сотрудниками рыбнадзора на реке Обь в Молчановском районе Томской области были обнаружены самоловы в количестве 42 штук, на которых находилась рыба ценных пород: 118 экземпляров стерляди и 5 экземпляров молоди Сибирского осетра в жизнеспособном состоянии³.

Пойманная рыба преступниками зачастую тут же перерабатывается и реализуется. Например, гражданка З., не имея лицензии и других документов, подтверждающих законность вылова, в районе Пивзавода продавала жителям города Томска копченую рыбу ценных пород: 9 экземпляров молоди стерляди и 2 экземпляра молоди сибирского осетра⁴.

Следует также отметить, что браконьеры нередко комбинируют указанные выше способы сокрытия информации о событии преступления.

¹ Уголовное дело № 81649 // Архив УМВД России по Томской области.

² Уголовное дело № 2007/102 // Архив УМВД России по Томской области.

³ Уголовное дело № 2007/40 // Архив УМВД России по Томской области.

⁴ Протокол № 094990/91 // Архив Управления Россельхознадзора по Томской области.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ВЕДЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Актуальность темы обусловлена тем, что преступлений, связанных с нарушением специальных правил на строительных объектах, становится все больше, однако четкий алгоритм следственных мероприятий для лиц, производящих расследование по данной категории дел, не всегда понятен.

Как правило, после получения сообщения об указанном преступлении следователь производит осмотр места происшествия на строительном объекте. Нередко событие преступления связано с работой сложных механизмов, машин и т.д., функциональные и конструктивные особенности которых следователь может не знать, поэтому рекомендуется привлекать для осмотра места происшествия в качестве специалиста работника Ростехнадзора, Рострудинспекции (в зависимости от ситуации). Кроме того, большое значение имеет своевременное изъятие соответствующей документации, что целесообразно производить как в рамках осмотра места происшествия, так и отдельно, в качестве выемки, поскольку лица, ответственные за проведение строительных работ, часто пытаются скрыть необходимые документы или предоставить их как можно позднее, чтобы внести в них исправления, поправки, дописки.

С целью выяснения вопроса о том, какие и кем были допущены нарушения, необходимо затребовать у органов Ростехнадзора, Рострудинспекции необходимые документы, нередко следует назначать и проводить соответствующую экспертизу (судебную строительно-техническую экспертизу, судебную экспертизу промышленной безопасности и т.д.). От правильности поставленных для проверки или экспертного исследования вопросов зависит полнота, всесторонность и объективность расследования уголовного дела. Поэтому перед их проведением необходимо допросить (опросить) в качестве специалистов лиц, обладающих определенными познаниями в определенной области строительства.

Как правило, выявляется большое количество различных нарушений отраслевого законодательства. Задача следателя – опреде-

лить, какие правила были нарушены (правила охраны труда, правила безопасности при ведении строительных, горных или иных работ и т.д.), поскольку от этого зависит квалификация деяния. Кроме того, определенную сложность представляет установление причинной связи между конкретными нарушениями правил и наступившими последствиями. Нередко возникают сложности установления вины в случаях пересекающихся профессиональных полномочий либо в случаях обоюдной вины. Грамотное решение указанных проблем является залогом успешного расследования уголовного дела.

И.В. Иванов

О КРИТЕРИЯХ ВЫБОРА ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ЕГО УЧАСТИЕМ

Сведения о личности подозреваемого (обвиняемого), получаемые следователем из различных источников, могут обладать различной степенью достоверности. Вместе с тем особое место среди таких источников занимают следственные действия, в ходе которых личностная информация о подозреваемом (обвиняемом) может быть получена непосредственно от названного субъекта. Это становится возможным в ситуации вовлечения подозреваемого (обвиняемого) в следственное действие в качестве его самостоятельного участника. Выбор тактических приемов, которые могут быть пригодны для решения задачи сбора достоверных сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), осуществляет следователь, опираясь на криминалистические рекомендации, исходя из конкретной следственной ситуации. В связи с вышеизложенным представляют интерес критерии практического выбора тактических приемов, которыми преимущественно руководствуются следователи.

В ходе анкетирования следователей МВД РФ было предложено выбрать из числа тактических приемов такие, которые могут быть использованы в качестве средств изучения личности подозреваемого

(обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием. При этом количество выбранных приемов не ограничивалось. Кроме того, допускалось называние иных способов действия следователя, дополняющих предложенный список тактических приемов.

Лидирующую позицию по частоте упоминания (57%) занял прием «предложение подозреваемому (обвиняемому) собственноручно изложить свои показания». Также наиболее частое упоминание получили следующие приемы: «наблюдение за реакциями подозреваемого (обвиняемого) в ответ на внезапно поставленный следователем вопрос» (56%), «предложение подозреваемому (обвиняемому) объяснить характер его взаимоотношений с потерпевшим» (53%), «предложение подозреваемому (обвиняемому) объяснить причины его поведения в момент совершения преступления» (52%), «наблюдение за реакциями подозреваемого (обвиняемого) в ответ на внезапное предъявление вещественного доказательства» (50%).

Анализ полученных данных указывает на наибольшую предпочтительность у следователей тех тактических приемов, которые связаны с возможностью изучить личность подозреваемого (обвиняемого) через его отношение к расследуемому событию и его участникам. Об этом свидетельствует частота упоминания вышеуказанных приемов, связанных с изложением показаний о событии, о взаимоотношениях с потерпевшим, о поведении лица в момент совершения деяния, о его отношении к возможным уликам. Данный вывод подтверждается также тем, что 79% респондентов среди множества сведений об отношении подозреваемого (обвиняемого) к различным аспектам преступного деяния и расследования указали на наибольшую значимость отношения лица именно к расследуемому событию (для сравнения: на отношение подозреваемого (обвиняемого) к факту расследования в качестве значимого в тактическом плане обстоятельства указали только 33% респондентов). Приемы, сориентированные на получение сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) вне связи с расследуемым событием, в частности в связи с фактом расследования, были отмечены существенно реже (например, прием «наблюдение за реакциями подозреваемого (обвиняемого) в ответ на внезапную смену следователем стиля или темпа допроса» упоминают лишь 38% респондентов). Значимость приемов, строящихся на факторе неожиданности, как представляется, кроется в неразрывности оперирования следователем как положениями кри-

минальной ситуации, так и следственной ситуации. Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о большей готовности следователей к использованию приемов, ориентированных на установление связи подозреваемый (обвиняемый) – расследуемое событие, нежели подозреваемый (обвиняемый) – ситуация расследования.

А.С. Князьков

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ СЛЕДСТВЕННОГО РОЗЫСКА

Розыскная деятельность следователя с точки зрения системного подхода представляет собой сложную по характеру правоохранительную деятельность, направленную на отыскание известных, установленных объектов, в которой находит отражение участие следователя в реализации функций расследования и розыска как основных форм борьбы с преступностью, включающую выполнение специфических в функциональном смысле следственных действий, иных процессуальных действий, розыскных мероприятий (организационно-технических действий), каждое из которых (а не только следственные действия) имеет поисково-познавательный характер¹.

Классификация розыскной деятельности следователя чаще всего проводится по двум основаниям:

а) в зависимости от объекта розыска различают розыск известных живых лиц, вещественных доказательств, трупов и их частей, иных объектов;

б) в зависимости от территории, на которой ведется поиск установленных объектов, называют местный розыск и розыск в масштабах всей страны². В настоящее время можно назвать межгосударственный (в пределах территории Содружества независимых государств) и международный розыски.

Очевидно, можно вести речь и о других классификациях следственного розыска, например, в зависимости от процессуального

¹ Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. С. 797.

² Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1987. С. 19.

положения разыскиваемого лица, целей следственного розыска, состояния уголовного дела, по которому проводится розыскная деятельность следователя, в зависимости от сопряжения розыскной деятельности следователя и оперативно-розыскной деятельности.

Однако нельзя не заметить, что эти и иные называемые в криминалистической литературе виды следственного розыска базируются в большей степени на положениях следственной ситуации, в то время как значительно меньшее внимание уделяется видам следственного розыска, ориентированным на положения криминальной ситуации. Разумеется, в рамках единой теории (криминалистической ситуалогии) положения криминальной ситуации и следственной ситуации неразрывно связаны¹; однако это не мешает рассматривать их и в доктринальном, и в практическом планах, раздельно.

Возвращаясь к классификации видов розыскной следственной деятельности, основанных на криминальной ситуации, представляется возможным выделить два вида следственного розыска:

– следственный розыск, основанный на достоверных сведениях о том, что отыскиваемые объекты возникли как результат совершения определенного преступления;

– следственный розыск, в основу которого положены сведения ориентирующего характера, позволяющие выдвинуть версию о том, что исчезновение отыскиваемого объекта, которым чаще всего является человек, связано с совершением в отношении него преступления, не позволяющего ему сообщить правоохранительным органам о своем исчезновении (убийство, похищение и т.п.)

Можно увидеть существенные отличия в предпосылках организации и проведения того и другого видов следственного розыска, которые должны находить максимально развернутое изложение при решении проблемы названного вида криминалистической деятельности.

¹ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 94–130.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ ИЗ ЖИЛИЩА

Решение проблем подготовки проверки показаний на месте при расследовании краж из жилища требует учета тактико-криминалистического своеобразия проверки показаний на месте, получающего выражение в применении взаимосвязанных тактических приемов, реализуемых, кроме указанной стадии, также на стадии непосредственного выполнения поисково-познавательной деятельности, а также на стадии фиксации хода и результатов следственного действия. Специфический комплекс тактических приемов любого, в том числе названного следственного действия позволяет в криминалистическом плане отграничивать одно следственное действие от другого¹, а тактическую деятельность следователя – от его уголовно-процессуальной деятельности, характеризующей подготовку, производство того или иного следственного действия и фиксации его хода и результатов. В любом случае тактическое своеобразие стадии подготовки и стадии фиксации хода и результатов будет зависеть от её центральной стадии, на которой реализуются криминалистические цели следственного действия, состоящие в криминалистическом анализе причинно-следственных и иных связей между элементами криминалистической характеристики преступления² (применительно к настоящей работе – кражи из жилища). Очевидно, что достижение отмеченных целей составляет предметное содержание поисково-познавательной деятельности следователя.

Существование в числе тактико-криминалистических целей рассматриваемого следственного действия необходимости анализа всех взаимосвязей, в которой задействуется такое обстоятельство, как подготовка к совершению умышленного преступления, делает своеобразным время начала исследовательской стадии проверки показа-

¹ Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 29.

² Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. С. 480–481.

ний на месте, которая, как известно, начинается с предложения проверяемому назвать исходную точку, с которой будет осуществляться движение к месту, где предположительно происходили противоправные действия, совершаемые подозреваемым (обвиняемым), защитные действия (либо бездействие в силу определенных причин) потерпевшего и наблюдаемые действия свидетелями-очевидцами.

Нельзя не подчеркнуть при этом, что этап движения к отмеченному месту как части стадии непосредственного его исследования, помимо поисково-познавательного значения, имеет еще значение для подтвержденности объективности производства расследования, свободного, без принуждения, волеизъявления проверяемого лица участвовать в этом следственном действии. Для сравнения можно указать на такую разновидность допроса, как допрос на месте: в последнем случае поисково-познавательная часть этого следственного действия (стадия непосредственного исследования) начинается после прибытия на выбранное место и проведения необходимых подготовительных к началу такого допроса действий. Невключение в непосредственную исследовательскую часть самого процесса движения к этому месту нередко ведет к возникновению у стороны защиты аргумента о применении к допрашиваемому лицу психического или физического принуждения. В этом случае возникает вопрос о процессуальной возможности видеофиксации передвижения участников допроса на месте к выбранному месту.

В заключение следует сказать, что наибольшее значение имеет подготовка, касающаяся преодоления неблагоприятных условий многолюдности, транспортной загруженности, освещенности, существующей опасности для участников следственного действия. Выбор скорости движения автотранспортного средства надо связать с возможностью восприятия проверяемым фрагментов местности, которые он воспринимал в ходе реального продвижения к месту, с затруднениями, возникающими в случае необходимости остановиться с тем, чтобы проверяемое лицо могло указать на тот или иной фрагмент и рассказать о том, что оно делало и наблюдало на нем.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ

Как было отмечено выдающимся ученым-криминалистом В.К. Гавло, методике расследования отдельных видов преступлений как заключительной части криминалистики отводится ведущая роль, поскольку она содержит научно разработанные системные рекомендации по раскрытию, расследованию и профилактике мерами следователя отдельных видов (групп) преступлений, отражая их особенности. Эти системы-рекомендации отражают высокий уровень достижений криминалистической техники и следственной тактики и реализуются именно через методику при расследовании конкретных уголовных дел¹.

Криминалистическая методика представляет собой целостную часть криминалистики, изучающую криминальный опыт совершения отдельных видов преступлений и практику их расследования, а также разрабатывающую на основе познания криминальных закономерностей и закономерностей расследования систему наиболее эффективных методов расследования и предупреждения разных видов преступлений².

В структуру криминалистической методики общепринято включать следующие основные элементы: 1) криминалистическую характеристику преступлений данного вида (группы); 2) обстоятельства, подлежащие установлению; 3) особенности возбуждения уголовного дела; 4) типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования; 5) алгоритмы первоначальных следственных действий и ОРМ; 6) выдвижение версий и планирование расследования; 7) следственные ситуации и программы дальнейшего этапа расследования; 8) тактику производства отдельных следственных действий; 9) особенности использования в расследовании специальных знаний; 9) профилактические действия следователя³.

¹ Гавло В.К. Избранные труды / сост. В.В. Сорокин, Н.А. Дудко. Барнаул : АГУ, 2011. С. 143.

² Яблоков Н.П. Криминалистика : учебник. М. : Юрайт, 2011. С. 217.

³ Криминалистика : учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2011. С. 340.

С учетом того что ОРД, как принято говорить, «отпочковалась» от криминалистики и трансформировалась в самостоятельную отрасль научных знаний, в оперативно-розыскной методике выявления и раскрытия преступлений заимствованы фундаментальные положения и элементы криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений, поскольку любое преступление невозможно раскрыть, предварительно не расследовав его по существу. В данном случае не являются исключением и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Таким образом, к оперативно-розыскной методике выявления и раскрытия наркопреступлений можно отнести следующие элементы: 1) оперативно-розыскную характеристику преступлений, связанных с НОН; 2) типовые оперативно-розыскные ситуации, возникающие при выявлении и раскрытии наркопреступлений; 3) возможности использования результатов ОРД при возбуждении уголовных дел и использования в доказывании по уголовным делам рассматриваемой категории; 4) алгоритмы проведения ОРМ по документированию наркопреступлений; 5) использование специальных знаний и содействия специалистов при проведении ОРМ; 6) организационно-правовые и оперативно-тактические особенности проведения ОРМ по преступлениям данной категории; 7) особенности проведения общей и индивидуальной оперативно-розыскной профилактики наркопреступлений.

Безусловно, что для частных оперативно-розыскных методик отдельных видов наркопреступлений, к которым относятся такие, как незаконный сбыт наркотических средств, контрабанда наркотиков, организация и содержание наркопритонов, производство наркотиков, легализация наркодоходов, могут быть выделены и дополнительные элементы.

В.Д. Кругликов

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ
ОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ
РАССЛЕДОВАНИЯ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ,
СОВЕРШЕННОГО ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ
АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ
(ст. 158.1 УК РФ)**

В настоящее время в криминалистике устоявшимся является взгляд на необходимость использования метода классифицирования как познавательного инструмента, используемого для создания технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических средств¹. В практической деятельности, как подчеркивают отдельные авторы, именно криминалистические основания классификации преступлений фактически позволяют следователю разобратся в сложных обстоятельствах произошедшего, обеспечить соби- рание доказательств и иной криминалистически значимой информации, достаточных для определения уголовно-правового вида расследуемого преступления и быстрейшего решения всех задач его раскрытия².

Опираясь на положения криминалистической классификации преступлений, следует иметь в виду, что при разработке криминали- стических методик расследования преступлений нужно руковод- ствоваться теоретическими положениями науки уголовного права, поскольку любые частные криминалистические методики, касающи- еся расследования отдельных преступлений либо их групп, посвя- щенные криминалистической деятельности на нескольких её этапах

¹ Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Крас- ноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. С. 53–73; Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современ- ном этапе развития криминалистики : дис. ... д-ра юрид. наук. Тула, 2002. С. 9– 14; Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 64–88.

² Яблоков Н.П. Криминалистическая классификация преступлений в мето- дике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2015. № 5. С. 43.

либо в целом в досудебном производстве, а кроме того – и в судебном следствии, предполагают знания о субъекте преступления, предмете преступного посягательства, способах совершения преступлений и иных обстоятельствах, находящих свое выражение в диспозиции соответствующих статей Уголовного кодекса России.

Особое значение имеет криминалистическое классифицирование для разработки новых для науки и практики методик, посвященных расследованию преюдициальных преступлений, к которым отнесено преступление, названное в ст. 158.1 УК РФ. Полагаем, что для целей разработки частной криминалистической методики мелкого хищения значимыми будут следующие классификации:

1. В зависимости от способа совершения преступлений: кража; мошенничество; присвоение и растрата.

2. В зависимости от места совершения преступления: промышленные предприятия; торговые организации (залы магазинов самообслуживания); складские помещения; жилые помещения; открытая местность; иные места.

3. По субъекту совершения преступления: в зависимости от возраста лица, совершившего преступление; в зависимости от социального статуса лица, совершившего преступление, в том числе в зависимости от должностного (профессионального) положения названного лица; в зависимости от наличия у лица судимости; иных, кроме названных в ст. 7. 27 КоАП РФ, административных наказаний.

Т.К. Кужугет

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ УПЛАТЫ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ

В действующем законодательстве уголовная ответственность за неуплаты страховых взносов предусмотрена в ст. 198, 199, 199.2, 199.3 и 199.4 УК РФ¹.

¹ Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды».

Юридический состав страховых взносов опосредует формирование налога. Схему формирования структурных элементов налогообложения называют по-разному: в учебнике налогового права под редакцией С.Г. Пепеляева процесс налогообложения проходит как «Закон о налогах»; в трудах И.И. Кучерова – как «анатомия налога»; в положениях ст. 17, 38, 53–58 НК РФ – как «элементы налогообложения»; в постановлении Конституционного Суда – как «существенные элементы». Эта закономерность должна быть учтена при расследовании страховых взносов.

Особенность расследования преступления данной категории уголовных дел заключается в систематизации криминалистически значимых информации с учетом закономерностей формирования юридического состава страховых взносов: плательщик страхового взноса; объект обложения; база обложения; период обложения; льготы обложения; ставка обложения; порядок исчисления взноса; порядок и сроки уплаты взноса.

В этой связи при проведении следственных действий допущенные заведомо ложные сведения искать в структурных элементах страховых взносов. Например:

1. Кто допускал искажение данных в отчетности от нормы законодательства страховых взносов?
2. Какие объекты обложения не отражены в документах налогового учета и отчетности?
3. Произошло ли занижение страховой базы?
4. В какой страховой период должны быть исчислены плательщиком виды страховых взносов и в каком объеме?
5. Правильно ли применены ставки страховых взносов?
6. Обоснованно ли применены положенные льготы по страховым взносам?
7. Какие нарушения допущены при исчислении суммы страховых взносов?
8. Нарушены ли порядок и сроки уплаты страховых взносов?

Предложенная структура криминалистической характеристики предварительного расследования преступлений раскрывает ее содержание и состоит из следующих элементов: а) оценки информации как деятельности, направленной на определение содержания следственных ситуаций; б) анализа информации как деятельности, направленной на определение содержания следственных версий;

в) использования информации как деятельности, направленной на определение содержания следственных действий.

Результаты предложенного алгоритма следственных действий могут внести определенный вклад в разработку научно обоснованной методики расследования преступлений данной категории уголовных дел.

Е.С. Мазур

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время число проблем теории и практики расследования ятрогенных преступлений в отечественной криминалистике остается весьма высоким¹, в частности, немалое их число связано с процедурой назначения и производства судебно-медицинской экспертизы. Прежде всего, к ним относятся проблемы:

- определения порядка и условий ее назначения и производства;
- комиссионного характера данной экспертизы (что влечет необходимость включения в состав комиссии экспертов соответствующего профиля);
- установления причинно-следственной связи между наступившим неблагоприятным исходом и действиями (бездействием) медперсонала.

В целом на сегодняшний день отсутствует должное научно-методическое обеспечение расследования ятрогенных преступлений. Следственный аппарат не располагает необходимыми методическими рекомендациями по эффективному применению криминалистических средств, методов и приемов раскрытия и расследования таких преступлений. Вместе с тем современный уровень развития криминалистической теории, а также накопленная следственная практика позволяют сформировать на научной основе целостную методику расследования ятрогенных преступлений.

¹ Ятрогенные преступления: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический аспекты / Н.А. Подольный, Г.П. Кулешова, Е.А. Коваль, А.В. Матюшкина, Н.Н. Подольная. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 168.

Построение названной методики осложняется спецификой уголовно-правовой и криминалистической характеристики ятрогенных преступлений: сложностями установления субъекта, субъективной стороны, механизма преступления – элементов, закладывающих основу для формирования соответствующей частной криминалистической методики.

Механизм преступления, помимо сведений о типичных признаках и свойствах преступления, позволяет получить представление о преступной деятельности как целостной динамичной системе, отражающей стадии совершения преступления, информацию о функциональных действиях участников события. Специфика типичной модели механизма ятрогенных преступлений определяется в первую очередь обстоятельствами, подлежащими доказыванию: мотивом преступления; личностью преступника; личностью потерпевшего; причинением смерти или вреда здоровью путем действия или бездействия медработника; обстановкой события; местом преступления.

В основу методики расследования ятрогенных преступлений должны быть положены: понятие и признаки данных преступлений; обстоятельства, подлежащие доказыванию; типичная модель механизма преступлений; типовые программы первоначального и последующих этапов расследования; особенности тактики отдельных следственных действий; деятельность по преодолению противодействия расследованию указанных преступлений.

Типовые программы расследования ятрогенных преступлений будут являться источником информации о целях и задачах, стоящих перед субъектом расследования, о средствах, методах и приемах их достижения – применительно к типичным следственным ситуациям. Типовые программы представляют собой комплекс возможных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, тактических и процессуальных решений, применение которых допустимо в сложившихся следственных ситуациях.

Таким образом, актуальность вышеназванных проблем заключается как в объективной необходимости получения системы научных знаний о преступлениях против личности, совершаемых медицинскими работниками, о проблемах практики их раскрытия и расследования, так и в разработке методики расследования данных преступлений с учетом особенностей развития современной медицины. В настоящий момент нет сомнений в том, что методика расследова-

ния ятрогенных преступлений, ориентированная на современные условия следственной практики, изменившиеся правовой режим и социальные отношения, является востребованной.

О.С. Мигунов

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматривая неосторожную преступность, хотелось бы отметить, что она относится к отрицательному социальному явлению, проявляющемуся в сочетании преступлений, совершенных под влиянием ситуативного фактора и отдельных качеств личности преступника. Последний, совершая неосторожное преступление, не осознает общественной опасности своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен и может это осознавать¹.

Изучая неосторожные преступления с разных позиций наук уголовно-правового цикла, а именно: уголовно-правовой, криминологической, уголовно-процессуальной и криминалистической, стоит отметить, что характеристика отмеченных преступлений зависит от предмета изучения соответствующей науки. Уголовно-правовая характеристика опирается на фактор общественной опасности, противоправности и виновности. Криминологическая характеристика основывается на условиях совершения преступления и их причинах. Уголовно-процессуальная характеристика сводится к кругу обстоятельств, подлежащих доказыванию. Криминалистическая характеристика строится по закономерностям механизма преступления и возникновения информации о нем, его участниках, а также закономерностям собирания, исследования, оценки и использования доказательств и позволяет выработать научно обоснованный комплекс мер по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>

Во многом та часть единого для перечисленных наук объекта, т.е. преступления, которую изучает криминалистика, получает свое выражение в криминалистической характеристике преступления.

Разработкой криминалистической характеристики преступления занимались видные ученые-криминалисты Р.С. Белкин, Л.В. Бертовский, А.В. Варданян, А.Н. Васильев, И.А. Возгрин, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимов, А.Ю. Головин, С.И. Коновалов, А.М. Кустов, В.П. Лавров, В.А. Образцов, Н.П. Яблоков и др.

Все они подчеркивают главное содержание криминалистической характеристики как суммы сведений, которые могут быть полезными как для самой криминалистической методике, так и для конкретной практической деятельности органов расследования, причем речь идет о структурированных в доктринальном плане знаниях, позволяющих совокупность соответствующих положений считать криминалистическим учением¹.

Рассматривая криминалистическую характеристику неосторожных преступлений, хотелось бы отметить, что, в отличие от криминалистической характеристики умышленных преступлений, здесь отсутствует такой ее элемент, как способ подготовки преступления. В информационном плане главным элементом данной характеристики является механизм преступления, в котором получает свое выражение причинно-следственная связь.

Криминалистическая характеристика неосторожных преступлений как система элементов имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда известны взаимосвязи и взаимозависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в соответствующих параметрах.

Именно в направлении отыскания проявлений взаимодействия между элементами криминалистической характеристики неосторожных преступлений и должны проводиться исследования, посвященные формированию методик их расследования.

¹ Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. С. 864.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ», В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА О БЕЗОПАСНОМ ИНТЕРНЕТЕ

Вступивший в действие с 1 ноября 2019 г. закон о «безопасном интернете»¹ породил немало слухов и возмущений общественников по поводу вводимой цензуры информационного пространства интернета. Однако вопрос состоит в том, что мероприятия предусматривают комплекс мер, ограничивающих доступ к противоправной информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Предлагается рассмотреть возможные преимущества от реализации данного закона для правоохранительных органов в целях противодействия преступлениям, совершаемым с использованием сети «Интернет».

Обозначенные преступления объединяет использование технологий телекоммуникаций и интернет-сервисов, которые базируются на основных принципах маршрутизации данных в глобальных сетях. Таким образом, явных отличий между обычными пользователями и правонарушителями нет, сеть «Интернет» выступает инструментом совершения преступных деяний. Поэтому основными задачами противодействия такого рода преступлениям являются:

- выявление и установление точек коммутации абонентских компьютерных устройств правонарушителей;
- ограничение распространения противоправного контента и блокирование интернет-сервисов, способствующих этому;
- документирование фактов преступных действий и т.п.

Кратко перечислим основные мероприятия, осуществляемые в рамках рассматриваемого закона:

- учет всех узлов маршрутизации трафика операторов связи;

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федер. закон Российской Федерации от 01.05.2019 № 90-ФЗ.

– установка устройств централизованного управления фильтрацией трафика на каналах провайдеров;

– постепенный переход на российские сервера доменных имен.

Предполагается, что механизм блокирования противоправной информации будет реализован на базе систем глубокого анализа трафика (DPI). Данная технология имеет высокий потенциал для извлечения потоковых данных¹. Исходя из этого, можно предположить, какие технические возможности будут предоставлены для раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет», а именно:

– эффективное блокирование интернет-ресурсов, сервисов и мессенджеров, не соблюдающих российское законодательство;

– контроль децентрализованных сетей и их пользователей в едином масштабе пространства и времени;

– мониторинг и детальный анализ трафика сетей провайдеров.

Однако не следует преувеличивать возможности, которые к тому же пока практически не реализованы. Опытная эксплуатация DPI систем фильтрации трафика в настоящий момент осуществляется только в Уральском федеральном округе.

К проблемным вопросам следует отнести:

– высокую стоимость DPI систем;

– сложность их конфигурирования и управления;

– неясную возможность согласования устанавливаемого оборудования с имеющимися системами поддержки оперативно-розыскной деятельности.

Тем не менее новый закон является современным и новаторским, главная цель которого – как условия безопасности российского общества и государства обеспечение комплексной безопасности российского интернета.

¹ Молоков В.В. Возможности технического противодействия распространению идеологии терроризма в рамках реализации законопроекта о суверенном интернете // Современные системы безопасности – Антитеррор : материалы конгресс. части XV Всерос. специализир. форума. Красноярск, 2019. С. 161–164.

РОЛЬ УЧЕНИЯ Н.А. БЕРНШТЕЙНА В РАЗВИТИИ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ

Криминалистическая наука исходит из того, что человек – это целостная система, состоящая из взаимодействующих элементов, поэтому любое его движение является поэтапным действием элементов структуры отдельного акта. Каждый из элементов выполняет свою роль в формировании (осуществлении) отлаженного механизма, приводящего к единому результату – точному выполнению движения. Весьма обстоятельно физиологическую структуру поведенческих актов, основываясь на теории функциональных систем, разработал Н.А. Бернштейн. Существенным моментом концепции учебного является тот факт, что двигательная задача выполняется не постоянной, фиксированной, а варьирующейся совокупностью движений, которая все же приводит к постоянному эффекту, результату. Благодаря такой организации происходит экономия энергии человека, прежде всего психической, при выполнении автоматизированных движений.

В своей работе «О построении движений» Н.А. Бернштейн проводит анализ одного из наисложнейших в плане координационного построения навыков – навыка письма, основываясь на структурном принципе построения каждого из движений¹. Так, низший из координационных уровней построения движений (уровень **A**) обеспечивает общий тонический фон пишущей конечности и всей рабочей позы при написании. Уровень **B** обеспечивает плавную округлость движения и его временный (ритмический) узор. Уровень **C** состоит из двух функционально слитых подуровней: **C1** и **C2**. Подуровень **C1** вносит в акт письма элементы «прилаживания» к пространству, такие как реализация движения кончика пера по поверхности бумаги вдоль действительных или воображаемых линеек, держание орудия письма и т.д. При помощи верхнего подуровня **C2** осуществляется геометрическая, начертательная сторона письма: происходит выполнение контуров букв и соблюдение весьма значимого для почерковедческих исследований геометрического подобия изображаемых

¹ См.: Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947. С. 134–138.

букв некоторым общим стандартам данного лица, которые воспроизводятся им одинаково при различных масштабах письма, разных позах и орудиях письма (сидя, стоя, пером, мелом и т.п.). Уровень действий **Д** обеспечивает возможность полновесного автоматизированного использования фоновых уровней. Он организует графические координации. Отражается смысловая сторона действий с предметом (в случае с письмом – правильное владение ручкой, карандашом). Уровень **Е** лежит вне уровня действий и отвечает за смысловую сторону письма.

В организации сложных движений, по мнению Н.А. Бернштейна, участвуют сразу несколько уровней. Тот, на котором строится данное движение, называется ведущим, остальные – нижележащие уровни. В сознании человека представлены только те компоненты движения, которые строятся на ведущем уровне; работа нижележащих уровней, как правило, не осознается¹. Если происходят нарушения в рамках какого-либо из уровней, это отражается на системе в целом. В случае с почерком изменения появляются в самом письме, поэтому, изучив и проанализировав их, можно выделить причины такого нарушения (так называемые сбивающие факторы).

Таким образом, криминалистическое значение учения Н.А. Бернштейна заключается в установленной им индивидуальности почерковой системы движений. Основываясь на процессах нервной системы, почерк каждого реагирует на изменения состояния пишущего и обстановки выполнения письма, что непременно отражается в рукописи и позволяет решать диагностические задачи. Данное положение является одним из базовых принципов построения современных методик почерковедческих исследований.

¹ Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию : курс лекций. М., 1988. С. 142–143.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЛИЦА, ПРИЧАСТНОГО К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА

В 2019 г., в период с января по октябрь из 1 720,7 тыс. зарегистрированных преступлений не раскрыто 697,6 тыс., при этом 680,7 тыс. преступлений остались нераскрытыми по причине неустановления лица, их совершившего¹. Не меняет положение дел и низкая раскрываемость преступлений, при которых в ходе его совершения был непосредственный контакт преступника и потерпевшего.

Немаловажной причиной такого неблагоприятного положения дел, на наш взгляд, является недостаточное использование следователями и оперативными сотрудниками знаний о внешнем облике человека, позволяющих осуществлять эффективную деятельность по установлению и розыску лиц, причастных к совершению преступления, именно по признакам их внешнего облика.

Одним из значимых вопросов выступает вопрос об объеме понятия «внешний облик человека». Чаще всего внешность определяется как совокупность элементов и характеризующих их признаков, формирующая индивидуальный облик человека, воспринимаемый зрителем при наблюдении и общении², что, как видно, в общих чертах передает специфику появления соответствующих знаний и их природу.

Сведения о признаках внешности можно получить из их описаний, иных объективных и субъективных отображений. В настоящий момент отмечается существенное расширение объема информации, содержащей сведения о внешнем облике лиц, причастных к совершению преступления. Такая информация получается из повсеместно

¹ Состояние преступности в России (за январь–октябрь 2019 года). Министерство внутренних дел Российской Федерации. М. : Главный информационно-аналитический центр, 2019. С. 2.

² Зинин А.М., Буданов С.А., Марычева Н.А., Черкашина И.И. Словарь основных терминов судебно-портретной экспертизы. М. : ЭКЦ МВД России, 2005. С. 8.

устанавливаемых устройств видеонаблюдения, она хранится в базах данных специализированных информационных систем, также общедоступная информация имеется в социальных сетях и в целом – в сети «Интернет», которые (сети) априори предполагают их компьютерную обработку, накопление, хранение и обмен такой информацией.

В связи с этим считаем необходимым рассмотреть внешнего облика лиц, причастных к совершению преступления, как специфической криминалистической информационной системы, которая может быть структурирована различным образом.

Выстраивая ту или иную структуру, целесообразно обратиться к легальному определению информационной системы как совокупности содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств¹. Очевидно, что с функциональных позиций криминалистически значимой информация является тогда, когда она имеет значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, или способствует получению таковой, а также любая информация, имеющая значение для достижения целей уголовного судопроизводства².

Таким образом, в настоящее время эффективное использование в раскрытии и расследовании преступлений сведений о внешнем облике лиц, причастных к их совершению, предполагает наличие единой криминалистической информационной системы, содержащей сведения о внешнем облике лиц, когда-либо попадавших в поле зрения правоохранительных органов: граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, пребывающих на территории РФ. Эта система позволяет использование множества объединенных электронных банков данных для целей оперативного получения необходимой информации, в том числе с использованием алгоритмов искусственного интеллекта.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² Григорьев А.Н. Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБНАРУЖЕНИЯ И ИЗЪЯТИЯ ОБЪЕКТОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Объекты биологического происхождения с давних времен являются важным источником доказательств при расследовании преступлений¹. В задачи специалиста в области судебной медицины, привлекаемого для осмотра места происшествия и трупа, входит обнаружение, описание и изъятие объектов биологического происхождения.

Своевременный, полный осмотр места происшествия и обнаружение объектов биологического происхождения способствуют более быстрому раскрытию совершенного преступления. Наиболее часто объекты биологического происхождения на месте происшествия при совершении преступлений, направленных против жизни и здоровья человека, представлены кровью, семенной жидкостью, слюной. Также к объектам биологического происхождения относятся волосы, ткани и органы человеческого организма, которые могут содержать в себе важную информацию как об обстоятельствах совершения преступления, так и о преступнике и потерпевшем лице.

Вместе с тем важно помнить, что, попадая во внешнюю среду, объекты биологического происхождения могут изменить свой внешний вид, что затрудняет их обнаружение. Описание объектов биологического происхождения на месте происшествия, их исследование в экспертном учреждении регламентированы приказом Минздравсоцразвития РФ от 12 мая 2010 года № 346н², и на них нужно ориен-

¹ Кадничанская Э.Ф. Актуальные проблемы диагностики и идентификации криминалистически значимых следов биологического происхождения // Современное право. 2011. № 6. С. 151–154.

² Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации : Приказ Минздравсоцразвития РФ от 12 мая 2010 г. 346н // СПС КонсультантПлюс. URL: http://ww.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103821/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.

тироваться при работе с биологическими следами на месте происшествия.

Все методы обнаружения объектов биологического происхождения подразделяют на ориентирующие (визуальные, химические реакции) и достоверные, которые используют в экспертных учреждениях. Так, при обнаружении следов крови в качестве ориентирующего способа обнаружения используют осмотр в УФ-лучах. В этом случае следы крови приобретают бархатистый вид и темно-коричневый цвет. В качестве химических можно использовать пробу с перекисью водорода, с «Бензидином», «Люминолом», реактивом «Гемофан». При использовании перекиси водорода появляется характерное вспенивание, что указывает на наличие крови в объекте. Окрашивание в синий цвет происходит при использовании пробы с «Бензидином» и полоски с реактивом «Гемофан». «Люминол» используется в случае обнаружения «замытых» следов крови, окрашивание происходит в голубой цвет.

При расследовании преступлений, направленных против половой неприкосновенности, важное значение имеют обнаружение и изъятие следов семенной жидкости. Данные следы на светлых тканях имеют сероватый или желтоватый цвет, на темных тканях – белый цвет. При осмотре в ультрафиолетовых лучах следы семенной жидкости будут светиться голубовато-белым светом. К достоверным методам относится цитологический, основанный на обнаружении сперматозоидов в представленном объекте.

Особая осторожность необходима при обнаружении и изъятии волос. В этом случае важно не допустить их повреждений или удаления с их поверхности каких-либо наложений (крови, частиц металла, дерева и т.д.), которые имеют большое доказательственное значение. Для изъятия волос используют пинцет с резиновыми или пробковыми наконечниками, и каждый волос помещают в отдельный пакет из чистой бумаги, а затем в конверт.

Грамотно описанные, изъятые во время осмотра объекты биологического происхождения способствуют определению места совершения преступления, идентификации лица, совершившего преступление, предмета, которым причинялись повреждения, а также реконструкции всех обстоятельств совершения преступления.

Н.Ю. Русанов

К ВОПРОСУ О ФИКСАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ С ЗАСЕКРЕЧЕННЫМИ СВИДЕТЕЛЯМИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Современная наркоситуация в Российской Федерации характеризуется стремительным увеличением числа наркопотребителей, что является угрозой для национальной безопасности¹. Согласно официальной статистике последние семь лет количество наркозависимых не уменьшается и в настоящий момент превышает 900 000 человек, из них количество потребителей в возрасте до 30 лет составляет около 80% от их общего числа². Эти сведения не отражают реальную ситуацию, если брать во внимание высокую латентность указанных преступлений. Более точную картину демонстрируют социологические исследования, которые утверждают, что в стране число лиц, употребляющих наркотики, составляет около 8,5 млн человек. Такое значительное количество потребителей обеспечивает высокодоходность наркобизнеса, в основном формируемого и развиваемого участниками организованных групп (ОГ) и преступных сообществ (ПС)³. Участники данных криминальных структур заинтересованы в конфиденциальности своей деятельности, активно противодействуют сотрудникам правоохранительных органов, информируя потенциальных свидетелей о неписаных правилах криминальной среды, одним из которых является расправа над лицами, которые показаниями и / или действиями разоблачают преступников. В этой связи

¹ Проект указа Президента РФ «О стратегии государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года». URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 28.02.2020).

² Статистические данные Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: <http://www.gosminzdrav.ru> (дата обращения: 28.02.2020).

³ Из доклада Президента В.В. Путина на заседании совета безопасности России от 28 апреля 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54401>

субъекты, обладающие информацией о преступной деятельности указанных лиц, опасаясь возмездия, зачастую не оказывают содействие сотрудникам предварительного следствия и не предоставляют известные им сведения или предоставляют их в искаженном виде. При наличии такой ситуации, в соответствии с п. 9 ст. 166 УПК РФ, следователем необходимо обеспечить безопасность указанных лиц путем сохранения втайне их данных.

Одним из следственных действий, при котором существенно увеличивается риск рассекречивания личности, является проверка показаний на месте. При её проведении, с учетом специфики следственного действия, очевидна проблема соблюдения мер предосторожности относительно разглашения данных о личности свидетеля¹. В связи с этим актуальность приобретает вопрос о фиксации проверки показаний на месте, которую следует проводить, принимая во внимание специфику статуса свидетеля, так как сведения, которые может сообщить свидетель, могут впоследствии его рассекретить, в связи с чем вносить в протокол такие сведения нецелесообразно. Для наглядности проверку показаний на месте следует проводить с фото- и видеофиксацией, не отказываясь от неё, но при этом обязательно произвести ретуширование личности свидетеля и изменение его (её) голоса. Это делается либо в момент проведения проверки показаний при наличии соответствующего оборудования, либо после проведения указанного следственного действия при производстве осмотра записи указанного следственного действия. Кроме того, целесообразно приобщить к указанному следственному действию дополнительно в бумажном пакете фототаблицу и оптический диск с записью следственного действия без изменения голоса свидетеля и без ретуширования личности засекреченного лица, соблюдая при этом требования ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Указанные меры при проведении проверки показаний на месте по рассмотренным преступлениям обеспечат его наглядность и позволят минимизировать риск рассекречивания личности свидетеля.

¹ Тимошенко А.А. Сохранение втайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как уголовно-процессуальная мера безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

КРИТЕРИИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ ДОПРОСА

На современном этапе развития криминалистической тактики, на наш взгляд, возникла потребность повысить эффективность тактических рекомендаций путём разработки положений об индивидуализации тактических приёмов. Индивидуализация, по нашему мнению, представляет собой уточнение тактических приёмов, применение которых будет эффективнее для определенной группы подследственных. Перспектива учёта личностных особенностей допрашиваемого встречается в криминалистической литературе в виде указаний на то, что «чем полнее и глубже изучена личность допрашиваемого, тем больше оснований для применения того или иного тактического приема»¹. Изученные нами положения, которые могут быть использованы для индивидуализации тактических приёмов, можно систематизировать, обозначив следующие критерии индивидуализации тактических приёмов: формальный (юридический), демографический, персонифицирующий.

Формальный (юридический) критерий, при котором индивидуализация основана на категории расследуемого дела или процессуального статуса: подозреваемый / обвиняемый, свидетель, потерпевший, специалист / эксперт. Индивидуализация, основанная на категории дела, заключается в использовании среднестатистического портрета и типового перечня вопросов, подлежащих установлению. Преимущества формального (юридического) критерия – в широком охвате круга лиц, вовлеченных в расследование, который не ограничивается только подследственным, а также в относительной простоте выбора применимых тактических рекомендаций для конкретного случая. Недостаток формального (юридического) критерия – в безальтернативности предлагаемых рекомендаций и относительной абстрактности формулировок, которые являются следствием статистического типового образа, положенного в основу рекомендаций.

¹ Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 2. С. 39.

Демографический критерий индивидуализации предполагает использование информации о возрасте, поле и этнической принадлежности. Зачастую по этому критерию выделяется только одна контрастная группа из всей выборки. Преимущество демографического критерия состоит в доступности необходимой исходной информации о личности допрашиваемого. Недостаток демографического критерия проявляется в переоценке значимости негативных характеристик и методологических несовершенствах исследований, связанных с репрезентативностью, данные которых положены в основу криминалистических рекомендаций.

Персонифицирующий критерий базируется на психологической составляющей личности допрашиваемого. Используются такие психологические составляющие: модальности сохраняемых образов¹, добросовестность установки на взаимодействие², биоритмы³, личностные смыслы⁴. Преимущество персонифицирующего критерия – в индивидуализации тактического воздействия, исходящего из личностных особенностей преступника. Недостаток – в необходимости диагностики личностных особенностей.

Индивидуализация тактических приёмов по обозначенным критериям влечёт, как представляется, повышение энергозатратности работы допрашивающего, вместе с тем повышая эффективность и результативность тактического воздействия.

И.С. Фоминых

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОСТАВЛЕНИЯ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ ПО КРИМИНАЛИСТИКЕ

В данной статье рассматриваются отдельные аспекты составления тестовых заданий по криминалистике применительно к концеп-

¹ Полстовалов О.В. Совершенствование тактических приемов криминалистики на основе современных достижений психологической науки : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 225.

² Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 294.

³ Хоменко А.Н. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений и ее роль в расследовании преступлений (по материалам дел об убийствах) : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2000. С. 116.

⁴ Тазин И.И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 252.

ции использования тестирования как неотъемлемой структурной части практического занятия. Указанная концепция предполагает, что тестирование проходит в самом начале занятия и его результаты используются не только для получения представления о степени овладения обучающимися материалом по теме, но и для оперативной коррекции дальнейшего хода обсуждения проблемных вопросов учебной темы.

В рамках данной концепции оптимальным является использование в тестовых заданиях только так называемого закрытого типа вопросов¹, предполагающего выбор одного или нескольких правильных ответов из списка предлагаемых альтернативных вариантов². Такой подход позволяет значительно сократить время выполнения теста и упростить обработку его результатов.

При создании тестовых заданий по курсу криминалистики, особенно по разделу «Криминалистическая техника», зачастую невозможно³ обойтись без вопросов, содержащих какую-либо графику (рисунки, чертежи, схемы, фотографии и т.п.). В любом случае такие вопросы отличаются весьма полезной наглядностью, позволяя значительно уменьшить текстовый объём задания.

Так называемые парные вопросы дают возможность преподавателю при анализе результатов отсеять случайно выбранные правильные ответы⁴. Суть этого тестового приёма состоит в том, что два разных вопроса направлены на проверку знания одного и того же обстоятельства, и неправильный ответ на один из вопросов однозначно указывает на случайный выбор правильного ответа на другой. Например, вот такая связка вопросов из теста по судебной баллистике: «Какой из стволов перечисленных калибров имеет наибольший

¹ Майоров А.Н. Теория и практика создания тестов для системы образования. (Как выбирать, создавать и использовать тесты для целей образования). М.: Интеллект-центр, 2001. С. 84.

² Вопросы закрытого типа на восстановление последовательности или соответствия в данном случае не используются.

³ Например, вопросы по строению папиллярных узоров просто немыслимы без их изображений.

⁴ Для упрощения проверки можно передать эту функцию самой программе с выводом перечня таких ответов в комментариях к общим результатам тестирования, однако автор склоняется к оставлению последнего слова за преподавателем.

диаметр канала?» (варианты ответов – 12, 16, 20, 28, 32)¹ и «Какой из стволов перечисленных калибров имеет наименьший диаметр канала?» (варианты ответов – 12, 16, 20, 28, 32). Очевидно, что дать правильный ответ на оба вопроса можно лишь в том случае, если знать принцип обозначения калибра гладкоствольного оружия. Правильный ответ на один вопрос парной связки и неправильный на второй означает лишь одно – незнание этого принципа.

Теперь о некоторых основных требованиях к ответам.

Во-первых, оптимальное количество возможных вариантов ответа – четыре-пять. Это, безусловно, увеличивает затраты времени на разработку теста, но существенно уменьшает вероятность выбора правильного варианта наугад. Большое количество вариантов ответа ещё больше уменьшит эту вероятность, но существенно увеличит время тестирования. Исходя из концепции применения метода тестирования в начале занятия, рассматриваемой в данной статье, это недопустимо. Кроме того, перебор множества вариантов ответа излишне утомит обучающихся.

Во-вторых, ответы не должны быть угадываемыми. Правильный ответ не должен выделяться на фоне остальных ответов. Под «выделением» понимаются ситуации, когда один из ответов отличается более продуманной формулировкой, объёмом, бросающейся в глаза «серьёзностью» на фоне наспех придуманных вариантов-статистов.

Н.В. Шепель

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Табачная индустрия – важнейший источник налоговых поступлений в федеральный бюджет: так, за 2018 г. было получено 583 млрд руб. от уплаты акциза и 113 млрд – от уплаты НДС. По данным крупнейших табачных компаний, вследствие роста доли нелегальной табачной продукции в России потери федерального бюджета в виде недополученных акцизов и НДС по итогам 2019 г. дошли до 100 млрд руб. Причинами востребованности нелегального табака являются падение покупательной способности населения, близость к границе со

¹ Здесь и далее правильный ответ набран жирным шрифтом.

странами Евразийского экономического сообщества и логистическая доступность, кратная разница в цене между легальной и нелегальной продукцией¹.

Отмеченная проблема нелегального оборота табачной продукции указывает на необходимость криминалистических исследований такой продукции как элемента «следовой картины соответствующего преступления».

Традиционно одним из видов исследования табачных изделий (конкретной сигаретной марки) является трасологическая экспертиза, задача которой – установление источника их происхождения, а именно:

– на одном или разном оборудовании (технологической линии) изготовлены сигареты, изъятые при осмотре места (мест) происхождения (изготовления). Так, в январе 2020 г. в г. Калининграде возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ. На предприятии под видом легального производства изготавливали сигареты без маркировки. В ходе обыска у подозреваемых лиц изъято оборудование для изготовления и расфасовки сигарет. По предварительным данным, стоимость незаконного товара, произведенного на вышеуказанном оборудовании, превышает 26 млн руб.;

– установление сходства либо отличия от технологии изготовления оригинальных сигарет (представленных в качестве образцов сравнения правообладателем определенных марок).

Необходимыми условиями успешного проведения подобных исследований являются умение выявлять и правильно оценивать признаки производственно-технологического происхождения, знание типовых технологических процессов, используемого оборудования, способа слеодообразования² производственных механизмов, оставленных на изделиях при их изготовлении на элементах пачек и сигарет, располагать образцами оригинальной табачной продукции.

¹ В России стали курить больше нелегальных сигарет // Ведомости. 27 ноября 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/11/27/817321-sigaret>

² Корухов Ю.Г. Сущность неидентификационных трасологических экспертиз // Вопросы современной трасологии : сб. науч. тр. ВНИИСЭ. М., 1978. Вып. 36. С. 83; Корухов Ю.Г. Трасологическая диагностика : методическое пособие для экспертов. М., 1983. С. 19–32.

Кроме трасологической экспертизы, табачные изделия можно исследовать в рамках судебно-ботанической экспертизы: экспертизы табака, махорки и изделий из них. Задачами подобного исследования являются установление природы происхождения растительных объектов в смеси (табачные мешки), компонентного состава, формы, размеров и характера поверхности частиц табака. Наличие на исследуемом объекте индивидуализирующих признаков, например заболевания на частицах табака, поражение насекомыми, предоставляет эксперту возможность установить общую групповую принадлежность, а иногда и тождество объектов.

Таким образом, знание возможностей и задач криминалистических исследований табачных изделий, их упаковки (табачные мешки), признаков сигарет в отношении нелегальной табачной продукции способствуют расследованию отмеченных преступлений.

С.В. Шошин

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ, ПРОИЗВОДСТВА И ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБЩЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Актуальность научной проблематики, связанной с анализом столь сложной оценочной категории, как obscene лексика, традиционно привлекает внимание исследователей¹. Проблемность отношения конкретной языковой формы (языковой лексической конструкции) к числу obscene во многом сегодня оказывается отягощенной отсутствием надлежащих легитимных словарных изданий, прямо и однозначно анализирующих подобные формы русской языковой практики. Имеющиеся сегодня подобные словарные издания, как правило, опубликованы за пределами РФ. Традиционно при издании таких словарных публикаций их авторы (издатели) преследовали цели, весьма далекие от рекомендации использования их про-

¹ Каргина А.П., Коряжкина О.В., Сутормина Е.В. и др. Язык и текст в современных парадигмах научного знания. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2017. С. 171.

дукции в качестве эталона в процессе судебно-экспертной деятельности на территории РФ.

Во многом содержание выводов судебных экспертиз, назначенных и проведенных на территории РФ, по итогам исследования лексики, предположительно относимой к категории обценной, следует считать субъективным. От наличия жизненного опыта, особенностей мировоззрения и субъективных взглядов отдельного эксперта на проблемы межличностного общения, отягощенного использованием лексических форм с заведомо экспрессивной окраской, и будет зависеть вывод судебного эксперта. Соответственно, подобная неоднозначная ситуация, сложившаяся с таким интересным явлением, как экспертное усмотрение, сейчас свойственна судебным лингвистическим экспертизам обценной лексики, проводимым в рамках уголовного судопроизводства, а также в структуре гражданского процесса. Поэтому уже при назначении такой судебной экспертизы фактически лицо, принимающее решение о выборе конкретного судебного эксперта подобного постановления о назначении данной экспертизы (или иного соответствующего процессуального документа), в значительной степени предопределяет сущность формулировки и мотивации выводов будущего экспертного заключения. По итогам производства подобных судебных экспертиз впоследствии у представителей защиты и обвинения (по уголовным делам), у представителей иных сторон по гражданскому делу нередко возникают проблемы при оценке полученных экспертных заключений.

Оригинальным способом решения указанной проблемы излишнего объема экспертного усмотрения при производстве подобных экспертиз можно назвать повышение публичности итогов такой деятельности. Полный текст заключения судебной лингвистической экспертизы, произведенной в России, по нашему мнению, судебный эксперт, производивший такое исследование, обязан незамедлительно по его окончании размещать в сети «Интернет» для свободного доступа всех желающих. Это не требует излишних материальных затрат.

О ЗНАЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С выводом подразделений вневедомственной охраны из состава МВД РФ и включением их в структуру Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии)¹ полномочия по вневедомственной охране (ВО) возложены (п. 21 ч. 1 ст. 9 226-ФЗ) на войска национальной гвардии Российской Федерации (ВНГ РФ). Деятельность подразделений ВО, имея современное прочтение и развитие, рассматривается как одно из перспективных направлений работы всего ведомства Росгвардии. «В условиях сложной внешнеполитической обстановки, возрастания угроз криминального и террористического характера, появления их новых форм наиболее актуальными в государственном регулировании в области охранной деятельности становятся: обеспечение надежной охраны объектов и имущества, совершенствование методов их противокриминальной и антитеррористической защищенности и контроля ее состояния»².

Очевидно, что выезды наряда ВО при срабатывании охранной, охранно-пожарной и тревожной сигнализации на объекте, охрана которого осуществляется с помощью ТСО, либо при получении информации о возможном проникновении злоумышленника на охраняемый объект требуют от сотрудника ВО принятия верного решения о причинах сигнала незамедлительно по прибытии на место. Нужно определить, был ли это технический сбой оборудования, либо была получена ошибочная информация от заявителя сообщения, либо был взлом с проникновением (или без) злоумышленника на охраняемый объект. Это определит ход дальнейших действий. В этой связи востребованы общие положения кримина-

¹ Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 года № 157 // КонсультантПлюс. 2019.

² Концепция развития вневедомственной охраны на период 2018–2021 годов и далее до 2025 года // Официальный сайт Росгвардии. Деятельность. Вневедомственная охрана. URL: <https://rosgvard.ru/ru/page/index/vnevedomstvennaya-okhانا>

листки: теория отражения, понятие следа, криминалистических идентификации и диагностики. Важны криминалистическая тактика, прежде всего тактика осмотра места происшествия, включая преследование «по горячим следам», и тактика задержания. Участие подразделений ВО (в рамках полномочий) в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в границах постов и на маршрутах патрулирования требует от сотрудника ВО ВНГ РФ знания криминалистической габитоскопии, особенно правил работы со словесными и субъективными портретами. Положения трасологии, в том числе гомеоскопии, механоскопии позволяют исследовать след орудий взлома и транспортных средств соответственно. Криминалистическое документоведение позволяет обнаруживать признаки подделки в ходе проверки документов¹. В связи с поставленной в действующем законодательстве перед Росгвардией задачей участия в борьбе с терроризмом для ВО как одного из структурных подразделений ВНГ РФ важны судебное оружиеведение и криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений.

Таким образом, развитие ВО подразумевает не только дальнейшее техническое оснащение подразделений, формирование правовой базы, но и по мнению авторов, в рамках подготовки к правоохранительной деятельности² также совершенствование юридических и криминалистических компетенций.

¹ Шухова Н.В. Полномочия войск национальной гвардии Российской Федерации по проверке документов; бдительность и криминалистическая подготовка к выявлению признаков их подделки // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2018. Ч. 78. С. 243–245.

² Шухова Н.В., Сливкин А.Н. Об актуальности правового образования и криминалистического обеспечения деятельности подразделений ВО ВНГ РФ // Материалы криминалистических чтений. Барнаул, 2019. С. 82–84.

НАШИ АВТОРЫ

- Абрамов Иван Александрович** – начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Агабекян Алла Липаритовна** – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Андрienко Юрий Александрович** – заместитель начальника отдела следственной части главного следственного управления ГУ МВД России по Алтайскому краю.
- Антонов Антон Геннадьевич** – профессор кафедры Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.
- Антонов Тимофей Геннадьевич** – доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Анцибалова Ольга Владимировна** – старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Бабушкина Елена Анатольевна** – мировой судья третьего судебного участка Центрального судебного района г. Новосибирска.
- Батраков Алексей Владимирович** – старший преподаватель кафедры публичного права Сибирского государственного университета путей сообщения.
- Беларева Ольга Александровна** – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Белицкий Владислав Юрьевич** – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Бойко Юрий Леонидович** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.
- Бондаренко Антон Алексеевич** – адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.
- Будкина Инна Сергеевна** – старший преподаватель кафедры теории и методики социальной работы, аспирант кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета.

- Бякина Светлана Игоревна** – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России.
- Васеловская Александра Викторовна** – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Ведренцева Светлана Васильевна** – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
- Гаас Нина Николаевна** – преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России.
- Гавриляк Алексей Иванович** – доцент кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат философских наук, доцент.
- Галушин Павел Викторович** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.
- Горшкова Вера Сергеевна** – преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России.
- Гутник Сергей Иосифович** – доцент кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук.
- Дворцов Василий Борисович** – начальник ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, полковник внутренней службы.
- Демьянов Владилен Владимирович** – начальник УФСИН России по Вологодской области.
- Драпезо Роман Григорьевич** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета.
- Егошин Вадим Вячеславович** – доцент кафедры правовых дисциплин Алтайского института экономики – филиала ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики», кандидат юридических наук, доцент.
- Елисеев Сергей Александрович** – профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук.
- Ерахмилевич Владислав Валерьевич** – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета.

- Ермакова Ольга Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Ермекова Зауреш Джумаевна** – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова, магистр юридических наук.
- Ефименко Александр Александрович** – старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, капитан внутренней службы.
- Зеленская Ольга Олеговна** – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, Вологодский институт права и экономики ФСИН России.
- Иванов Игорь Владимирович** – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Иванова Антонина Николаевна** – начальник кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат юридических наук, подполковник внутренней службы.
- Илюхин Сергей Евгеньевич** – старший преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России; кандидат юридических наук
- Каракулов Тимофей Геннадьевич** – судья Первомайского районного суда Томской области.
- Карелин Дмитрий Владимирович** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Киселев Александр Михайлович** – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Киселев Михаил Валентинович** – доцент кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Князьков Алексей Степанович** – зав. кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Коголь Татьяна Николаевна** – доцент кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент.

- Козыбаков Галымжан Момбекович** – соискатель Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Кондратьев Максим Валерьевич** – адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, заместитель начальника Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Кемеровской области.
- Кондрашин Павел Викторович** – судья Кировского районного суда г. Красноярска, аспирант кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебных экспертиз Красноярского государственного аграрного университета.
- Коробкова Елена Евгеньевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.
- Кругликов Вадим Дмитриевич** – участковый уполномоченный полиции отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних ОП по Октябрьскому району УМВД России г. Барнаула.
- Кужугет Мерген Таан-оолович** – ассистент кафедры уголовного права и процесса Тувинского государственного университета.
- Кужугет Таан-оол Кашпынаевич** – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Тувинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Куряхова Татьяна Владимировна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.
- Лапша Вадим Леонидович** – аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета.
- Латышева Людмила Александровна** – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Вологодского института права и экономики ФСИН России.
- Лелик Наталия Борисовна** – доцент кафедры ОИН ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Лозинский Игорь Владиславович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Мазур Екатерина Сергеевна** – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор медицинских наук, доцент.

- Мамонтова Алёна Андреевна** – преподаватель кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Мариничева Анна Юрьевна** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Мартыняхин Леонид Федорович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Матвеев Илья Викторович** – старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления.
- Мезинов Дмитрий Анатольевич** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Мерлаков Данил Сергеевич** – адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.
- Мещеряков Павел Алексеевич** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, адъюнкт заочной формы обучения Академии ФСИН России.
- Мигунов Олег Семенович** – преподаватель кафедры криминалистики Барнаулского юридического института МВД России.
- Михеенков Егор Геннадьевич** – доцент кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент.
- Молоков Вячеслав Витальевич** – начальник кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.
- Морозов Алексей Сергеевич** – заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, майор внутренней службы.
- Негодина Олеся Анатольевна** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Нигаматьянова Эльвина Маратовна** – юрист.
- Никитина Ирина Александровна** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального

исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Овсянников Валерий Валерьевич – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.

Олейник Виталий Васильевич – преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России.

Ольховик Николай Владимирович – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Опацкая Стелла Павловна – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Остробородов Владислав Владимирович – доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

Павленко Андрей Анатольевич – доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Писаревская Елена Анатольевна – зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Новокузнецкого института (филиала) ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Пропостин Андрей Александрович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Прохорова Мария Владимировна – начальник кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат юридических наук, подполковник внутренней службы.

Разбирина Любовь Ильинична – доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук.

Рахматулин Закир Равильевич – доцент кафедры государственно-правовых и отраслевых юридических дисциплин Ачинского филиала Красноярского ГАУ, кандидат юридических наук.

Русанов Никита Юрьевич – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.

- Савинова Елена Анатольевна** – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.
- Семенов Руслан Александрович** – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Скоревич Алёна Сергеевна** – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Сливкин Андрей Николаевич** – заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института ВНГ РФ.
- Смирнов Александр Николаевич** – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Новокузнецкого филиала (института) Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Сорокина Анастасия Владиславовна** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Института философии и права Новосибирского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Ступина Светлана Александровна** – доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Сутурин Михаил Александрович** – доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Суханова Лидия Геннадьевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета.
- Тепляшин Павел Владимирович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.
- Титаренко Андрей Павлович** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Трухин Александр Михайлович** – кандидат юридических наук доцент Сибирского института бизнеса, управления и психологии.

- Уваров Олег Николаевич** – профессор кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Уварова Татьяна Анваровна** – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Усеев Ренат Зинурович** – доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Уткин Владимир Александрович** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Уткина Светлана Сергеевна** – судья Томского областного суда, кандидат юридических наук, доцент.
- Федоров Александр Федорович** – начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Филиппова Ольга Валерьевна** – зав. кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», кандидат юридических наук, доцент.
- Фоминых Илья Сергеевич** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Хисматуллин Рашид Сагитович** – профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, заслуженный юрист Республики Башкортостан, почетный судья Верховного Суда Республики Башкортостан, государственный советник юстиции 3-го класса, доктор юридических наук, профессор.
- Храмов Александр Александрович** – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России».
- Черёмин Никита Викторович** – преподаватель кафедры боевой тактико-специальной и физической подготовки ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России».

- Чубраков Сергей Валериевич** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Чумаков Эвальд Вячеславович** – начальник отряда отдела по воспитательной работе с осужденными ФКУ ИК-4 УФСИН России по Томской области, майор внутренней службы.
- Шаганова Ольга Михайловна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Шелестюков Виталий Николаевич** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института КемГУ, кандидат юридических наук.
- Шепель Наталья Вячеславовна** – доцент кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Шеслер Александр Викторович** – доктор юридических наук, профессор ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России.
- Шилов Константин Александрович** – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Шмарев Артём Иванович** – доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Шошин Сергей Владимирович** – доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, доцент, докторант очной формы обучения философского факультета Карлова университета (г. Прага, Чехия).
- Шухова Наталья Викторовна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института ВНГ РФ, кандидат технических наук, доцент.
- Ясельская Вероника Владимировна** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

Шеслер А.В. Значение Конституции Российской Федерации для уголовного законодательства	3
Ермакова О.В. Теория моделирования состава преступления как средство эффективности норм уголовного закона	6
Ермекова З.Д. Вина в уголовном праве	7
Пропостин А.А. Преступления с двумя формами вины: проблемы соучастия	9
Лапша В.Л. Заведомость как признак, дифференцирующий обоснованный риск	11
Каракулов Т.Г. Актуальные вопросы назначения уголовного наказания	12
Антонов А.Г. Принцип гуманизма и освобождение от уголовной ответственности	14
Уткина С.С. Состояние опьянения как обстоятельство, отягчающее наказание	16
Трухин А.М. Проблемы условного осуждения	19
Васеловская А.В. К вопросу об определении основания применения принудительных мер медицинского характера	21
Бабушкина Е.А. К вопросу о назначении наказания за кражу	23
Елисеев С.А. Определение вымогательства в УК РФ	24
Лозинский И.В. Совершенствование главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации: криминализация или декриминализация?	27
Сорокина А.В. К вопросу о либерализации уголовного законодательства в сфере предпринимательской деятельности	28
Опацкая С.П. Трансплантаты (органы и ткани человека) как предмет преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ	30
Никитина И.А. Уголовная ответственность участников «залогового рейдерства»	32
Ступина С.А. Актуальные вопросы уголовной ответственности за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности	34

Матвеев И.В. Использование должностного положения как признак преступлений коррупционной направленности	35
Беларева О.А. Объект хищения наркотических средств и психотропных веществ	37
Шилов К.А. К вопросу о публичности как обязательном признаке оскорбления сотрудника ФСИН России при исполнении им должностных обязанностей	39
Шаганова О.М. Признаки, характеризующие понятие «угроза» в рамках ст. 119 УК РФ: анализ судебной практики	41
Ольховик Н.В. Преступления в сфере проведения геномных исследований и (или) неправомерного использования геномной информации	43
Агабекян А.Л. Органы, исполняющие наказания без изоляции от общества, в государствах – членах Совета Европы	45
Антонов Т.Г. Правовые проблемы применения мер принуждения к осужденным к принудительным работам	47
Анцибалова О.В. Место и роль культурно-досуговой деятельности в воспитательной работе с персоналом УИС	49
Бякина С.И. Некоторые аспекты воспитательной работы с осужденными без изоляции от общества	51
Дворцов В.Б. Массовые беспорядки в исправительных учреждениях: механизм подготовки и реализации	53
Демьянов В.В. Роль уголовно-исполнительной системы в укреплении российской государственности	55
Ефименко А.А., Чумаков Э.В. О подготовке осужденных к освобождению их исправительных учреждений	57
Зеленская О.О. Создание положительного имиджа УИС в системе укрепления российской государственности	59
Иванова А.Н. Сиротство как препятствие эффективной ресоциализации несовершеннолетних осужденных	60
Илюхин С.Е. Критерии оценки степени исправления осужденных	62
Киселев А.М. К вопросу о государственной защите лиц, содержащихся под стражей, а также отбывающих наказание в виде лишения свободы	64
Киселев М.В. К вопросу о взаимодействии между структурными подразделениями учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в целях поддержания установленных правил и порядка отбывания наказания	66

Коголь Т.Н. Особенности дисциплинарного производства по коррупционным дисциплинарным правонарушениям, совершаемым сотрудниками УИС	68
Латышева Л.А. Особенности ресоциализации женщин, отбывающих наказание в колонии-поселении	69
Лелик Н.Б. Характеристика осужденных женщин, ранее не отбывавших лишение свободы	71
Мамонтова А.А. О соотношении наук уголовно-исполнительного права и пенитенциарной педагогики	73
Мещеряков П.А. О причинах преступлений, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	75
Михеенков Е.Г. Предоставление льгот и компенсаций сотрудникам ИТУ РСФСР в начале 1930-х гг.	76
Морозов А.С. О реализации принципа раздельного содержания лиц, являющихся сотрудниками правоохранительных органов	78
Павленко А.А. Медицинские и иные опыты на заключенных	80
Разбирин Л.И. Учет особенностей социально-правовой характеристики при организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях	82
Рахматулин З.Р. Преюдиция при реализации судебного контроля за исполнением отдельных наказаний без лишения свободы и условного осуждения	84
Савинова Е.А. О средствах дифференциации исполнения наказания	85
Смирнов А.Н. Общественное воздействие на осужденных к наказанию в виде лишения свободы	87
Тепляшин П.В. Неолиберальная пенитенциарная идеология: конъюнктурный оксюморон или реанимация пенального ретрибутивизма?	89
Титаренко А.П. Акт об амнистии как основание исполнения наказания	91
Уваров О.Н. Труд при отбывании наказания в виде принудительных работ	93
Уварова Т.А. К вопросу об исполнении меры пресечения в виде запрета определенных действий	94
Усеев Р.З. Основы правоприменительной деятельности в исправительных учреждениях	96
Уткин В.А. Нужен новый закон об уголовно-исполнительной системе	98

Храмов А.А. Теория и практика преодоления некоторых пробелов уголовно-исполнительного законодательства исправительными учреждениями УИС России	100
Черёмин Н.В. К вопросу о предоставлении осужденным к лишению свободы права передвижения без конвоя или сопровождения	102
Шелестюков В.Н. Правила принятия решения об условно-досрочном освобождении – основа эффективности применяемого института	104
Будкина И.С. Правила безопасности как основа виктимологического предупреждения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних	106
Гутник С.И. О некоторых виктимологических аспектах преступных посягательств в отношении персональных данных	108
Карелин Д.В. Особенности организации учета статистики преступности несовершеннолетних в Англии и Уэльсе	110
Кужугет М.Т. Криминологическое моделирование преступности несовершеннолетних на примере Республики Тыва	111
Писаревская Е.А. К вопросу о понятии «рецидивная преступность несовершеннолетних»	113
Семенюк Р.А. «Пьяная» преступность: состояние и динамика	115
Сутурин М.А. Меры общественной безопасности как инструмент предупреждения преступности несовершеннолетних	117
Федоров А.Ф. Современное состояние и проблемы предупреждения рецидивной преступности в Алтайском крае	119
Филиппова О.В. К вопросу о детерминантах рецидивной преступности	120
Прохорова М.В. «Правовое положение» и «правовой статус» осужденного: к вопросу о соотношении понятий	122
Чубраков С.В. Злостное уклонение от исполнения наказания: замена или криминализация	124

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Андрienко Ю.А. Быстрое и полное исследование обстоятельств преступления как задача досудебной фазы уголовного судопроизводства	127
Бондаренко А.А. Формирование пределов уголовного досудебного производства по событию преступления	129

Гаас Н.Н. Реализация прав потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела при прекращении уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия	131
Коробкова Е.Е. Следственный судья – новый участник уголовного судопроизводства Республики Казахстан	133
Кондрашин П.В. Некоторые вопросы реализации права на «законный суд» при апелляционном рассмотрении уголовных дел	134
Куряхова Т.В. Производство по возвращенному прокурору уголовному делу не учитывает правовые позиции Конституционного Суда РФ	136
Мариничева А.Ю. О судебном контроле и прокурорском надзоре за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов	139
Мартыняхин Л.Ф. Апелляционное производство в структуре уголовного процесса	142
Мезинов Д.А. О задачах изучения мотивационной сферы личности обвиняемого в уголовном процессе	143
Мерлаков Д.С. Возбуждение уголовного дела органом дознания	145
Олейник В.В. Прекращение частного уголовного преследования	147
Суханова Л.Г. Использование адвокатом-защитником правовых решений высших судебных инстанций в отстаивании своей позиции	149
Хисматуллин Р.С., Нигаматьянова Э.М. Актуальные проблемы совершенствования судебной деятельности по делам несовершеннолетних как гарантия дальнейшего обеспечения прав и свобод граждан	151
Хисматуллин Р.С. Проблемы предупреждения домашнего насилия в отношении несовершеннолетних в семье	153
Шмарев А.И. К вопросу о роли усмотрения прокурора на стадии возбуждения уголовного дела	154
Ясельская В.В. О расширении круга следственных действий, производимых с участием защитника	156

КРИМИНАЛИСТИКА

Абрамов И.А. Актуальные вопросы правового регулирования содействия граждан оперативным подразделениям ФСИН России на контрактной основе	158
--	-----

Батраков А.В. Распознавание ложных отношений причинности в ходе расследования	160
Белицкий В.Ю. О языке криминалистической науки	161
Бойко Ю.Л. Проблемные вопросы использования полиграфа при расследовании преступлений	163
Ведренцева С.В. Объективные и субъективные факторы как элементы следственной ситуации	165
Гавриляк А.И. Парадигма нормативной истины: опыт построения ее навигатора в общей теории криминалистики	167
Галушин П.В. Выявление микрогрупп в сообществах, представляющих интерес для органов внутренних дел, с помощью методов анализа социальных сетей	168
Горшкова В.С. К вопросу о производстве осмотра места происшествия по факту безвестного исчезновения несовершеннолетних, находящихся в специализированных учреждениях	170
Драпезо Р.Г. Некоторые атипичные оперативно-розыскные ситуации, возникающие по убийствам, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления	172
Егошин В.В. Еще раз к вопросу о способах сокрытия незаконной добычи водных биологических ресурсов	174
Ерахмилевич В.В. Некоторые проблемы расследования преступных нарушений правил ведения строительных работ	176
Иванов И.В. О критериях выбора тактико-криминалистических средств изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственных действий с его участием	177
Князьков А.С. Проблемы классификации видов следственного розыска	179
Козыбаков Г.М. Проблемы подготовки проверки показаний на месте при расследовании краж из жилища	181
Кондратьев М.В. Оперативно-розыскная методика выявления и раскрытия наркопреступлений	183
Кругликов В.Д. Криминалистическая классификация преступлений как методологическое основание формирования методики расследования мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ)	185
Кужугет Т.К. Особенности расследования преступлений в сфере уплаты страховых взносов	186
Мазур Е.С. Современное состояние методики расследования атрогенных преступлений	188

Мигунов О.С. К вопросу о криминалистической характеристике неосторожных преступлений	190
Молоков В.В. Отдельные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием сети «Интернет», в рамках реализации закона о безопасном интернете	192
Негодина О.А. Роль учения Н.А. Бернштейна в развитии судебного почерковедения	194
Овсянников В.В. Внешний облик лица, причастного к совершению преступления, как криминалистическая информационная система	196
Остробородов В.В. Некоторые вопросы обнаружения и изъятия объектов биологического происхождения при расследовании преступлений, направленных против жизни и здоровья человека	198
Русанов Н.Ю. К вопросу о фиксации проведения проверки показаний на месте с засекреченными свидетелями по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств	200
Скоревич А.С. Критерии индивидуализации тактических приёмов допроса	202
Фоминых И.С. О некоторых аспектах составления тестовых заданий по криминалистике	203
Шепель Н.В. Криминалистические задачи исследования табачных изделий	205
Шошин С.В. Проблемы назначения, производства и оценки заключения судебной лингвистической экспертизы обценной лексики	207
Шухова Н.В., Сливкин А.Н. О значении криминалистического обеспечения охранной деятельности	209
Наши авторы	211

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 86

Сборник статей

Редактор Н.А. Афанасьева
Компьютерная верстка А.И. Лелюю
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 26.11.2020 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 14,2. Усл. печ. л. 13,2. Тираж 500 экз. Заказ № 4375.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978–5–94621–950–1

9 785946 219501